

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 8 2019 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

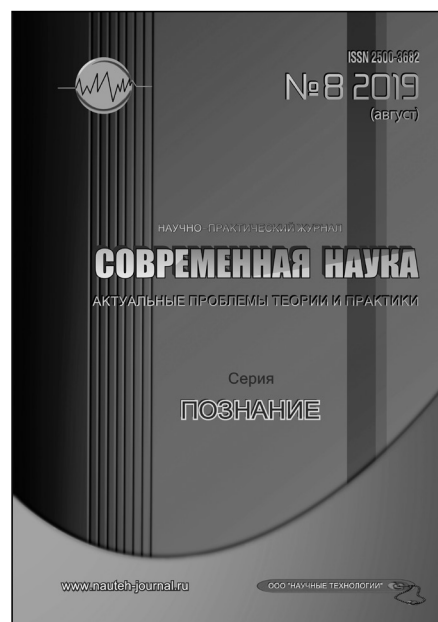
Подписано в печать 20.08.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 8 август 2019 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Ивинских Г. П. — Парадоксы свободы в искусстве и социуме на рубежах XIX – XX и XX – XXI веков
Ivinskikh G. — Paradoxes of Freedom in Art and in the Society at the Boundaries of the XIX–XX and XX–XXI Centuries5

Каландаришвили З. Н., Гезенко Д. П. — К вопросу о правовых традициях западной цивилизации
Kalandarishvili Zu., Gezenko D. — On the question of legal traditions of western civilization9

Психология

Гинзбург Д. А. — Актуальность психологии в различных сферах профессиональной деятельности современного человека
Ginzburg D. — Relevance of psychology in various fields of professional activity of modern man 13

Камшуков А. В., Константинов В. В. — Социально-психологические характеристики личности, в ситуации принятия решения проходить собеседование с использованием полиграфа
Kamshukov A., Konstantinov V. — Socio-psychological characteristics of the individual, in a situation of making a decision to be interviewed using a polygraph 17

Латынов В. В. — Психологическое воздействие продакт-плейсмента в кинофильмах
Latynov V. — Psychological impact of product placement in movies 21

Леевик М. В. — Взаимосвязь эмоционального состояния и сексуального поведения у ВИЧ-инфицированных мужчин. Результаты эмпирического исследования
Leevik M. — The relationship of emotional states and sexual behavior in hiv-infected men. The results of empirical research 25

Ногерова М. Т., Малкарова Р. Х., Созаев А. Б., Похомова О. Ю. — Структура социальной идентичности и особенности ее влияние на уровень толерантности студентов
Nogerova M., Malkarova R., Sozaev A., Pokhomova O. — Structure of social identity and peculiarities of its effect on the tolerance level of students 29

Редина А. В. — Особенности переживания чувства одиночества в подростковом возрасте
Redina A. — Features of survival feeling of loneliness in adolescent age 35

Ряжкин А. О. — Зрелость как системообразующий фактор нравственной активности
Ryazhkin A. — Maturity as a system-forming factor of moral activity 39

Сенченко В. В. — Особенности отношения интернет-активной молодежи к своему телу
Senchenko V. — Features of internet-active youth relations to your body 44

Федекин И. Н. — Влияние образовательной программы на становление некоторых аспектов профессиональной направленности у студентов педагогических профилей обучения
Fedekin I. — Influence of the educational program on the formation of some aspects of professional orientation at students of pedagogical profiles 48

Шемет И. С., Шемет С. С., Парфентьев В. И. — Влияние особенностей рождения на стрессоустойчивость и эмоционально-волевые качества спортсменов
Shemet I., Shemet S., Parfentiev V. — Influence of features of birth on stress resistance and emotional-volitional qualities of athletes 54

Философия	
Галмагова Г. М. — Сравнительный анализ гендерной идентичности и гендерной ментальности	
<i>Galmagova G.</i> — Comparative analysis of gender identity and gender mentality.....	59
Климович А. П. — Роль дисциплинарных практик в процессе индивидуализации модернизирующихся обществ	
<i>Klimovich A.</i> — The role of disciplinary practices in the process of individualization of modernizing societies	64
Михайлова А. В. — Структура коммуникативной среды в бытийном аспекте	
<i>Mikhailova A.</i> — The structure of the communicative environment in the aspect of being	71
Саврей В. Я. — Концепция телесности и смертности человека в философии постмодерна	
<i>Savrey V.</i> — The concept of human corporeality and mortality in the postmodern philosophy	75
Саврей В. Я. — Рождение философии постмодерна из кризиса культуры современной эпохи	
<i>Savrey V.</i> — The Rise of Postmodern Philosophy out of a Crisis.....	81
Тетенков Н. Б. — Понятие «субъективность» в философии И. Канта	
<i>Tetenkov N.</i> — The concept of "subjectivity" in Kant's philosophy.....	87
Цырендоржиева Д. Ш., Батоболотова Е. Б. — Теоретико-понятийные условия концептуализации понятия «судебная власть»	
<i>Tsyrendorzhieva D., Batobolotova E.</i> — Theoretical and conceptual conditions of the conceptualization of the concept of «judicial authority»	92
Информация	
Наши авторы. Our Authors.....	95
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	96

ПАРАДОКСЫ СВОБОДЫ В ИСКУССТВЕ И СОЦИУМЕ НА РУБЕЖАХ XIX — XX И XX — XXI ВЕКОВ

PARADOXES OF FREEDOM IN ART AND IN THE SOCIETY AT THE BOUNDARIES OF THE XIX–XX AND XX–XXI CENTURIES

G. Ivinskikh

Summary. Boundaries of the XIX–XX and the XX–XXI centuries in Russian history marked by social upheavals gave birth to phenomenon of revolutionary consciousness in the society and in the artistic sphere. On the one hand, such consciousness promoted thorough renewal, and on the other hand it incited intolerance and violence, which were hardly compatible with the freedom — the main motto of all revolutions. The article studies paradoxes relating to realization of postulates of freedom after the February Revolution and the October Revolution, as well as during the years of Perestroika and in the post-Soviet period.

Keywords: revolutionary consciousness, artistic sphere, year 1917, Perestroika..

Ивинских Галина Павловна

К.культурологии, доцент, Пермский государственный институт культуры
iwinskikh@mail.ru

Аннотация. Рубежи XIX — XX и XX — XXI веков в отечественной истории, отмеченные социальными потрясениями, породили в обществе и в художественной сфере феномен революционного сознания. Подобное сознание, с одной стороны, стимулировало радикальное обновление, а с другой, провоцировало нетерпимость и насильственность, плохо совместимые со свободой, главным лозунгом всех революций. В статье исследуются парадоксы, связанные с реализацией постулатов свободы после Февральской и Октябрьской революций, а также в годы «перестройки» и в постсоветский период.

Ключевые слова: революционное сознание, художественная сфера, 1917 год, «перестройка».

Рубежи веков XIX — XX и XX — XXI веков, если говорить о преобладающих общественных настроениях, то к ним можно отнести жажду перемен, свободы, новизны, что в итоге привело общество к революционному слому всех его основ и в 1917 году, и в начале 1990-х годов. Но всех надежд не оправдывает ни одна революция. В разворачивании событий по революционному сценарию (в далеком и недавнем прошлом) немало примеров, когда новизна фетишизируется, а свобода превращается в произвол. Это проявляется и в политике, и в культуре, и в бытовом поведении. Поскольку свобода аксиологически амбивалентна, апологеты разных противоборствующих сил, апеллируя к свободе, часто оказываются поработченными ее постулатами. Своеобразной реконструкцией самосознания людей в революционные периоды может служить стихотворение Максимилиана Волошина «Ангел мщенья» (1905):

*Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой — Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет» [1, с. 36]...*

Что касается людей творческих, то среди них востребованность свободы и новизны особенно высока. Творчество и есть квинтэссенция новизны, — создание того, чего не было. Февральская революция с ее «свободами» и отменой цензуры [2, с. 212] породила разногласия в художественной среде, в том числе театральной. Стали

образовываться различные группы со своими предложениями и проектами по реорганизации театрального дела в России, вплоть до экспроприации театров.

События развивались непредсказуемо, многие носители революционных идей на практике оказались очень далеки от благородных шиллеровских и иных литературных героев. В связи с высказыванием на митинге одного из ярких социалистов — «Ум есть тоже капитал, а мы боремся с капитализмом» — А. Р. Кугель иронизировал: «Судя по многому, мы идем быстро к декапитализации ума, и в частности, театр, разумеется, не может составить исключения. <...> Скучность нового репертуара безгранична. Где же вы, страдавшие от стеснения, покажите, как на вас отразилась свобода, взмахните освобожденными крыльями» [3, с. 436]. Зато иные хваткие предприниматели использовали конъюнктуру момента. Журнал «Театр и искусство» по этому поводу писал: «Театр пока что получил от «свободы» полную свободу порнографии» [4, с. 398]. Афиши пестрели названиями: «Любовь в ванне», «Революционная свадьба», «Купленная жена», «Наложница Калифа», «Мамзель Пашет» и т.п.

От воинствующей безвкусицы оторопь брала не только рафинированных эстетов (как поэт и философ Вл. С. Соловьев или Н. А. Бердяев), но даже такого бескомпромиссного борца за свободу, как А. М. Горький. Еще в середине апреля 1917 года он горячо призывал всех «очистить себя от пыли и грязи прошлого», но уже

в конце мая в растерянности восклицал: «Свободное слово» постепенно становится неприличным словом» [5, с. 16–17].

На общем собрании членов Союза драматических и музыкальных писателей даже развернулась бурная дискуссия по поводу репертуарного разгула и падения нравов на сценах. Выступавшие безуспешно пытались развести между собой понятия «оскорбления общественной нравственности», «порнографии» и «бесстыдства вообще» [6, с. 230].

Ситуацию в этом плане характеризуют слова одного из руководителей Союза драматических и музыкальных писателей И. Н. Потапенко в 1917 году. На возмущенный вопрос одного из журналистов в июне 1917 года, почему Союз не отказывает в защите авторских прав создателям «порнографических произведений», он ответил откровенно: «Допустим, что Союз писателей отказался бы от защиты этих пьес... Что сказала бы на это социалистическая пресса? Нас, конечно, назвали бы реакционерами» [7, с. 439]. А Союз писателей и журналистов из Нижнего Новгорода установил цензуру наборщиков над своими произведениями, уполномочив их «не предавать тиснению то, что на их взгляд вредно для современности и даже для партии». Журнал «Театр и искусство» сообщая об этом факте, вопрошал: «Дальше этого надругательства над свободой, куда же идти?» [8, с. 706–707].

После Октября 17 года, в раннюю романтическую пору, власть декларировала свободу творчества. Конечно, слова представителей власти и их дела далеко не всегда совпадали. С одной стороны, провозглашался плюрализм художественных сил, а, с другой, б'ольшими правами наделялось «левое» искусство. Затем авангардистов в плане поощрения инициатив, стали вытеснять «пролетарские художники», деятели Пролеткульта. Но уже к концу 1920-х годов в культурной политике становится преобладающим покровительство реалистическим направлениям в искусстве.

Чувствуя поддержку, представители «левых» или «правых» сил в разных областях творчества, особенно критики, начинали усиливать императивные интонации в отношении искусства той или иной направленности. Так, при провозглашенной свободе появляется «свобода травли». Судьба М. А. Булгакова и его произведений — яркий и печальный пример.

Здесь проявилось свойственное революционному сознанию стремление начать историю заново, добиться свободы любой ценой, что не раз приводило к перерождению свободы в произвол, в нетерпимость к инакомыслию. Можно вспомнить и Великую французскую революцию. Максимилиан Робеспьер, выступая в Кон-

венте с идеями принуждения к свободе, утверждал, что «революционное правление — это деспотизм свободы против тирании» [9, с. 113].

Драматическое выражение подобный «деспотизм свободы» находит в революционные эпохи, когда происходит подмена смыслов, когда борьба идей превращается в борьбу личностей, а именем свободы начинают осуществлять террор. Если в политическом плане свобода выражается в свободе дискуссий, мнений, то свобода в культуре, в театральной сфере предполагает структурное и художественное разнообразие при соблюдении ограничений, но не идеологического толка, а в лотмановском смысле («культура начинается с запретов»).

В исторической перспективе издержки революционного опыта предостерегают от крайностей, например от притязаний одной какой-нибудь творческой группы на монополию в искусстве.

Во время «перестройки», во второй половине 1980-х годов, апологетика советских порядков быстро сменилась обличительным пафосом. На волне гласности поднялся газетно-журнальный бум. При этом свобода оказалась под диктатом жестких конъюнктур — «за» или «против» власти, что в сфере театра (и не только) приводило к смещению собственно художественных критериев. Сам факт оппозиционности давал своего рода индульгенцию на художественные слабости.

Хотя в нынешнем веке, сравнительно с 1990-ми годами, нигилистическое отношение к наследию советской культуры ослаблено, два полюса (советское и антисоветское) продолжают разрывать общественное сознание. Столетие назад «беда футуризма» виделась Н. А. Бердяеву в том, что «он слишком обращен назад, отрицательно прикован к прошлому, слишком занят сведением с ним счетов и все не переходит к новому творчеству в свободе» [10, с. 11–12]. На современном историческом этапе подобное «сведение счетов» тоже обедняет творчество.

Если в 1920-е годы устраивались театрализованные судилища над Онегиным, Печориным, иными книжными и историческими героями, то в перестроечное время осуждениям подверглись А. М. Горький, М. А. Шолохов, даже Б. Ш. Окуджава (за «Комиссаров в пыльных шлемах»), А. Н. Пахмутова и Л. Г. Зыкина, другие представители искусства за «советские мотивы» в творчестве. Сегодня их творчество «реабилитировано». Но во второй половине 1980-х годов некоторые статьи по жанру стали напоминать доносы. В новом времени с новой силой возродилась старая установка: замкнуть оценки на идеологию, на политику.

В создавшихся условиях, с одной стороны, разрушали тоталитаризм, рассуждали о плюрализме и «новом

мышлении», с другой (с прежним тоталитаристским пафосом), требовали — «единым строем», «в массе», «все как один»: общество — к рынку и капитализму, театры — к абсурдизму, постмодерну и т.д.

Но власть рынка во многих случаях оказалась более губительной для театра, чем идеологические ограничения советского периода. Приверженность театра всему новому, в том числе и прививку к нашей традиции современных западных тенденций можно только приветствовать. Но с одним уточнением, если это происходит в качестве дополнения, а не тотального замещения. Подлинно ли для развития искусства нам требуется вектор на концептуальное, а не эмоциональное восприятие, игра на понижение, стирание граней между добром и злом, стеб, обнажения на сцене и т.п. Или это делается в угоду моде, амбициям, ложно понятой свободе?

В сущности, подобные установки существуют не только у нас, и возникли они не сегодня. Свидетельств достаточно. Сошлемся на высказывание П. Пазолини по поводу иллюзии свободы, заключенной в образе обнаженного тела. Фрагмент из его интервью 1975 года приводит Д. В. Трубочкин в своей статье «Античность и «актуальность». Об уроках древности и лихорадке новизны»: «В тоталитарных обществах, основанных на подавлении свобод, секс всегда свободен: он тщательно скрывается и существует на тех окраинах жизни, где нет обязательств на секс. Именно поэтому он свободен по-настоящему. В либеральных, или толерантных обществах, где свобода провозглашена открыто, секс перестает быть свободным и превращается в невроз.

Во-первых, потому что провозглашенная свобода — мнимая; в либеральных обществах на самом деле провозглашается не свобода, а разрешение, объявляемое сверху: делайте это, а не то. Во-вторых, как только провозглашена свобода секса, его сразу же начинают воспринимать не как свободу, но как обязательство, и он становится частью общества потребления» [11, с. 21].

Наблюдая происходящее, с этим трудно не согласиться. Довольно часто можно видеть, что художником

«руководит» желание выполнить институциональный заказ, который считается прогрессивным в узких кругах.

Здесь напрашивается немало параллелей. К примеру, немецкий историк Эдуард Фукс в своем уникальном исследовании, посвященном истории нравов (от Возрождения до начала XX века), опираясь на европейскую театральную практику начала XX века, когда «революционным подвигом» считалось появление на сцене Монны Ванны, Юдифи и Саломеи с обнаженной грудью, писал: «Люди воображают, что поступают как революционеры или, по крайней мере, смело, если порывают со старыми традициями формы и преодолевают чувство чопорности и стыдливости. <...> На самом деле — это не более чем ухищрения спекулянтов, отвлекающих внимание публики от идеи в сторону пикантной детали». Из этого историк делает следующий вывод: «Все притупилось, <...> все поэтому жаждут сенсационных переживаний: одни — представляя, другие — созерцая. А затушевываются и оправдываются эти сенсационные переживания высокими фразами «о мужественном служении» правде» [12, с. 388].

Сегодня на наших сценах, экранах и в выставочных залах этого «служения» предостаточно. Характерны фразы из статей известных театральных критиков:

- ◆ Нина Велехова (1988): «Раздетая актриса — приманка для кассы. Вот и все идеи, проблемы, кодексы» [13].
- ◆ Ирина Василюхина (1996): «Страшно быть заподозренным в тупости и отсталости, мы спокойно проглатываем то, от чего заведомо мутит и подташнивает» [14].

Рыночные механизмы, привнесенные в театральную среду, требуют быстрого успеха. Когда художник вольно или невольно во главу угла ставит подобную задачу, то им начинает двигать страх быть неинтересным, неуспешным. В этом случае подлинный, свободный поиск, который бескорыстен и не ограничен во времени, подменяется модностью. Авангард, поставленный на поток, превращается в арьергард.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин, М. А. Стихотворения / М. А. Волошин. — М.: Книга, 1989. — 543 с.
2. Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Выпуск № 1: 27 февраля — 5 мая 1917 г. Петроград: Гос. тип. 1917. — VIII. — 557 с.
3. Кугель, А. Р. (Ното повус) Заметки / А. Р. Кугель // Театр и искусство. — 1917. — № 25. — 18 июня. — С. 434–436.
4. Кугель, А. Я. (Ното повус). Заметки / А. Я. Кугель // Театр и искусство. — 1917. — № 23. — 4 июня. — С. 398–400.
5. Горький, М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918) / М. Горький. — М.: Интерконтакт, 1990. — 192 с.
6. Н. Н. Обсуждение вопросов цензуры / Н. Н. // Театр и искусство. — 1917. — № 13. — 2 апреля. — С. 230.
7. Маленькая хроника // Театр и искусство. — 1917. — № 25. — 18 июня. — С. 439.
8. [Б. а] Петроград, 8 октября 1917 // Театр и искусство. — 1917. — № 41. — 8 октября. — С. 706–707.

9. Робеспьер, М. Избр. произв.: в 3-х т., / М. Робеспьер. Т. 3. — М.: Наука, 1965. — 378 с.
10. Бердяев, Н. А. Кризис искусства / Н. А. Бердяев. — [Репр. изд.]. — М.: Интерпринт, 1990. — 48 с.
11. Трубочкин, Д. В. Античность и «актуальность». Об уроках древности и лихорадке новизны / Д. В. Трубочкин // Вопр. театра / PROSCAENIUM. — 2011 — № 1–2. — С. 6–30.
12. Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов: в 3 т. Т. 3: Буржуазный век / Э. Фукс. — М.: Республика, 1994. — 442 с.
13. Велехова, Н. «Не спи, не спи, художник» / Н. Велехова // Советская культура. — 1988. — 18 февраля.
14. Василинина, И. Глоток свободы / И. Василинина // Культура. — 1996. — 5 октября.

© Ивинских Галина Павловна (iwinskih@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Пермь

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЯХ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ON THE QUESTION OF LEGAL TRADITIONS OF WESTERN CIVILIZATION

Z. Kalandarishvili
D. Gezenko

Summary. The article analyzes the problematic issues related to the evolution of legal traditions in the countries of Western civilization. Western civilization has a rich socio-cultural experience. It is necessary to take from it for the Russian legal soil only all positive and acceptable. Today it is necessary to isolate and explore the possibility of building a common cultural and legal space in which a worthy place for Russia should be found.

Keywords: law; culture; society; civil society; legal culture; legal traditions; civilization; western civilization; western european spirituality.

Каландаришвили Зураб Надарович

К.ю.н., к.п.н., доцент, Санкт-Петербургский
Гуманитарный Университет Профсоюзов
zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Гезенко Дарья Павловна

Преподаватель, Санкт-Петербургский
Гуманитарный Университет Профсоюзов
billy_92@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы, связанные с эволюцией правовых традиций в странах западной цивилизации. Западная цивилизация имеет богатый социокультурный опыт. Брать из него для российской правовой почвы надо только все положительное и приемлемое. Сегодня необходимо вычленять и исследовать возможности выстраивания общецивилизационного культурного правового пространства, в котором должно быть найдено достойное место для России.

Ключевые слова: право; культура; общество; гражданское общество; правовая культура; правовые традиции; цивилизация; западная цивилизация; западноевропейская духовность.

В современной науке наблюдается известный плюрализм в представлениях о смысловом наполнении термина «цивилизация». По нашему мнению, под термином цивилизация, можно понимать исторически определенное качество общества, выражающееся в специфической общественно-производственной технологии и соответствующей культуре.

Цивилизация является феноменом, более широким чем культура и представляет собой способ общественной жизни, неразрывно связанной с культурой, так как именно цивилизация развивает и объективирует ее достижения и ценности. В отличие о цивилизации, культура есть та сфера бытия, где человек является исключительной целью деятельности. Культура выступает одновременно как источник формирования цивилизации и как сфера ее функционирования, при этом цивилизация удерживает культуру в заданном направлении. Цивилизация оформляет и организует культуру, в рамках которой последняя развивается по тем или иным канонам. Слабое воздействие цивилизации на культуру приводит к хаосу в социуме, но вместе с тем сильное воздействие приводит к диктатуре социальной жизни.

Переходя к анализу специфики правовых традиций Западной цивилизации, следует отметить, что понятие «Западная цивилизация» сформировалось в сопоставлении и нередко противопоставлении с другим понятием — «Восточная цивилизация».

Первое используется как синоним европейской культуры, культурной общности стран и народов Европы, сохраняющейся с эпохи Древней Греции по настоящее время и опирающейся на типологическую общность культурных традиций и способов их самоосуществления на всем протяжении исторического развития [4, с. 19].

Первым в Европе противопоставили себя Востоку древние греки. Понятие «Восток» они относили к Персии и другим землям, находящимся восточнее греческого мира. Но уже в Древней Греции это понятие было не просто географическим, в него вкладывался более широкий смысл. Разграничение Запада и Востока стало формой обозначения эллина и варвара, «цивилизованности» и «дикости». Ясно, что такое деление имело отчетливо выраженную ценностную окраску: варварское начало решительно отвергалось во имя эллинского. Подобный взгляд со временем оформился в одну из традиций, унаследованных социальной практикой и духовной жизнью после античной Европы. Ведь Греция явилась отправной точкой развития европейской культуры Нового времени [4, с. 21].

В XX веке европейский тип культуры распространился далеко за пределы Европы, охватив другие континенты — Америку, Австралию и ряд азиатских и африканских стран. В значительной мере утратило силу и прежнее противопоставление культур Европы и России. Имея в виду, что культура европейского типа уже

не является характерной лишь для Европы, ее обычно называют «западной культурой». Конечно, всюду есть свои особенности, но все же можно говорить о наличии общих черт, типичных для западной культуры в целом и так или иначе проявляющихся в культурной жизни всех стран, охваченных ею.

Следствием анализа западноевропейской духовности является признание системообразующей роли за идеями свободы, закона, гражданского общества и естественных прав человека. Системообразующие идеи западноевропейской культуры в своем единстве освящают первичность прав человека и вторичность его обязанностей и ответственности, поэтому культура выступает здесь сферой и формой социальных притязаний людей, организуемой, корректируемой, обеспечиваемой позитивным правом и государством [1, с. 34].

Следует согласиться с тем, что Западная цивилизация «представляет собой способ культурного самоосуществления, образа жизни и ценностей западного мира, выходящего за пределы Западной Европы и включающего Северную Америку, Австралию и другие регионы. Термин «западная» характеризует типологические отличия от восточной культуры, а термин «цивилизация» говорит не только о внутренних импульсах и культурных установках, но и о последствиях, результатах, технологической оснащенности западной культуры, что в совокупности дает эффект западной цивилизации. В этом случае речь идет прежде всего о доминирующем типе культуры, что вместе с рассмотрением вопроса о способах ее реализации доводит его обсуждение до проблем цивилизационно-исторической целостности и создания теоретической модели Запада. В современных исследованиях обычно цивилизация Запада отождествляется с европейской техногенной культурой, исторически базирующейся на экспериментальной науке, превращающейся в современном обществе в поставщика технологий, и соответствующей системе образования. Техника и наукоемкие технологии сделали возможной европейскую цивилизацию, в которой человек впервые в его истории вынесен за пределы производственного процесса [3, с. 156].

Вообще если говорить о правовых традициях Западной цивилизации, то следует выделить относительно резкое различие между правовыми институтами и учреждениями (включая правовые процессы, такие, как законодательство и вынесение судебных решений, равно как и правовые правила и понятия, создаваемые в ходе этих процессов) и другими типами учреждений. Хотя право остается под сильным влиянием религии, политики, морали, обычая, однако его можно аналитически отличить от них.

Например, обычай в смысле привычных образцов поведения отличается от обычного права в смысле обычных норм поведения, считающихся юридически обязывающими. Точно так же политика и мораль могут определять закон, однако они не мыслятся как сам закон, что имеет место в некоторых других культурах. На Западе, считается, что право имеет свой собственный характер, обладая определенной относительной автономией. С резкостью этого различия связан и тот факт, что управление правовыми учреждениями в западной традиции права доверено специальному корпусу людей, которые занимаются правовыми действиями на профессиональной основе в качестве своей более или менее основной работы. Эти профессионалы, именуемые ли они адвокатами, как в Великобритании и США, или юристами, как в большинстве других стран Запада, специально обучаются в отдельном разделе высшего образования, определяемом как юридическое образование, имеющем свою собственную профессиональную литературу и профессиональные школы или иные места обучения. Эти черты западной традиции права разделяет и традиция римского права, которая развивалась в Римской республике и Римской империи со II в. до н.э. по VIII в. н.э. и позднее.

В западной традиции права закон воспринимается как связанное целое, как единая система, «организм», который развивается во времени, через века и поколения.

В эпоху формирования традиции права на Западе преобладала теория естественного права. По общему представлению, человеческий закон являлся производным от разума и совести, в итоге разумом и совестью. Согласно не только философии права того времени, но и самому действующему праву, всякий действующий закон, как утвержденных, так и обычных, должен соответствовать естественному праву, иначе ему будет недоставать законной силы и им можно будет пренебречь [1, с. 26–27].

Необходимо отметить, что право в истории Западной цивилизации не может быть всецело сведено ни к материальным условиям того общества, которое его порождает, ни к соответствующей системе идей и ценностей. Следует также рассматривать право и как самостоятельный фактор, как одну из причин, а не только один из результатов целого ряда общественных, экономических, политических, интеллектуальных, моральных и религиозных явлений.

В определении и исследовании правовых традиций Западной цивилизации большая роль отводится социальной теории права, которая сегодня должна делать упор на взаимодействие духа и материи, идей и опыта. Она должна свести воедино все три традиционные школы юриспруденции — политическую школу (позитивизм),

этическую школу (теория естественного права) и историческую (историческая юриспруденция) — и создать интегрированную, единую юриспруденцию. Социальная теория права должна повернуться лицом к тому факту, что системы права зародились на Западе в конце XI и в XII в. и что некоторые основные характеристики этих систем права пережили великие национальные революции XVI — XX столетий. Еще один факт, который невозможно обойти, это то, что первой новой западной системой права стало каноническое право римско-католической церкви. Дуализм церковной и светской юрисдикции — вот отличительная, если не уникальная, черта всей западной культуры, в том числе и правовой [1, с. 57–58].

Западная цивилизация в сфере правовой культуры отразилась в романо-германской правовой семье. Главным источником романо-германского права было римское частное право, оформившееся в I–III вв. нашей эры в целостную и логически непротиворечивую систему. Творчество римских юристов носило сугубо казуистический характер, осуществляясь преимущественно в форме обсуждения конкретных споров, в связи с которыми предлагались соответствующие решения частноправовых вопросов. Римское частное право органически выросло из потребностей реальной жизни, что придавало ему дополнительную устойчивость. Еще одной чертой римского права было то, что оно являлось правом частных лиц, а не организаций (и тем более — не государства) [5, с. 14–15].

На территории же Англии в середине XI века формируется правовая семья общего права. Ее еще называют семьей англо-саксонского или англо-американского права. Главное отличие семьи общего права от романо-германской состоит в следующем: английские общее право в отличие от романо-германского права развивалась не в университетах, не учеными-юристами, а юристами-практиками. В странах семьи общего права господствует судебный прецедент, где между судебным прецедентом и сложившейся судебной практикой нельзя ставить знак равенства, законодательство как источник права занимает менее важное место, чем судебный прецедент. Для стран семьи общего права не характерна кодификация. Для семьи общего права характерно наличие суда присяжных. Таким образом, по своей структуре правовая семья общего права существенно отличается от романо-германской правовой семьи. Она не приемлет отраслевую классификацию правовых норм и не предусматривает деление права на публичное и частное. Постоянно развиваются только отдельные институты права, большую роль в реализации права играет справедливость, основанная на праве.

Исследуя специфику и особенности правовых традиций Западной цивилизации следует обратить внимание

на такую ее социокультурную характеристику, как полисная форма организации правовой жизни. Именно полисная форма организации правовой жизни западной цивилизации формирует у индивида представления о своей значимости, как автономной личности и активном в правовом поле действия субъекте, способном самостоятельно принимать правовые решения. В целом же, для правовых традиций Западной цивилизации центральным принципом ее социально-правовой организации является законность, исходящая из основы позитивного права и непосредственно связанная с государственной властью.

По мере эволюции основных начал позитивного права внутри единой Западной цивилизации вырисовываются в зависимости от социокультурных условий два главных слоя: первый — юридино-интеллектуальный, когда в системе юридических структурных построений напрямую дает о себе знать деятельность законодателя; и второй слой — непосредственно регулятивный, прагматический, когда на основе практики, опыта, преимущественно с помощью прецедентов вырабатываются оптимальные средства решения юридически значимых ситуаций.

Сложность и многогранность социокультурной реальности говорит нам о том, что нигде в полной мере ни один из рассмотренных слоев позитивного права не был реализован. Причем его конкретная форма определяется как особенностями культурно — исторического пути развития общества так и социокультурным содержанием Западной цивилизации. Подтверждением плюрализма права могут служить правовые системы стран, имеющих общие исторические корни. Английское и американское право, например, принадлежит к одной англосаксонской правовой системе, но имеет существенные отличия. Так, консерватизм английского общества отразился на структуре английского права: основным его источником по-прежнему остается общее право. Отсутствие длительной истории собственного права сказалось на том, что и прецедент, и закон в американском праве, возникнув почти одновременно, практически равноценны. Кроме того, формирование американского народа как конгломерата разных этносов привело к появлению множества изолированных по юрисдикции правовых систем.

Другим примером зависимости правовой системы от социокультурных особенностей общества служит скандинавское право, принадлежащее к романо-германской правовой системе, но имеющее существенные черты общего права.

Мы полагаем, что для современного этапа развития цивилизации характерно со стороны США и стран Запад-

ной Европы стремление навязать мировому сообществу, в том числе и Российской Федерации, западный вариант понимания права, как модель исключительно наивысшего достижение общечеловеческой культуры.

Здесь мы разделяем точку зрения В. М. Межуева, что «претензии Запада на мировую гегемонию несостоятельны хотя бы потому, что игнорирует культурные особенности стран и народов. Находящихся за пределами западного мира и имеющих для них более фундаментальное значение, чем экономика и политика» [6, с. 46–47].

Прав в этом ракурсе и Хашматулла Бехруз считая, что «утверждение западной цивилизации в качестве уни-

версальной сводит остальные культуры лишь к некому «местному колориту» [2, с. 23].

Конечно, мы не отрицаем того, что правовые традиции Западной цивилизации имеют богатый социокультурный опыт, но брать из него для российской социокультурной и правовой почвы надо только все положительное и приемлемое. Сегодня необходимо вычленять и исследовать возможности выстраивания общецивилизационного культурного правового пространства, в котором должно быть найдено достойное место и для России, которая всегда адекватно воспринимала в прошлом и сейчас высшие идеалы, и культурные ценности, имеющие общечеловеческое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Инфа-норма, 1999. — 624 с.
2. Бехруз Х. Основы цивилизационного подхода в сравнительном правоведении. Одесса: Феникс, 2007. — 61 с.
3. Гуревич П. С. Культурология. М.: Проект, 2002. — 496 с.
4. Драч Г. В. История мировой культуры (мировых цивилизаций). — Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. — 544 с.
5. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. — М.: Статут, 2000. — 781 с.
6. Межуев В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб: СПбГУП, 2011. — 440 с.

© Гезенко Дарья Павловна (billy_92@mail.ru), Гезенко Дарья Павловна (billy_92@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов

АКТУАЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГИИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

RELEVANCE OF PSYCHOLOGY IN VARIOUS FIELDS OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF MODERN MAN

D. Ginzburg

Summary. Modern science psychology is firmly included in various professions, mastered by man, ranging from humanitarian and natural areas, ending in military Affairs, differentiating, thereby, in a variety of subsections (sports, education, media, etc.). In the last decade, the profession of corporate psychologist is actively gaining popularity, which helps large and serious enterprises to adjust the thinking of hundreds and thousands of people in order to increase the company's profits. First of all, any organization operates through human resources, so the management, together with a corporate psychologist, implement and adjust the principles and approach to work, developing innovative thinking, thereby making the company more competitive and profitable, and the work of employees — relevant.

Keywords: corporate culture, corporate culture of an employee, human resources, corporate psychologist.

Гинзбург Денис Александрович

Преподаватель, ЧОУ ВО «Академия управления
и производства», г. Москва
89160116111@mail.ru

Аннотация. Современная наука психология прочно входит в различные профессии, осваиваемые человеком, начиная от гуманитарных и естественных направлений, оканчивая военным делом, дифференцируясь, тем самым, на самые разные подразделы (спорт, образование, СМИ и пр.). В последнее десятилетие активно набирает популярность профессия корпоративного психолога, который помогает на крупных и серьезных предприятиях корректировать мышление сотен и тысяч людей с целью увеличения прибыли компании. Прежде всего, любая организация функционирует посредством человеческих ресурсов, поэтому руководство совместно с корпоративным психологом внедряют и корректируют принципы и подход к работе, развивая инновационное мышление, делая, тем самым, предприятие более конкурентоспособным и прибыльным, а работу сотрудников — релевантной.

Ключевые слова: организационная культура, корпоративная культура сотрудника, человеческие ресурсы, корпоративный психолог.

Здоровье организации может определяться психологическим состоянием ее сотрудников и уровнем их вовлеченности в деятельность предприятия. Согласно исследованиям А.Б. Косаревой (2007) и Б.Р. Мандель (2015): «Выражение профессионализма практического психолога находит свое отражение в мотивационной и операциональной сферах. Операциональная сфера психики специалиста обеспечивает исполнительную часть профессиональной деятельности, во многом влияя на качество получаемого в итоге результата... Мотивационная сфера характеризуется совокупностью внешних и внутренних элементов, побуждающих, регулирующих и направляющих деятельность, ориентированную на практическое овладение профессией» [4, с. 62–63], при этом корпоративный психолог делает большой акцент на мотивации сотрудников — главной функции стратегического управления, которая позволяет разрабатывать системы релевантных стимулов, побуждающих к эффективной трудовой деятельности в рамках целеполаганий предприятия и поставленных стратегических задач [5, с. 280].

В науке о психологии существуют определенные теории, которые служат моделями и ориентирами для понимания того или иного явления. К ним относятся

психоанализ (Зигмунд Фрейд), когнитивное развитие (Брунер Джером), теория привязанности (Боулби Джон), бихевиоризм (Уотсон Джон), все эти теории помогают понять человеческие мысли, эмоции и поведение, свойственные не только для определенной жизненной ситуации, происходящей в быту, но и в профессиональной деятельности и, при необходимости, вовремя скорректировать их.

Корпоративный психолог — это профессия, ориентированная на психологическую деятельность и услуги, связанные с проблемой человеческих ресурсов в организации. Корпоративный психолог обычно участвует в подборе сотрудников на выбранные или специальные должности, с целью оценить их пригодность для продвижения по службе и оказывать помощь в управлении карьерой для конкретных работников. Он помогает всем сотрудникам решать рабочие или иные проблемы, которые могут повлиять на производительность труда, а также участвует в решении вопросов, связанных с человеческими ресурсами в организации [7].

Организационная психология позволяет людям лучше понять, как тело и разум функционируют вместе в профессиональной деятельности, помогает принимать

актуальные для той или иной ситуации решения и избегать стрессовых ситуаций, учит грамотно управлять временем, ставить и достигать производственных целей, добиваясь, тем самым, эффективной трудовой деятельности.

Организационная психология способна изменить отношение и поведение своих сотрудников в профессиональной деятельности, применяя современные достижения обозначенной науки, которая объясняет, почему люди думают и поступают тем или иным образом. Так как в любой отрасли корпоративного бизнеса, на государственном или негосударственном предприятии, одним из наиболее распространенных и наиболее важных ресурсов, с которыми имеет дело специалист, является человеческий ресурс, наличие штатного или внештатного психолога очевидно. Прибыль приносит организация, а люди являются движущей силой её деятельности и развития, грамотно организованная работа которых ведёт к увеличению прибыли.

Уже более 15-ти лет программы по совершенствованию корпоративной культуры в организации становятся все более распространенными. Тем не менее, их трудно осуществлять — успех зависит от того, удастся ли убедить сотни или тысячи людей изменить способ своей трудовой деятельности — руководство стремится изменить тип мышления своих сотрудников, адаптируя его под современные тенденции. В особенности, это касается российских организаций, подход к работе которых существенно изменился за последние 20 лет. Шаблонный тип мышления не предполагает активной мозговой деятельности, а новые требования часто вводят сотрудников в стресс, работники же «старой закалки» часто склонны к консерватизму. В то время как до перестройки людей учили мыслить клишировано и придерживаться многолетних традиций в своей трудовой культуре, наша современность диктует новые качества работников, которые более всего импонируют работодателю: креативность, универсальность, клиентоориентированность, неординарность мышления, способность работать в режиме многозадачности, конкурентоспособность, стрессоустойчивость и пр.

Сегодня организации используют три уровня модификации принципов работы сотрудников:

1. Самый простой уровень предполагает достижение определенных результатов, не меняя принципов работы людей; один из примеров — это отчуждение непрофильных активов для сосредоточения внимания на основной деятельности с целью повысить свою экономическую эффективность.
2. На следующем уровне сложности сотрудников просят скорректировать их практическую де-

ятельность или освоить новый принцип работы, соразмерный с их привычным мышлением, чтобы достичь новой заданной цели. Например, компания, выбирающая инновационные пути развития, может привлекать ученых, чтобы увеличить спектр идей в организацию и, следовательно, поток новых продуктов на рынок, либо поощряет своих сотрудников при поиске новых способов сокращения убытков предприятия.

3. Коррекция профессионального мышления сотрудников по всем критериям: начиная от организации собственного рабочего места, оканчивая принятием важных для развития всей компании решений тем или иным работником, а именно: когда единственный способ, с помощью которого организация может достичь более высокой производительности, заключается в том, чтобы изменить поведение его людей по всем направлениям. Сотрудник может стать более конкурентоспособным только путем фундаментального изменения его культуры — например, переход от реактивного управления к проактивному, от иерархического к коллегиальному или от интроспективного к внешне ориентированному. Поскольку коллективная культура организации, в общих чертах, представляет собой совокупность того, что является общим для всех ее групповых и индивидуальных установок, такая трансформация влечет за собой изменение профессионального мышления десятков людей. Это третий и самый сложный уровень: формирование новой корпоративной культуры.

В последнее время многие компании обнаружили, что объединение всех основных новаторств (из программ повышения производительности) привело к поразительным изменениям в поведении сотрудников — изменениям, коренящимся в новых установках мышления. Несмотря на то, что программы повышения производительности, которые включают в себя симбиоз всех этих идей, могут быть весьма трудными и затратными для внедрения, компания в итоге получает больше шансов добиться долгосрочных изменений в деловой практике и тем самым — роста экономической эффективности.

В современной практике корпоративных психологов дифференцируется четыре условия для изменения мышления. Сотрудники корректируют свое мышление только в том случае, если они видят смысл в этой коррекции и согласны с ней. Выбранная политика предприятия (например, система вознаграждения или признания — «Лучший работник месяца») должна коррелировать с новыми принципами организации труда. Сотрудники должны обладать специальными навыками, чтобы выполнять то, что требуется. Наконец, руководство должно уважать

людей, профессиональную деятельность которых оно активно моделирует. Каждое из этих условий реализуется независимо; вместе они складываются в способ коррекции поведения людей в организациях путем изменения отношения к тому, что может и должно происходить на работе.

В 1957 г. Стэнфордский социальный психолог Леон Фестингер опубликовал свою теорию когнитивного диссонанса — тревожного психического состояния, возникающего, когда люди обнаруживают, что их убеждения несовместимы с их действиями. Фестингер наблюдал у испытуемых глубоко укоренившуюся потребность устранить когнитивный диссонанс путем изменения их действий или убеждений: цель — верить во что-либо. Смысл этого открытия для организации заключается в том, что, если ее сотрудники верят в ее общую цель, они будут рады изменить свое индивидуальное поведение, чтобы служить этой цели. Однако на самом деле, они будут страдать от когнитивного диссонанса, если они этого не делают. Тем не менее, чтобы чувствовать себя комфортно в отношении изменений и осуществлять их с энтузиазмом, люди должны понимать роль своих действий в разворачивающейся драматической судьбе компании и полагать, что им стоит внести свою лепту.

Как отмечает в своих научных исследованиях А. Я. Анцупов (2018): «Одним из наиболее важных ресурсов в организации является ее персонал. Эффективность работы организации в целом складывается из эффективности использования всех организационных ресурсов, в том числе каждого члена коллектива. Психологический смысл деятельности руководителя коллектива по оценке персонала заключается в создании обстановки вовлечения всего личного состава организации в общественно полезную эффективную деятельность» [2, с. 252]. При этом недостаточно сказать сотрудникам, что им придется делать все по-другому. Любой, кто возглавляет крупную программу модификаций поведения, должен найти время, чтобы обдумать ее «историю» — что следует предпринять — и растолковать эту «историю» всем людям, участвующим в осуществлении изменений, чтобы их вклад имел смысл для них как для отдельных лиц.

Стоит упомянуть принцип укрепления системы. Скиннер известен своими экспериментами с крысами конца 1920-х и 1930-х гг. Он обнаружил, что может побудить крысу выполнить скучную задачу преодоления лабиринта, предоставив правильный стимул — кукурузу в центре лабиринта — и наказывая крысу электрическим током каждый раз, когда она делала неправильный поворот.

Теория положительного и отрицательного подкрепления по Скиннеру была подхвачена психологами, за-

интересованными в том, что мотивирует людей в работе. Когда цели компании в отношении нового поведения не подкреплены, сотрудники с меньшей вероятностью будут применять его последовательно; например, если руководителям настоятельно рекомендуется уделять больше времени обучению младшего персонала, но коучинг не фигурирует в оценках эффективности работы менеджеров, они вряд ли будут беспокоиться об этом.

Некоторые последователи Скиннера пришли к выводу, что «петли» позитивного подкрепления имеют постоянный эффект: однажды установив их, можно их оставить надолго. Однако со временем крысам Скиннера надоела кукуруза, а также они начали игнорировать удары током — подобное явление часто мешает организациям поддерживать более высокую производительность: структуры и процессы, которые изначально усиливают или обуславливают новое поведение, не гарантируют его долговечность. Они должны поддерживаться модификациями способов поощрения и наказания, которые дополняют другие условия для изменения мышления.

Многие программы модификаций поведения допускают ошибку, призывая сотрудников вести себя иначе, не обучая их тому, как адаптировать поручения руководства под конкретную ситуацию. Например, компания может призвать работников быть «клиентоориентированными», но, если в прошлом организация мало выделяла психологических и педагогических ресурсов на данный вопрос, сотрудники не будут знать, как интерпретировать данный принцип, или не будут знать, как должен выглядеть конечный успешный результат.

Во-вторых, как показал корпоративный психолог Крис Аргирис, люди более тщательно усваивают информацию, если продолжают рассказывать другим о том, как они будут применять полученные знания конкретно на практике в своей реальной жизни [6]. Данный феномен обуславливается тем, что люди используют разные области мозга для обучения и преподавания.

Таким образом, в настоящее время приобрела заслуженную популярность корпоративная психология, специализирующаяся на анализе и корректировке принципов взаимодействия сотрудников определенной организационной структуры, а также на разработке стратегий вербовки, мотивации, развития, изменения и стимулирования работников.

Корпоративная психология содействует продвижению продуктивных отношений и формированию релевантного поведения сотрудников, помогает управлять балансом профессиональной жизни, участвует при выборе кандидатов на вакантные места, способствует карьерному росту кандидатов наиболее эффективным

способом. Ключевые цели организационной психологии — помочь в повышении производительности труда сотрудников и в налаживании профессиональной коммуникации между людьми для создания благоприятной рабочей культуры и среды на рабочем месте.

Каждая организация в современном мире нуждается в таланте, и она должна обеспечивать благоприятную культуру и атмосферу для сотрудников, желающих проявить свои таланты и креативность, релевантные для профессии. Доктор Эдвард Деминг, специалист по качеству, отметил, что человеческие ошибки и человеческое поведение являются проявлением организационной психологии управления и ее процессов. Один и тот же человек может быть профессионально непригодным или, напротив, достичь очень высокого уровня производительности и изменить свое поведение, если создать для него подходящую рабочую среду [3]. Таким образом, чтобы выявить способ раскрытия / развития таланта сотрудника, сначала следует определить поведение индивида — это сочетание психологии с организационными функциями человеческих ресурсов действует как мультипликатор силы и в целом создает синергию для работы всей организации на высоком уровне.

Большинство клинических работ подтверждают идею о том, что последовательные образцы для подражания, которые известный педиатр Бенджамин Спок считал решающими для развития детей, также важны для изменения поведения взрослых [1]. В любой организации люди моделируют свое поведение, опираясь на примеры «других значимых» для них людей: тех, кого они видят в позициях влияния. В рамках одной организации люди с разными функциями или уровнями вы-

бирают разные образцы для подражания — это может быть партнер-учредитель или руководитель отдела и пр. Таким образом, для последовательного изменения поведения сотрудников во всей организации, недостаточно обеспечить соответствие деятельности руководителей новым принципам работы — ролевые модели руководителей заключаются в том, что они должны уметь выставлять перед сотрудниками на каждом уровне правильные ориентиры путём демонстрирования собственной модели поведения и принципов профессиональной коммуникации.

Выводы. Современные тенденции корпоративной психологии обусловлены веяниями нового времени и, прежде всего, гуманистическим подходом к совершенствованию навыков производительной деятельности сотрудников организаций. Вместо строгих систем штрафом руководство все больше отдает предпочтение психологии, позволяющей путем коррекции профессионального мышления получать слаженный коллектив релевантных сотрудников, избегая при этом профессионального выгорания, конфронтаций и стрессов на работе.

Стоит отметить, что корпоративный или штатный психолог актуален в любой трудовой деятельности, начиная от гуманитарных и естественных направлений, оканчивая инженерией и военным делом. Основная задача психолога: научить сотрудников слаженному взаимодействию в коллективе, грамотной работе с заказчиком / потребителем / пациентом / пострадавшим и пр., а также активизировать главную функцию стратегического управления сотрудников — мотивацию и добиться их качественной профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров, Ю. П. Семейная педагогика [Текст]: по специальностям «Педагогика» (033400), «Педагогика и психология» (03100), «Социальная педагогика» (031300) / Ю. П. Азаров; предисл. Н. Д. Никандрова. — М. [и др.]: Питер, 2011. — 394 с.
2. Анцупов, А. Я. Социально-психологическая оценка персонала [Текст]: теория и практика: монография / А. Я. Анцупов, В. В. Ковалев. — М.: Проспект, 2018. — 351 с.
3. Кеннеди, К. ГУРУ менеджмента: «кто есть кто» в бизнес-элите / Кэррол Кеннеди; [пер. с англ.: Д. Ищенко]. — М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига, 2006 (М.: ФГУПП Детская книга). — 284 с.
4. Косарева, А. Б. Специалист-психолог: важнейшие сферы профессиональной деятельности, личностные качества, особенности их оценки // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. — 2007. — № 2. — С. 62–68.
5. Мандель, Б. Р. Организационная психология. Модульный курс [Электронный ресурс] [Текст]: учебное пособие для обучающихся в гуманитарных вузах (бакалавры, магистры). — М.: Изд-во «ФЛИНТА», 2015. — 370 с.
6. Управление знаниями / пер. с англ. [Т. Гутникова]. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 207 с.
7. Corporate Psychologist (2019). Management Mania. URL: <https://managementmania.com/en/corporate-psychologist>. Date: 12.07.2019.
8. Saul McLeod (2017). Kolb's Learning Styles and Experiential Learning Cycle. Cognitive Psychology. Learning Styles. URL: <https://www.simplypsychology.org/learning-kolb.html>. Date: 12.07.2019.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ, В СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ПРОХОДИТЬ СОБЕСЕДОВАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE INDIVIDUAL, IN A SITUATION OF MAKING A DECISION TO BE INTERVIEWED USING A POLYGRAPH

**A. Kamshukov
V. Konstantinov**

Summary. The paper deals with the problem of social and psychological characteristics of a person, in the situation of making a decision about the interview with the use of a polygraph. It was established that for subjects from the group who are ready to undergo the interview procedure using a polygraph, there are high levels of stress tolerance, an external locus of control, a high level of vigilance in a decision-making situation, a low level of procrastination, a low level of avoidance of problems, a low level of supervigilance. According to the sociometric status, the respondents are both in the zone of leadership and preferred people, and in the zone of isolated ones.

Keywords: social-psychological personality characteristics, polygraph, decision-making situation, interview with the use of a polygraph.

Камшукوف Андрей Викторович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

poraper@yandex.ru

Константинов Всеволод Валентинович

Д.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

konstantinov_vse@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема социально-психологических характеристик личности, в ситуации принятия решения о прохождении собеседования с использованием полиграфа. Установлено, что для испытуемых из группы, готовых проходить процедуру собеседования с использованием полиграфа присущи высокие показатели по стрессоустойчивости, внешний локус контроля, высокий уровень бдительности в ситуации принятия решения, низкий уровень прокрастинации, низкий уровень избегания проблем, низкий уровень сверхбдительности. По социометрическому статусу респонденты находятся как в зоне лидерства и предпочитаемых людей, так и в зоне изолированных.

Ключевые слова: социально-психологические характеристик личности, полиграф, ситуация принятия решения, собеседование с использованием полиграфа.

Введение

Современное общество, динамично изменяясь, ориентирует личность на перманентное саморазвитие, поиск максимально эффективных стратегий достижения желаемых целей. Полноценная реализация индивидуальных ресурсов позволяет личности ощущать состояние субъективного благополучия, успешности жизненной перспективы. Жизненное поле личности создается самим человеком и от его векторных устремлений и жизненных выборов зависит контекст удовлетворенности бытийностью, в которую человек включен.

Современный контекст понимания проблемы, прохождения процедуры опроса на полиграфе, центрируется в области концепций выбора и принятия личностью решений. Известно, что человек, по той или иной причине склонный блокировать достоверную информацию, испытывает комплект негативных эмоциональных состояний, трудно подлежащих саморегуляционным процессам [12, 15]. Иными словами, вопрос характера включенности в ситуацию процедуры прохождения опроса на полиграфе выстраивает логическую цепочку

конструктивного/неконструктивного реагирования личности на событийный аспект процедуры.

Широко известны результаты исследования R. E. Frieder, C. H. Van Iddekinge, P. H. Raymark [14], посвященного разработке факторных моделей, необходимых для объяснения того, насколько быстро интервьюеры принимают решения о соискателях, а так же, исследования L. Florea с соавторами [13] в ходе которого изучалось влияние специфики мотивации интервьюеров на итоги интервью с соискателем вакансии, и, работ T. J. Thorsteinson [17] по изучению эффекта «первого впечатления» как фактора смещения, мешающего интервьюеру сформировать всестороннюю оценку кандидата.

В настоящее время спектр применения процедуры опроса на полиграфе расширен и предполагает две ведущие сферы: в области криминалистических исследований и в области скрининговых актов при трудоустройстве и решения профессиональных задач. Методический аспект процедуры опроса на полиграфе значительно углубился за счет отрефлексированности этапов развертывания скрининговых действий и широты подбо-

ра информационного блока информации воздействия на личность. Особое внимание в исследовательских актах, на данный момент, уделяется анализу механизмов принятия решения и мотивационной готовности/неготовности к детекции достоверности, транслируемой личностью информации [2, 4, 10].

Современный контекст понимания проблемы, прохождения процедуры опроса на полиграфе, центрируется в области концепций выбора и принятия личностью решений. Данное обстоятельство связано с тем, что социальное пространство, динамично развиваясь, стимулирует личность на перманентные изменения, связанные с движением вперед по жизненному маршруту. Основными показателями поступательного движения вперед, выступает контекст, избираемых личностью жизненно значимых стратегий достижения желаемых целей, характер реагирования на трудности и модальность проживания ситуации неопределенности, требующей принятия решения [5, 7].

Вызовы, сопровождающие трансформацию современного российского общества [6, 7] актуализируют потребность в самоэффективной, мобильной и социально компетентной личности, способной к саморазвитию, достижению высоких результатов во всех сферах жизнедеятельности, ориентированной на доверие к окружающему миру, обладающей готовностью к выполнению социальных требований, вне блоков самораскрытия.

Внедрение инновационных технологий в процесс диагностики социального пространства личности, актуализация грамотного, эффективного использования человеческого потенциала, предполагает возможность широкого применения скрининговых процедур (например, использования технологии когнитивного интервью [11, 16, 18], и активного использования полиграфа [3, 4, 10].

Опрос с использованием полиграфа, представляет собой сложную процедуру психофизиологического тестирования личности, вызывающей напряженность психических процессов личности, и в определенной степени носящей стрессовый характер. В этих условиях, у испытуемого возникает ситуация принятия решения и собственно выбора — проходить полиграф или отказаться.

В исследованиях Д.А. Леонтьева и Н.В. Пилипко [8] отмечено, что фактическое наполнение выбора личности имеет внутреннюю природу для обретения смысловых критериев движения по жизненному маршруту.

Иными словами, каждый выбор имеет ценностную основу и не может выступать как случайный элемент

когнитивных актов человека. Вне всякого сомнения, результативность выбора, как правило, подкреплена успешным опытом достижений, который укореняется в сознании личности, как эффективная схема реагирования.

Выбор, как вид деятельности, можно характеризовать по таким параметрам как: количество (и характер) выделяемых индивидом аргументов, определяющих степень индивидуальной значимости имеющейся ситуации; различные виды временных параметров. Выбор — это своеобразное решение задачи по поиску наиболее эффективных альтернатив возможного действия, с оценкой степени успешности/неуспешности конечного результата. Безусловно, выбор, как ядро процесса принятия решений может отражать целый комплекс социально-психологических особенностей личности: социальный статус, уровень самооценки, степень выраженности общей тревожности, когнитивные ориентации, уровень стрессоустойчивости и др. Особым аспектом, в данном случае, выступают личностные и социальные ожидания (ориентация на позитив или негатив), модальность самоотношения к собственному Я, к значимым Другим и ситуации в целом [1, 9].

Таким образом, до настоящего времени социально-психологические характеристики личности, в ситуации принятия решения проходить собеседование с использованием полиграфа остаются исследованными не в полной мере.

Методика исследования

Наше эмпирическое исследование, в котором приняло участие 390 испытуемых в возрасте от 23 до 40 лет, проводилось в 2017–2018 годах на базе отделений сберегательного банка России (Поволжский регион). Диагностика испытуемых, находящихся в условиях ситуации принятия решения проходить (или не проходить) собеседование с использованием полиграфа, осуществлялась с помощью таких методик, как: Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР), тест на стрессоустойчивость Холмса и Раге, методика «Когнитивная ориентация (локус контроля)» О. Елисейевой, методика диагностики самооценки С.В. Ковалевой, диагностика социометрического статуса Дж. Морено. Полученные эмпирические данные были подвергнуты математико-статистической обработке с помощью программы SPSS17.0.

Результаты и их интерпретация

В ходе исследования готовности к прохождению процедуры опроса на полиграфе были выделены две условные группы, по 195 респондентов. Установлено, что существуют различия между лицами из группы, при-

Таблица 1. Показатели различий по критерию U-Манна-Уитни

	стрессоустойчивости	Локус контроля	социометрия	самооценка	бдительность	прокрастинация	избегание	сверхбдительность
Mann-Whitney U	275,500	497,000	1086,500	384,000	792,500	283,500	294,500	341,500
Wilcoxon W	1403,500	1625,000	2214,500	1512,000	1920,500	1411,500	1422,500	1469,500
Z	-6,936	-5,970	-1,153	-6,341	-3,236	-6,829	-6,716	-6,431
Asymp. Sig. (2-tailed)	,001	,012	,249	,020	,001	,014	,060	,028

нимающих решение проходить процедуру собеседования с использованием полиграфа и лицами из группы, не принимающих такого решения (таблица 1).

Анализируя выявленные различия в показателях стрессоустойчивости у испытуемых, было обнаружено, что в группе не готовых проходить процедуру собеседования с использованием полиграфа, уровень стрессоустойчивости ниже, чем в группе, готовых проходить процедуру на полиграфе (Uэмп =275,500, при $p \leq 0,001$). То есть лица, не готовые проходить процедуру на полиграфе, в большей степени подвержены стрессовым ситуациям, испытывают внутреннее напряжение, интенсивно тратят личностные ресурсы на то, чтобы преодолеть внутреннее напряжение в состоянии стресса.

Данные выраженности интернальной и экстернальной направленности, свидетельствуют о том, что в группе не готовых проходить процедуру собеседования с использованием полиграфа преобладает интернальный локус контроля (Uэмп =497,000, при $p \leq 0,012$). Такие испытуемые болезненно переносят замечания в свой адрес, испытывают застенчивость, стараются подстроиться под мнение окружающих.

Уровень самооценки в группе не готовых проходить процедуру собеседования с использованием полиграфа существенно ниже, чем в группе, готовых проходить процедуру собеседования с использованием полиграфа (Uэмп =384,000, при $p \leq 0,020$). Неуверенность в себе, сомнения, ощущение неловкости, не дает возможности принять решение и быть уверенным в своих ответах при прохождении процедуру собеседования с использованием полиграфа.

Такое личностное качество, как бдительность у респондентов не готовых участвовать в собеседовании с использованием полиграфа, у респондентов реже проявляется, чем в группе готовых участвовать в собеседовании с использованием полиграфа (Uэмп =792,500, при $p \leq 0,001$).

Выявлено, что меньше прокрастинируют испытуемые, которые находятся в группе готовых проходить

процедуру собеседования с использованием полиграфа, в другой группе респонденты стараются отложить принятие решение на неопределенный срок (Uэмп =283,500, при $p \leq 0,014$). То есть мнительность, пассивность в принятии решения вносит дисбаланс во внутренние переживания человека, вследствие чего субъект не может решиться участие в собеседовании с использованием полиграфа.

Избегание решения проблем присуще группе не готовых к прохождению процедуры собеседования с использованием полиграфа (Uэмп =294,500, при $p \leq 0,060$). Уход от принятия решения, перекладывание ответственности не дает возможности проанализировать ситуацию, осознать все за и против прохождения процедуры с использованием полиграфа.

Сверхбдительность чаще проявляется в группе, не готовых проходить процедуру собеседования с использованием полиграфа (Uэмп =341,500, при $p \leq 0,028$). Респонденты чаще транслируют импульсивное принятие решения, чем респонденты готовые проходить процедуру собеседования с использованием полиграфа. Они более склонны к тревожности, эмоциональности, и поэтому испытывают сложности в принятии рассудочного решения.

Таким образом, можно констатировать, что для большинства испытуемых, в группе респондентов не готовых к прохождению процедуры опроса на полиграфе, были характерны такие социально-психологические особенности личности, как: низкий уровень стрессоустойчивости (80%), интернальный локус контроля (60%), средний и низкий уровни самооценки (80%), средний уровень проявления бдительности (70%), высокий уровень прокрастинации (90%), высокий уровень избегание проблем и высокий уровень сверхбдительности (70%). По социометрическому статусу респонденты принадлежали, как к зоне лидерства, предпочитаемых, так и к зоне отверженных.

Анализируя социально-психологические особенности в группе респондентов, готовых проходить процедуру собеседования с использованием полиграфа было обнаружено, что данным испытуемым в большей степе-

ни присущи высокие показатели стрессоустойчивости (90%), экстернальный локус контроля (80%), средний уровень бдительности в ситуации принятия решения (60%), низкий уровень прокрастинации (80%), низкий уровень избегания проблем (90%), низкий уровень сверхбдительности (нет стремления проанализировать все плюсы и минусы в ситуации принятия решения) (60%).

По социометрическому статусу респонденты находятся как в зоне лидерства и предпочитаемых людей, так

и в зоне изолированных. Этот показатель не подтвердился статистически, то есть межличностные отношения имеют не стабильный характер.

Таким образом, было установлено, что независимо от социометрического статуса в каждой группе, проявляются определенные социально-психологические особенности, которые влияют на принятие решения о прохождении процедуры собеседования с использованием полиграфа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев А. Ю. Психологические качества, влияющие на принятие решения лидером / Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации, 2007. С. 181–184.
2. Диев В. С. Проблемы выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2. С. 41–51.
3. Камшуков А. В., Константинов В. В. Социально-психологические особенности людей, отказывающихся проходить опрос с использованием полиграфа // Психология и право. 2016. Том 6. № 4. С. 166–176. doi: 10.17759/psylaw.2016060415
4. Камшуков А. В. Отказ от участия в процедуре опроса на полиграфе и социально-психологические характеристики субъекта // Пензенский психологический вестник. 2019. № 1 (12). С. 96–103. doi: 10.17689/psy-2019.1.1
5. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. — 2005. № 1. С. 5–12.
6. Константинов В. В., Бузыкина Ю. С. Переживание экстремистско-террористической угрозы и социально-психологические характеристики личности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 3. С. 25–38.
7. Корнилова Т. В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов. Психологический журнал, 2013. 34(3). С. 89–100.
8. Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.
9. Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М.: «Канон+», 2009. 272 с.
10. Холодный Ю. И. Полиграф в России. 1993–2008. — М.: Издательство: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2008. — 58 с.
11. Aiman El Asam and Muthanna Samara, The Cognitive Interview: Improving Recall and Reducing Misinformation Among Arab Children, Journal of Forensic Psychology Practice, 15, 5, (449), (2015).
12. Condie J., Beyond rationalisations: improving interview data quality, Qualitative Research in Accounting & Management, 9, 2, (168), (2012).
13. Florea L., Valcea S., Hamdani M. R., Dougherty T. W., From first impressions to selection decisions, Personnel Review, doi: 10.1108/PR-11-2017-0345, 48, 1, (249–272), (2019).
14. Frieder, R. E., Van Iddekinge, C. H. and Raymark, P. H. (2016), How quickly do interviewers reach decisions? An examination of interviewers' decision-making time across applicants. Journal of Occupational and Organizational Psychology, 89: 223–248. doi:10.1111/joop.12118
15. Hershkowitz I., Orbach Y., Lamb M. E., Sternberg K. J., Horowitz D., The effects of mental context reinstatement on children's accounts of sexual abuse*, Applied Cognitive Psychology, 15, 3: 235–248, (2001)
16. Köhnken G., Thürer C., Zoberbier D. The cognitive interview: Are the interviewers' memories enhanced, too?. Appl. Cognit. Psychol., 8: 13–24. (1994) doi:10.1002/acp.2350080103
17. Thorsteinson, T. J. A meta-analysis of interview length on reliability and validity. Journal of Occupational and Organizational Psychology, 91: 1–32, (2018). doi:10.1111/joop.12186
18. Volz K., Leonhart R., Stark R., Vaitl D., Ambach W., Psychophysiological correlates of the misinformation effect, International Journal of Psychophysiology, 10.1016/j.ijpsycho.2017.04.004, 117, (1–9), (2017).

© Камшуков Андрей Викторович (порpaper@yandex.ru), Константинов Всеволод Валентинович (konstantinov_vse@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОДАКТ-ПЛЕЙСМЕНТА В КИНОФИЛЬМАХ

PSYCHOLOGICAL IMPACT OF PRODUCT PLACEMENT IN MOVIES

V. Latynov

Summary. The article is devoted to the problem of the effectiveness of the psychological impact of product placement in movies. Modern research suggests that product placement can cause viewers to change attitudes towards the product promoted through this technique, contribute to its better memorability, and also influence the behavior of viewers in a product selection situation. It should be noted that the cognitive, attitudinal and behavioral criteria of effectiveness, as a rule, give different results within the same study. So, memorizing the fact that a product appears in a film does not lead to an improvement in the attitude to this product or to its more frequent selection.

Keywords: product placement, advertising, psychological influence, explication, psychological impact of product placement.

Латынов Владислав Викторович

К.псих.н., с.н.с., ФГБУН Институт психологии
Российской Академии Наук (Москва)
vladlat5@lenta.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме эффективности психологического воздействия продакт-плейсмента в кинофильмах. Современные исследования свидетельствуют о том, что продакт-плейсмент способен вызывать у зрителей изменение отношения к продвигаемому с помощью этого приема продукту, способствовать его лучшей запоминаемости, а также влиять на поведение зрителей в ситуации выбора продукта. Следует отметить, что когнитивные, отношенческие и поведенческие критерии эффективности, как правило, дают разные результаты в рамках одного исследования. Так, запоминание факта появления продукта в фильме не приводит к улучшению отношения к этому продукту или более частому его выбору.

Ключевые слова: продакт-плейсмент, реклама, психологическое воздействие, эксплицированность, эффективность воздействия.

Продакт-плейсмент (англ. product placement, дословный перевод *размещение продукции*) — рекламный приём, заключающийся в том, что предмет или услуга, которыми пользуются герои в фильмах, телепередачах, компьютерных играх, музыкальных клипах, книгах, на иллюстрациях и картинах, имеет реальный коммерческий аналог. Этот прием может проявляться в демонстрации рекламируемого продукта или его логотипа, его упоминании, либо включении продукта в сюжет произведения. В отличие от традиционной рекламы в случае продакт-плейсмента не происходит прерывания повествования, а его рекламный посыл замаскирован и неочевиден для зрителей.

История продакт-плейсмента в кино насчитывает более 100 лет. В одном из фильмов братьев Люмьер, снятом в 1896 году, по заказу британской мыловаренной компании «Lever Brothers» было продемонстрировано мыло марки «Sunlight» [9]. Однако особенно активно этот рекламный прием в кино стал применяться в последние тридцать лет. В современных кинофильмах продакт-плейсмент весьма распространенное явление.

Продакт-плейсмент в кинофильмах может принимать различные формы: визуальную (простое появление бренда на экране, например, демонстрация бутылки с напитком или автомобиля определенной марки), аудиальную (устное упоминание о бренде: «А не выпить ли нам кока-колы?»), аудиовизуальную (устное упоминание

о товаре сочетается с его демонстрацией). В отдельных случаях происходит не просто упоминание или показ продукта, а его интеграция в сюжет фильма.

Важной характеристикой продакт-плейсмента является его эксплицированность. т.е. то, насколько в фильме заметен, выделен продвигаемый товар (его название или логотип). На степень эксплицированности влияют различные параметры:

- ◆ модальность. Если продукт только упоминается или демонстрируется, то речь идет о слабой эксплицированности, более же высокая степень эксплицированности достигается в случае его одновременной демонстрации и обсуждения.
- ◆ частота и длительность появления (упоминания). Чем чаще и дольше продукт присутствует на экране (упоминается), тем эксплицированность выше.
- ◆ размер и положение в кадре. Чем больше изображение продвигаемого продукта и чем оно ближе к центральной части экрана, тем выше эксплицированность.
- ◆ статус киногероя, который употребляет (упоминает) продукт. Эксплицированность выше, если это делает главный герой, а не второстепенный персонаж.

Эффективность продакт-плейсмента была неоднократно продемонстрирована как в реальных условиях,

так и посредством лабораторных экспериментов [4; 9; 19]. Так, стоит отметить фильм «Инопланетянин» (1982), где с помощью продакт-плейсмента рекламировались конфеты «Reese's Pieces», выпускаемые компанией «Hershey». За две недели, прошедшие после премьеры фильма, продажи этих конфет существенно выросли (на 65%) [7]. Фильмы «Рискованный бизнес» (1983) и «Лучший стрелок» (1986), продвигавшие очки «Ray-Ban», вызвали ощутимый рост их продаж: с 18 тыс. до 4 млн. пар в год [10]. Показ пива «Red Stripe» в фильме «Фирма» (1993) привел к 50-ти процентному росту его продаж в США в течении месяца после премьеры фильма [2]. После демонстрации в фильме «Остин Пауэрс: Голдмембер» (2002) одной из моделей автомобиля («Shaguar») концерна «Jaguar» ее продажи выросли на 70% [2].

Проблема психологической эффективности продакт-плейсмента активно изучается посредством лабораторных экспериментов [9; 18]. В этих исследованиях используются различные критерии его эффективности, а именно: факт запоминания продвигаемого продукта, изменение к нему отношения, появление намерения купить или реальная покупка данного продукта. Наиболее часто применяются два из них: а) различные виды запоминания (свободное воспроизведение, выбор из списка, имплицитное запоминание); б) изменение отношения к товару. Конечно, от запоминания продукта (или позитивного к нему отношения) до его реальной покупки путь весьма неблизкий. В связи с этим можно довольно критически оценивать выбор подобных критериев эффективности с точки зрения их экологической валидности и применимости на практике. Однако такова реальность экспериментальных исследований в данной области. По-видимому, большинство исследователей выбирают эти критерии по двум причинам: во-первых, их легко операционализировать; во-вторых, практики рекламного дела (потенциальные потребители результатов подобных исследований) признают допустимость использования подобных критериев. Так, в ряде опросов членов «Entertainment Resources and Marketing Association» (США) именно критерий запоминаемости назывался в качестве важнейшего [11].

Обзор экспериментальных исследований мы начнем с работ, в которых сравнивалась эффективность продакт-плейсмента и обычной рекламы. Было показано, что рекламный ролик, как правило, способствует лучшему запоминанию бренда по сравнению с отрывком из фильма, содержащим продакт-плейсмент [6; 7].

Важно отметить, что превосходство традиционной рекламы достигалось в условиях, которые можно назвать «тепличными» (зрители были полностью сосредоточены на просмотре экспериментального материала, их ничто не отвлекало). Подобная ситуация полной по-

груженности зрителей в рекламу — мечта всех рекламодателей, однако в реальности показ рекламного ролика происходит в несколько иной психологической ситуации. Как известно, большинство людей не очень любят рекламу и стремятся тем или иным способом от нее избавиться. Так, 92% участников опроса заявили, что они стараются не обращать внимания на рекламу, которая появляется на экране [21]. Многие начинают заниматься другими делами: разговаривать, читать и отвечать на сообщения в телефоне, просматривать газеты и т.п. В подобных условиях эффективность традиционного рекламного ролика должна существенно уменьшаться. При просмотре же фильма, содержащего продакт-плейсмент, подобные отвлечения внимания случаются гораздо реже.

Таким образом, наиболее экологически валидным (соответствующим реальности) является такой дизайн эксперимента, при котором просмотр зрителями традиционного рекламного ролика должен сочетаться с их дополнительной когнитивной нагрузкой. Просмотр же материала, содержащего продакт-плейсмент, должен проходить без подобной нагрузки. И, действительно, при такой экологически валидной организации исследования продакт-плейсмент обнаруживал большую эффективность, чем традиционная реклама [6].

Интересное исследование эффективности продакт-плейсмента с использованием критерия запоминаемости было проведено во Франции [14]. 3532 респондентов просили вспомнить, какие бренды встречались в фильмах, которые они смотрели в день, предшествующий опросу. Речь шла о домашнем просмотре популярных фильмов, выпущенных на DVD («Люди в черном 2», «Особое мнение», «Анализируй то» и др., всего 11 фильмов). Кроме того, респондентам задавались вопросы, касающиеся ситуации просмотра, мотивов покупки DVD-диска, отношения к фильму. Как показало исследование, 34% респондентов вспомнили хотя бы один бренд (лучший результат составил 8 брендов), среднее количество вспомненных фильмов составило 0,7. Следует отметить, что в исследуемых фильмах встречалось от 4 до 22 брендов (в среднем 12,4 бренда). Таким образом, исследование продемонстрировало определенную эффективность продакт-плейсмента. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что зрители замечали лишь небольшой процент (менее 10%) присутствующих в фильмах брендов.

Особый интерес в этом исследовании представляют данные о том, какие факторы повышали эффективность продакт-плейсмента. Лучшей запоминаемости продвигаемых брендов способствовали: просмотр фильма в кинотеатре перед тем, как он был просмотрен на DVD; показ фильма на большом экране домашнего кинотеатра,

а не на обычном телевизоре; мотивация покупки DVD с фильмом («нравится режиссер фильма»); позитивное отношение к фильму («фильм понравился»). Все указанные факторы способствовали привлечению большего внимания к фильму, что, в свою очередь, благоприятствовало выявлению и запоминанию продвигаемых в фильме брендов.

Существует еще несколько работ, свидетельствующих о том, что демонстрация или упоминание продукта в фильме запоминается зрителями, причем успешность запоминания для разных брендов составляла от 5 до 100% [16; 17].

В последние годы ученые в качестве критерия эффективности продакт-плейсмента стали все чаще применять имплицитные, слабо осознаваемые формы запоминания [5; 8]. Было показано, что продакт-плейсмент вызывает имплицитное запоминание продвигаемого товара [20]. Интересно, что различий в имплицитном запоминании между тремя вариантами продакт-плейсмента, различающихся по степени эксплицированности (показ продукта в фоновом режиме, его использование главным героем, включение продукта в сюжет фильма), обнаружено не было.

Указанное отсутствие различий, по-видимому, связано с различием психологических механизмов, отвечающих за эксплицитное и имплицитное запоминание. Речь идет о существовании у человека двух различных систем оценивания объектов внешнего мира: быстрой, слабо осознаваемой, с выраженным эмоциональным компонентом и медленной, семантической, сознательно контролируемой, основанной на тщательном анализе [12]. Имплицитное запоминание есть результат действия первой из упомянутых систем оценивания. Это приводило к тому, что человек на подсознательном уровне просто фиксировал наличие некоторого продукта на экране, не углубляясь в специфику его семантических связей с другими объектами на экране.

Наряду с различными видами запоминания в экспериментальных работах используется и такой критерий эффективности продакт-плейсмента как изменение отношения к продвигаемому продукту. Было показано, что в ряде случаев посредством продакт-плейсмента удается существенно улучшить отношение к бренду [3; 4; 9].

Особый интерес представляют исследования, в которых одновременно использовались два критерия эффективности: запоминаемость и изменение отношения к продукту. Так, в работе С. Ло и К. Браун (2000) изучалась эффективность продакт-плейсмента в условиях высокой и низкой эксплицированности [13]. Было показано, что в том случае, когда продукт как демонстриро-

вался, так и упоминался (высокая эксплицированность) его запоминаемость была высокой, однако отношение к продукту ухудшалось. Если же продукт только демонстрировался (низкая эксплицированность), то отношение к нему улучшалось, хотя запоминаемость была низкой. Получалось, что зрители все-таки замечали, судя по их последующим оценкам бренда, его присутствие в фильме. Однако на сознательном уровне данный факт не фиксировали, что приводило к низким результатам по критерию запоминаемости и высоким — по «отношенческому».

Как мы видим, вышеуказанные критерии эффективности не всегда работают в унисон, нередко они дают различные результаты. В одних исследованиях запоминаемость факта появления продукта в фильме сочеталась с улучшением к нему отношения, однако в других рост запоминаемости не приводил к улучшению отношения к продукту, а в ряде случаев оно даже ухудшалось [13; 18]. В чем же причина подобной разнонаправленности результатов? Ключевую роль в данном отношении играла степень эксплицированности продакт-плейсмента. В упомянутых исследованиях обнаруживалась одна и та же закономерность: по мере роста эксплицированности запоминаемость факта появления продукта растет, а отношение к нему ухудшается. В дальнейшем мы более подробно рассмотрим влияние различных факторов (в том числе и эксплицированности) на эффективность воздействия продакт-плейсмента.

Критерием эффективности продакт-плейсмента может выступать и изменение поведения зрителей. Например, какие продукты они выбирают после просмотра фильма, содержащего этот рекламный прием. Поведенческие критерии используются относительно редко, а результаты таких исследований довольно противоречивы. В одних работах продакт-плейсмент не вызывал значимых изменений в поведении респондентов [18]. В других же этот рекламный прием все-таки оказался эффективным в плане выбора продвигаемых продуктов [15]. Так, М. Янг и Д. Роскос-Эволдсен (2007) продемонстрировали влияние продакт-плейсмента на поведенческий критерий эффективности: респонденты значительно чаще выбирали тот напиток, который продвигался в просмотренном ими 20-ти минутном фрагменте фильма [20]. Похожие результаты были получены и на детях в возрасте от 6 до 12 лет: они значительно чаще выбирали напиток, который перед этим демонстрировался в фильме [1].

Проведенные исследования показали, что продакт-плейсмент способен вызывать у зрителей изменение отношения к продвигаемому с помощью этого приема продукту, способствовать его лучшей запоминаемости, а также влиять на поведение зрителей в си-

туации выбора продукта. Таким образом, продакт-плейсмент может быть весьма эффективен в решении таких задач как повышение осведомленности о конкретном продукте, улучшение к нему отношения, выбор и покупка продукта. Следует отметить, что когнитивные, отно-

шенческие и поведенческие критерии эффективности, как правило, дают разные результаты в рамках одного исследования. Так, запоминание факта появления продукта в фильме не приводит к улучшению отношения к этому продукту или более частому его выбору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Auty, S., Lewis, C. Exploring children's choice: The reminder effect of product placement // *Psychology and Marketing*. 2004. V. 21. P. 697–713.
2. Choi, S. Effectiveness of product placement: The role of plot connection, product involvement, and prior brand evaluation. 2007. URL: http://ufdcimages.uflib.ufl.edu/UF/E0/01/57/31/00001/choi_s.pdf (дата обращения: 10.06.2019).
3. DeGregorio, F., Sung, S. Understanding attitudes toward and behaviors in response to product placement // *Journal of Advertising*. 2010. V. 39. P. 83–96.
4. Dens, N., De Pelsmacker, P., Wouters, M., Purnawirawan, N. Do you like what you recognize? The effects of brand placement prominence and movie plot connection on brand attitude as mediated by recognition // *Journal of Advertising*. 2012. V. 41. P. 35–53.
5. Gibson, B., Redker, C., Zimmerman, I. Conscious and nonconscious effects of product placement: Brand recall and active persuasion knowledge affect brand attitudes and brand self-connection differently // *Psychology of Popular Media Culture*. 2014. V. 3. P. 19–37.
6. Grzyb, T., Dolinski, D., Kozłowska, A. Is product placement really worse than traditional commercials? Cognitive load and recalling of advertised brands // *Frontiers in Psychology*. 2018. V. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.01519/full> (дата обращения: 10.06.2019).
7. Gupta, P. B., Lord, K. R. Product placement in movies: the effect of prominence and mode on audience recall // *Journal of Current Issues and Research in Advertising*. 1998. V. 20. P. 47–59.
8. Hang, H. The implicit influence of bimodal brand placement on children: Information integration or information interference? *International Journal of Advertising*. 2012. V. 31. P. 465–484.
9. Karisik, V. 20 years of research on product placement in movie, television and video game media // *Journal Of Economic And Social Studies*. 2014. V. 4. P. 98–108.
10. Karniouchina, E., Uslay, C., Erenburg, G. The Case for Product Placement // *Rutgers Business Review*. 2016. V. 1. P. 77–83.
11. Karrh, J. A., McKee, K. B., Pardun, C. J. Practitioners' evolving views on product placement effectiveness // *Journal of Advertising Research*. 2003. V. 43. P. 138–49.
12. Kruglanski A. W., Orehek E. Partitioning the domain of social inference: Dual mode and systems models and their alternatives // *Annual Review of Psychology*. 2007. V. 58. P. 291–316.
13. Law, S., Braun, K. A. I'll have what she's having: Gauging the impact of product placements on viewers // *Psychology and Marketing*. 2000. V. 17. P. 1059–1075.
14. Lehu J., Bressoud, E. Effectiveness of brand placement: New insights about viewers // *Journal of Business Research*. 2008. V. 61. P. 1083–1090.
15. Morton, C.R., Friedman, M. "I saw it in the movies": Exploring the link between product placement beliefs and reported usage behavior // *Journal of Current Issues and Research in Advertising*. 2002. V. 24. P. 33–40.
16. Panda, T. K. Consumer response to brand placements in films: Role of brand congruity and modality of presentation in bringing attitudinal change among consumers with special reference to brand placements in Hindi films // *South Asian Journal of Management*. 2004. V. 11. P. 7–26.
17. Romaniuk, J. The efficacy of brand-execution tactics in TV advertising, brand placements, and internet advertising // *Journal of Advertising Research*. 2009. V. 38. P. 143–150.
18. van Reijmersdal, E.A., Neijens, P.C., Smit, E.G. A new branch of advertising: Reviewing factors that influence reactions to product placement // *Journal of Advertising Research*. 2009. December. P. 429–449.
19. Williams, K., Petrosky, A., Hernandez, E., Page, R. Product placement effectiveness: Revisited and renewed // *Journal of Management and Marketing Research*. 2011. V. 7. P. 1–24.
20. Yang, M., Roskos-Ewoldsen, D.R. The effectiveness of brand placements in the movies: Levels of placements, explicit and implicit memory, and brand-choice behavior // *Journal of Communication*. 2007. V. 57. P. 469–489.
21. Zutter, S. Big Trends // *Marketing magazine*. 2005. V. 110. P. 11–14.

© Латынов Владислав Викторович (vladlat5@lenta.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ МУЖЧИН. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

THE RELATIONSHIP OF EMOTIONAL STATES AND SEXUAL BEHAVIOR IN HIV-INFECTED MEN. THE RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH

M. Leevik

Summary. The article presents the results of a study on the relationship between the psycho-emotional state and sexual behavior of HIV-infected men at different stress stages of diagnosis. The authors identify the most stressful stages, form groups of subjects in accordance with the objectives of the study (four groups of HIV-positive men (n=115) and a group of men who do not suffer from chronic infectious diseases(n=30)), formulate the main characteristics. The study uses the following methods: a specially designed formalized social questionnaire; sexual history; scale of hopelessness A. Beck (eng. Beck Hopelessness Inventory); methods of determining the dominant state (Kulikov L. V., 2003). full version; SF-36 quality of life assessment (Ware J. E. J., 1994). As a result of the analysis of the obtained data, conclusions and directions of further work on the study of this aspect of the spread of HIV infection among the General population are formulated.

Keywords: HIV infection, psycho-emotional state, sexual behavior, HIV-infected men, gender studies.

Леевик Мария Викторовна

*Соискатель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Клиническая инфекционная больница им. С. П. Боткина»
maryalee@bk.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного исследования по проблеме взаимосвязи психоэмоционального состояния и сексуального поведения ВИЧ-инфицированных мужчин на различных стрессогенных этапах принятия диагноза. Авторами выделяются наиболее стрессогенные этапы, формируются группы испытуемых в соответствии с поставленными задачами исследования (четыре группы ВИЧ-позитивных мужчин (n=115) и группа мужчин, не страдающих хроническими инфекционными заболеваниями(n=30)), формулируются основные характеристики. В исследовании используются следующие методики: специально разработанный формализованный социальный опросник; сексуальный анамнез; шкала безнадежности А. Бека (англ. Beck Hopelessness Inventory); методика определения доминирующего состояния (Куликов Л. В., 2003 г.) полный вариант; оценка качества жизни SF-36 (Ware J. E. J., 1994). В результате анализа полученных данных формулируются выводы и направления дальнейшей работы по изучению данного аспекта распространения ВИЧ-инфекции среди общего населения.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, психоэмоциональное состояние, сексуальное поведение, ВИЧ-инфицированные мужчины, гендерные исследования.

Проблема распространения ВИЧ-инфекции во всем мире остается крайне актуальной. В связи с тем, что ВИЧ/СПИД уже перестал быть заболеванием социально уязвимых слоев населения и основным путем передачи стал половой, необходимо уделять более пристальное внимание половому поведению и определению факторов риска распространения ВИЧ. Однако, несмотря на то, что все статистические данные указывают на лидирующее число гетеросексуальных мужчин, среди ВИЧ-позитивных людей, исследований данной группы, направленных на изучение специфических характеристик полоролевого поведения ранее обнаружено не было.

ВИЧ-инфекция является хроническим инфекционным заболеванием, обусловленным поведением человека и вызывающим целый спектр переживаний, носящих зачастую выраженный деструктивный характер. Перед человеком, живущим с ВИЧ, встает ряд вопросов, касающихся основных сфер жизнедеятельности. При-

нятие со стороны окружения, рождение здоровых детей, сексуальные взаимоотношения, которые являются неотъемлемой частью полноценной жизни взрослого человека. Особенно остро вопросы полоролевого поведения сказываются на психоэмоциональном состоянии гетеросексуальных мужчин в связи с влиянием сложившихся в обществе гендерных стереотипов.

На протяжении длительного времени, считалось, что ВИЧ-инфекция — это заболевание, касающееся гомосексуалистов и потребителей инъекционных наркотиков, абсолютно не сочетающееся с привычными стереотипами «мужского» поведения, что вовлекало мужчин с ВИЧ в еще более фрустрированное состояние. Начиная с 2014 года, основным путем заражения стал половой и основной группой стали мужчины гетеросексуальной ориентации.

Целью исследования являлось выявление взаимосвязи психоэмоционального состояния ВИЧ-положительных мужчин и их сексуальным поведением.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

1. Выявить специфику эмоционального состояния мужчин на каждом этапе принятия диагноза.
2. Выявить наиболее значимые параметры оценки сексуального поведения ВИЧ-позитивных мужчин.
3. Определить взаимосвязь полученных показателей эмоционального и сексуального поведения.
4. Сравнить полученные данные с данными контрольной группы.

Методы и методики исследования. В данной работе, описаны результаты исследования проведенного в инфекционном стационаре. В исследовании принимали участие 115 ВИЧ-позитивных мужчин и 30 мужчин, не страдающих хроническими инфекционными заболеваниями (в качестве контрольной группы).

На первом этапе исследования необходимо было выделить основные критические психологические периоды в анамнезе ВИЧ-позитивных мужчин. Были выделены следующие группы испытуемых:

1. Первичная постановка диагноза ВИЧ-инфекция (29 мужчин);
2. Период между постановкой диагноза и назначением лечения (29 мужчин);
3. Период назначения ВААРТ (высокоактивной антиретровирусной терапии) (28 мужчин);
4. Период длительного приема лечения и медицинского наблюдения (29 мужчин).

После завершения клинического этапа исследования было проведено консультирование на готовность пациентов к участию в исследовании, затем проводилась экспериментально — психологическая часть исследования в виде анонимного закрытого тестирования с дальнейшим анализом с использованием психометрических шкал.

Далее был проведен опрос участников исследования, в котором использовались следующие методики: специально разработанный формализованный социальный опросник; сексуальный анамнез; шкала безнадежности А. Бека (англ. Beck Hopelessness Inventory); методика определения доминирующего состояния (Куликов Л. В., 2003 г.) полный вариант; оценка качества жизни SF-36 (Ware J. E.J., 1994).

Результаты исследования

Социальные характеристики групп исследования являлись достаточно однородными, во всех группах преобладали респонденты со средним и средним специальным образованием от 53,6% до 69%. В контрольной

группе испытуемых процент среднего и высшего образования был схожим и составлял 48,3%.

В показателе семейного положения во всех группах преобладали женатые мужчины или мужчины, проживающие с постоянным партнером (от 51,7% до 75,9%), кроме группы мужчин, которые находятся на этапе старта приема ВААРТ (46,4%). Данный социальный показатель является значимым в оценке указанной группы, максимально приближенной по значению являлась группа мужчин, живущих с ВИЧ более пяти лет, но не получающих лечения (51,7%).

Максимальные значения параметра «изменения в семейной жизни» отмечали респонденты третьей группы, 73,1% испытуемых акцентировали внимание на данном пункте и наиболее частым комментарием являлся «развод». В первой группе (мужчины с вновь установленным диагнозом ВИЧ-инфекция), процент отметивших изменения в семье является 45,8%, что может быть объяснено тем фактом, что пациенты еще не сообщили о диагнозе своим партнерам.

По показателям шкал оценки качества жизни, а именно таким как: ролевое функционирование, обусловленное физическим и эмоциональным состоянием (RF и RE) максимальные значения были у группы ВИЧ-позитивных мужчин, получающих лечение более пяти лет. И по шкале физический компонент здоровья (PH), объединяющей шкалы: физическое функционирование (PF), ролевое функционирование, обусловленное физическим самочувствием (RP), интенсивность боли (BP), общее состояние здоровья (GH), также полученные данные у группы мужчин, живущих с ВИЧ и получающих лечение более пяти лет, были выше, чем у контрольной группы испытуемых. Следует выделить, что по показателю «интенсивность боли» (BP), значения контрольной группы испытуемых были выше, чем у остальных групп.

По шкале безнадежности Бека у всех групп испытуемых, включая контрольную группу, были отмечены высокие показатели, что может характеризовать отношение мужчин в целом к нахождению в стационаре и лечению.

Необходимо отметить показатели психоземotionalной стабильности у группы пациентов, живущих с ВИЧ и получающих лечение более пяти лет по остальным методикам. Практически по всем шкалам ситуативного и доминирующего эмоционального состояния, показатели данной группы соответствовали показателям контрольной группы, а в ряде параметров были выделены значения, соответствующие более стабильным показателям.

В ходе проведенного анализа прослеживалась взаимосвязь постановки диагноза ВИЧ-инфекция и старта

ВААРТ с изменением психоэмоционального фона, что соответствовало данным психологических исследований (Новохацки А. В., Покровский В. В., Шаболтас А. В.). Установлено, что наиболее стрессогенным периодом является старт ВААРТ, хотя по предварительной гипотезе исследования полагалось, что наиболее деструктивным периодом является непосредственно первичная постановка диагноза ВИЧ-инфекция. Однако, в ходе анализа полученных данных, период первичной постановки диагноза, характеризуется скорее признаками острого стрессового состояния, характерного для данного периода принятия диагноза ВИЧ-инфекция, тогда как период начала приема ВААРТ, характеризуется сформированным доминирующим негативным эмоциональным фоном, вызванным как внешними, так и внутренними факторами. Психоэмоциональная нестабильность соотносилась с периодом назначения ВААРТ и характеризовалась крайне подавленным эмоциональным фоном, негативным отношением к жизненной ситуации, бесперспективностью. В плане сексуального анамнеза необходимо отметить, что данным этапам соответствовало максимальное число половых партнеров.

Анализ полученных данных позволяет выявить основные факторы, оказывающие влияние на сексуальное поведение мужчин с ВИЧ.

В контексте проблемы распространения ВИЧ-инфекции важно отметить, что среднее число сексуальных партнеров за все время у ВИЧ-инфицированных мужчин значительно превышало число сексуальных партнеров у респондентов контрольной группы (53,57 и 31,16 соответственно). Тогда как число сексуальных партнеров за последний год было примерно одинаковым 3,58 и 3,45. Необходимо выделить тот факт, что у испытуемых четвертой группы (ВИЧ-инфицированные мужчины, по-

лучающие лечение более пяти лет) число сексуальных партнеров за последний год значительно ниже показателей других групп, включая контрольную группу, и составляет 2,21.

Полученные данные указывают на взаимосвязь уровня стресса и сексуальной активности у мужчин с ВИЧ, а именно, по результатам проведенного исследования в состоянии стресса, переходящего в хронический, уровень сексуальной активности у мужчин, живущих с ВИЧ, значительно повышается. Поскольку наибольшее число сексуальных партнеров было выявлено у групп ВИЧ-позитивных мужчин, не получающих ВААРТ, что значительно увеличивает риски заражения.

Период старта ВААРТ характеризуется более глубокими депрессивными состояниями, переходящими в доминирующее негативное психоэмоциональное состояние.

В ходе проведенного исследования были сделаны предварительные выводы о наличии взаимосвязи между сниженным эмоциональным фоном и повышением сексуальной активности у ВИЧ-инфицированных мужчин. Дистресс, вызванный стартом приема ВААРТ является дополнительным провокационным психогенным фактором усиления сексуальной активности. Полученные данные требуют дополнительных медицинских, психологических и социологических исследований.

Полученные данные позволяют сформировать дополнительный набор мишеней психологического воздействия на процесс адаптации мужчин к диагнозу ВИЧ-инфекция для формирования приверженности к лечению, ответственному сексуальному поведению и коррекции деструктивных социальных гендерных установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек, А. Когнитивная терапия депрессии / А. Бек, А. Раш, Б. Шо, Г. Эмери. — СПб.: Питер, 2003. — 304 с.
2. Гурвич, И. Н. Социально-психологический подход в профилактике СПИДа / И. Н. Гурвич // Русский журнал «ВИЧ/СПИД и родственные проблемы». — 2002. — Т. 6, № 1. — С. 109.
3. Информационный бюллетень Городского центра по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями. — СПб. — 2012–2013. — 17 с.
4. Куликов Л. В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. Описание методик, инструкции по применению. Описание методик, инструкции по применению. — СПб.: СПбГУ, 2003. Практикум по психологии состояний: учебное пособие/ Под ред. А. О. Прохорова. — СПб.: Речь, 2004. — с. 32–62.
5. Ладная Н. Н., Покровский В. В., Дементьева Л. А., Липина Е. С. Развитие эпидемии ВИЧ-инфекции в Российской Федерации в 2016 году. В сборнике: Актуальные вопросы ВИЧ-инфекции. Женщины и ВИЧ. Международная научно-практическая конференция. 2017. С. 3–9.
6. Леевик М. В., Малкова Е. Е., Мусатов В. Б. Актуальные вопросы методов психологической профилактики распространения ВИЧ-инфекции. / Сборник материалов международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы ВИЧ-инфекции. Женщины и ВИЧ». Изд-во «Человек и его здоровье», 2017. С. 96–102
7. Леевик М. В., Малкова Е. Е., Мусатов В. Б. Старт АРТ как основной стрессорный фактор у ВИЧ-положительных мужчин. / Журнал инфектологии. Приложение 1, Т. 11, № 1, 2019 — с. 73

8. Налчаджан А. А. Фрустрация, психологическая самозащита и характер в двух томах. — Ереван, 2013.
9. Новохацки А. В. Особенности переживания применения антиретровирусной терапии у ВИЧ-инфицированных. /Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. — № 42 (175). — 2009. — С. 62–67.
10. Шаболтас, А. В. ВИЧ как психологическая проблема / А. В. Шаболтас //Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения». — СПб.,1999.
11. Шаболтас, А. В. ВИЧ-инфекция: социальные и психологические основы превенции и исследований. Учебное пособие / А. В. Шаболтас, О. Н. Боголюбова, Р. В. Сочилов, Ю. В. Батлук // Подобщ. ред. А. В. Шаболтас. — СПб.: СПбГУ,2012. — 101 с.
12. Шаболтас, А. В. Депрессия и рискованное сексуальное поведение / А. В. Шаболтас и др. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2013. — № 4. — С. 33–43.
13. Эпидемиологический надзор за ВИЧ-инфекцией. Покровский В. В., Ладная Н. Н., Юрин О. Г., Киреев Д. Е., Лопатухин А. Э., Ежлова Е. Б., Дементьева Л. А., Айзатулина Р. Р., Чернявская О. П., Демьяненко Э. Р., Алешина Е. Н., Кириллова Л. Д., Подымова А. С., Цыкина М. Н., Саухат С. Р., Воронцов Д. В. МУЗ.1.3342–16: 3.1. Эпидемиология. Профилактика инфекционных болезней / Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Москва, 2016.

© Леевик Мария Викторовна (maryalee@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УРОВЕНЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

STRUCTURE OF SOCIAL IDENTITY AND PECULIARITIES OF ITS EFFECT ON THE TOLERANCE LEVEL OF STUDENTS

**M. Nogerova
R. Malkarova
A. Sozaev
O. Pokhomova**

Summary. The study of the influence of the structure of social identity on the level of tolerance of students. Theoretical analysis of scientific research of the process of formation of modern ideas about social identity, its structure and dynamics showed that: in the conditions of social instability, personal identity is the leading and determining direction of social identity, the crisis of social identity in the post-Soviet space significantly affects migration, socio-psychological adaptation of migrants and ethnic tolerance-tolerance, as well as the formation of tolerant attitudes is of particular relevance for multi-ethnic and multi-confessional Russia. The diagnostics of the level of development of the components of the structure of social identity and the level of their tolerance. Identified: types of gender identity of students, their ratio in boys and girls; the level of development of civil and national consciousness, the ratio of students with low, medium and high levels of citizenship, anti-citizenship, tolerance, intolerance. It is established that to the senior courses: indicators of femininity and masculinity of students decrease and indicators of their androgyny increase; the number of students with an average level of tolerance decreases, the proportion of respondents with an average and high level of citizenship and high level of tolerance increases. The influence of the components of the structure of social identity on the level of tolerance of students is statistically proved and the features of this influence are established.

Keywords: social identity, self-identification, tolerance, gender identity.

Ногерова Марьям Татуевна

*К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова»,
Нальчик
noger.mar@mail.ru*

Малкарова Рахима Хизировна

*К.псх.н., старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», Нальчик
mtd61@mail.ru*

Созаев Азамат Борисович

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова»,
Нальчик
azamat-s@list.ru*

Похомова Оксана Юрьевна

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», Нальчик
ms.ksuy@bk.ru*

Аннотация. Проведено исследование проблемы влияния структуры социальной идентичности на уровень толерантности студентов. Теоретический анализ научных исследований процесса становления современных представлений о социальной идентичности, ее структуре и динамике показал, что: в условиях социальной нестабильности личная идентичность — это ведущее и определяющее направление социальной самоидентификации, кризис социальной идентичности на постсоветском пространстве существенно влияет на миграционные процессы, социально-психологическую адаптацию мигрантов, степень этнической толерантности-интолерантности, а также формирование толерантных установок имеет особую актуальность для многонациональной и многоконфессиональной России. Проведена диагностика уровня развития компонентов структуры социальной идентичности и уровня их толерантности. Выявлены: типы гендерной идентичности студентов, их соотношение у юношей и девушек; уровень развития гражданского и национального самосознания, соотношение студентов с низким, средним и высоким уровнем гражданственности, антигражданственности, толерантности, интолерантности. Установлено, что к старшим курсам: снижаются показатели феминности и маскулинности студентов и повышаются показатели их андрогинности; уменьшается количество студентов со средним уровнем толерантности, повышается доля респондентов со средним и высоким уровнем гражданственности и высоким уровнем толерантности. Статистически доказано влияние компонентов структуры социальной идентичности на уровень толерантности студентов и установлены особенности этого влияния.

Ключевые слова: социальная идентичность, самоидентификация, толерантность, гендерная идентичность.

Введение

Социальная идентичность — это результат процесса социальной идентификации, под которым понимается процесс определения себя через членство в социальной группе [11]. Проблематика социальной идентичности находится на стыке интересов таких наук, как социология, история, культурология, когнитивная психология, психология личности и социальная психология. Однако продолжительное время она оставалась на периферии научного анализа в психологической науке. В последнее время она заняла свое место в психологии познания. Анализ процесса формирования современных представлений об особенностях социальной идентичности показал, что интерес к изучению вопросов данной области появился в рамках течений общепсихологического и социально-психологического характера, что позволило снять все противоречия между традициями структурно-функционалистского и феноменологического направления в исследовании личности [9]. В условиях социальной нестабильности личная идентичность — это ведущее и определяющее направление социальной самоидентификации. В качестве основы самоидентификации личности в изменяющихся условиях выступает не столько базовые потребности в самоуважении, сколько потребности в смысле, в понимании, что, в свою очередь, приводит к наиболее успешной адаптации и активизации чувства контроля над своей жизнью.

На сегодняшний момент ученые рассматривают целый диапазон кризисных явлений социальной идентичности на постсоветском пространстве (относящихся к снижению, утрате или резкому росту идентификации с разными социальными категориями) и их влияние на миграционные процессы, социально-психологическую адаптацию мигрантов, степень этнической толерантности-интолерантности [9]. Понятие «толерантность» обусловлено совокупностью категорий, связанных с уважением прав другого человека, осознанием важности умения жить вместе, не принося друг другу вреда. Толерантность всегда определялась как человеческая добродетель, характеризующаяся терпимостью к различиям среди людей, умением жить, не мешая другим, способностью иметь права и свободы, не нарушая права и свобод других.

Сосуществование с людьми иных убеждений, которые имеют другие традиции и нормы, является толерантностью к другому, не такому, как я сам. Толерантность способствует тому, что каждый человек чувствует себя более уверенно и устойчиво в обществе, формирует условия для самораскрытия и саморазвития [10]. Развитие установок толерантного поведения имеет для

России особую актуальность. Толерантность является искусством жить рядом с непохожим, способом разрешения конфликтов, искусством цивилизованных компромиссов. Современные учебные заведения посещают дети разных национальностей, из семей с различным достатком. Поэтому преподавателям следует научить детей уважать не только себя, но и людей, которые не похожи на них самих, показать им, что главным является личность и ее права.

Таким образом, целью нашего исследования было выявить особенности влияния структуры социальной идентичности на уровень толерантности студентов. Объектом исследования являются представления студентов об уровне их толерантности. Предмет исследования: структура социальной идентичности, как детерминанта уровня толерантности.

Задачи исследования:

1. Выявить основные подходы к изучению структуры социальной идентичности и уровень толерантности студентов.
2. Выявить уровень развития компонентов структуры социальной идентичности и уровень толерантности студентов.
3. Установить влияние социальной идентичности на уровень толерантности студентов.

Гипотеза исследования: если социальная идентичность, под которой понимается процесс определения себя через членство в социальной группе — это результат процесса социальной идентификации, а следовательно и социализации, то уровень развития компонентов структуры социальной идентичности будет влиять на уровень толерантности студентов:

1. Чем выше уровень развития гражданской идентичности в структуре социальной идентичности, тем выше уровень развития толерантности;
2. Существуют различия в степени влияния типа гендерной идентичности студентов на уровень толерантности.

Теоретико-методологической основой исследования являются концепции социальных представлений (раскрывающиеся в работах Ж.-К. Абрика, П. Вержеса, М. И. Воловиковой, А. И. Донцова, Т. П. Емельяновой, С. Московичи и др.), теории социального мышления (К. А. Альбухановой и др.), теории социальной идентичности (Е. П. Белинской, Л. М. Дробичевой, И. С. Кона, Т. Г. Стефаненко, Д. Тейлора, Дж. Тернера, О. А. Тихомандрицкой, Г. Тэжфела и др.), концепции психологической детерминации социального поведения и социальных представлений личности (К. А. Абульхановой, М. И. Воловиковой, А. И. Донцова, Р. М. Шамионова и др.).

Таблица 1. Процентное соотношение студентов с различным уровнем сформированности гражданского и национального самосознания

Институты	Т.И.	Гражданственный		Безразличный	Антигражданственный		Толерантный		Интолерантный		Безразличный
		уровень									
	курс	выс.,%	ср.,%		ср.,%	выс.,%	выс.,%	ср.,%	выс.,%	ср.,%	
ИИФиСМИ	1 к.	23	57	-	5	15	9	83	4	-	4
	4 к.	34	53	-	13	-	12	75	-	11	2
	маг.	13	62	15	10	-	13	58	-	29	-
ИФим	1к.	14.2	64.1	-	6.9	14.8	7.3	85.4	7.3	-	-
	4к.	37.9	56	-	6.1	-	31	52	-	17	-
	маг.	26.5	68.1	-	2.7	2.7	19	69	5	5	-

Условные обозначения:

Т.И — тип идентичности; Выс. — высокий; Ср. — средний.

ИИФ и СМИ — институт истории, филологии и СМИ.

ИФ и М — институт физики и математики.

Для диагностики степени выраженности компонентов социальной идентичности нами использована методика «Тест на выявление уровня сформированности национального и гражданского самосознания студентов в краткосрочной перспективе» Селезневой А.В., Евгеньевой Т.В. Тест предназначен для использования в образовательном процессе в рамках работы по формированию национального и гражданского самосознания студентов. Методика «Определение психологического пола личности» Сандры Бем [8] представляет собой 24 утверждения: 12 для субшкалы «национальное самосознания» и 12 для субшкалы «гражданское самосознания». Первая измерительная субшкала «гражданское самосознание» позволяет выявить гражданско-патриотические ориентации студентов, их когнитивные представления, эмоциональное отношение и поведенческие установки в отношении России как страны, ее народа. Территории, прошлого, настоящего и будущего. России как государства, ее политическое устройства органов власти. Вторая измерительная субшкала «национальное самосознание» позволяет выявить общий уровень толерантности/интолерантности студентов к представителям других этносов, религиозных конфессии и культур, населяющих Россию: знания и представления студентов о культурном многообразии России, их эмоциональное отношение и поведенческие установки в отношении людей других культур.

Испытуемым необходимо оценить степень согласия с утверждениями по шкале, включающей два уровня несогласия (абсолютно не согласен, скорее не согласен). Два уровня согласия (полностью согласен, скорее согласен) и нейтральную позицию (я не знаю). Процедура тестирования предполагает заполнение респондентами бланка теста индивидуального соответствия с инструкцией. Для количественного анализа подсчет производится в соответствии с инструкцией. Качественная интерпретация результатов проводится с опорой на предложенную аналитическую модель.

Данное исследование проходило на базе Кабардино-Балкарского государственного университета. Выборку составили 129 студентов в возрасте от 18 до 24 лет, обучающиеся в «Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова». Результаты диагностики компонентов социальной идентичности представлены в таблицах 1,2

Из таблицы следует, что более половины студентов ИИФ и СМИ, на всех курсах имеют средний уровень гражданственности (57%-53%-62%). Высокий уровень гражданственности преобладает на четвертом курсе (34%), на первом курсе он составляет 23%, в магистратуре — 13%. Безразличный тип выявлен только в магистратуре (15%). Высокий уровень антигражданственности выяв-

Таблица 2. Процентное соотношение студентов с различным типом гендерной идентичности

Институты	Пол Т.И. Курс	Юноши,%			Девушки,%		
		Ф	М	А	Ф	М	А
ИИФиСМИ	1 курсы	-	21	79	59	4	37
	старшие курсы	-	-	-	57	-	43
ИФиМ	1 курс	-	37	63	23	-	77
	старшие курсы	-	45	55	37	9	52

Условные обозначения:

Ф — феминность; А — андрогинность; М — маскулинность.

Таблица 3. Значения t-критерия Стьюдента, показывающие тесноту связи типа идентичности студентов с уровнем их толерантности.

Уровень толерантности	Интолерантность		Толерантность					
	(-)		высокий уровень		средний уровень		низкий уровень	
	ИИФ и СМИ	Пол.	ИИФ и СМИ	Пол.	ИИФ и СМИ	Пол.	ИИФ и СМИ	Пол.
Андрогинность	10,7	10,1	4,2	7,1	6,4	7,2	1	1,4
Маскулинность	7	7	-	7,2	1	2,6		1,1
Феминность	10,5	9,6	11	-	10,3	1	3,8	
Гражданственность	18,2	14,8	25,2	26,3	13,4	21,5	1	1,3
Антигражданственность	3,5	2	-	-	6,8	20,7	-	-

лен только на первом курсе — 15%, средний уровень распределился следующим образом: первый курс — 5%, четвертый курс — 13% и магистратура — 10%. Подавляющее большинство студентов, первого и четвертого курса (83%-75%) и более половины магистрантов (58%) демонстрируют средний уровень толерантности. Высокий уровень имеет следующее соотношение: первый курс — 9%, четвертый курс — 12%, магистранты — 13%. Безразличных 4% на первом курсе и 2% на четвертом.

Приведенные цифры показывают, что к старшим курсам растет количество студентов с высоким и средним уровнем развития гражданственности (23%-34%), (57%-62%). В то же время уменьшается количество респондентов со средним уровнем толерантности (83%-75%-58%) на фоне повышения количества студентов с высоким уровнем толерантности (9%-12%-13%). На первых курсах есть студенты с высоким уровнем антигражданственности (15%) и с высоким уровнем интолерантности (4%). На старших курсах отсутствуют такие категории студентов, но появляются безразличные (15%) [7].

По выборке ИФ и М видно, что на всех курсах преобладает средний уровень гражданственности (64,1%-56%-68,1%). Высокий уровень гражданственности на четвертом курсе имеет (37,9%), на первом курсе он составляет 14,2%, в магистратуре 26,5%. Средний уровень

антигражданственности распределился следующим образом: первый курс — 6,9%, четвертый курс — 6,1% и магистратура — 2,7%. Высокий уровень более выражен на первом курсе — 14,8%, а в магистратуре снижается до 2,7%. Подавляющее большинство студентов первого курса и магистрантов (85,4%-69%) и почти половина на четвертом курсе (52%) демонстрируют средний уровень толерантности. Высокий уровень имеет следующее соотношение: первый курс — 7,3%, четвертый курс — 31%, магистранты — 19%.

Приведенные цифры показывают, что к старшим курсам растет количество студентов с высоким и средним уровнем развития гражданственности (14,2%-64,1%), (26,5%-68,1%). В то же время снижается количество респондентов со средним уровнем толерантности (85,4%-52%-69%) на фоне повышения количества студентов с высоким уровнем толерантности (7,1%-20%-18,5%). В магистратуре и на первом курсе есть студенты с высоким уровнем интолерантности (5%-7,3%). Средний уровень интолерантности распределился следующим образом: четвертый курс — 17% и магистратура — 5%.

Таким образом, можно констатировать, что соотношение студентов с высокой и средней гражданственностью у магистрантов почти не отличается от соотношения студентов с высокой и средней толерантностью.

В выборке ИИФ и СМИ результаты выглядят следующим образом: у студентов мужского пола высокие показатели по шкале «андрогинности» (79%), низкий показатель по шкале «маскулинности» (21%). У респондентов женского пола высокий показатель по шкале «феминности» (59%-57%), соответственно, низкий показатель по шкале «маскулинности» (4%-0%) и средний — андрогинность (37%-43%). Результаты диагностики студентов ИФ и М следующие: у респондентов мужского пола высокие показатели по шкале «андрогинность» (63%-55%), средние показатели по шкалам «маскулинность» (37%-45%), низкий показатель по шкале «феминность» (0%-0%). Соответственно, у опрашиваемых женского пола высокий показатель по шкале «андрогинность» (77%-52%), низкий — маскулинность (0%-9%) и средний показатель по шкале «феминность» (23%-37%).

Сравнение результатов показало снижение показателя феминности и маскулинности к старшим курсам по соответствующим шкалам методики, при этом повышение показателей андрогинности. Это говорит о том, что обучение в вузе способствует развитию гендерной идентичности у студентов. В целях доказательства, влияния компонентов социальной идентичности на уровень толерантности было проведено корреляционное исследование с помощью t-критерия Стьюдента. Результаты корреляционного исследования приведены в таблице 3.

Из таблицы видно, что все значения t-критерия Стьюдента превышают критический уровень и находятся в зоне значимости, что свидетельствует о влиянии типа гендерной идентичности студентов на уровень толерантности. Приведенные в таблице 3 значения t-критерия Стьюдента, показывающие корреляцию гражданской идентичности и уровня толерантности, также говорят о влиянии гражданской идентичности на уровень толерантности. Проведенный анализ результатов диагностики структуры социальной иден-

тичности и уровня толерантности позволяют сделать выводы:

1. Подавляющее большинство студентов имеют средний и выше среднего уровень гражданской ответственности и толерантности, причем к старшим курсам количество таких студентов растет. Тип гендерной идентичности большинства обучающихся (юношей и девушек) андрогинный. Наблюдается тенденция снижения показателя феминности и маскулинности к старшим курсам на фоне увеличения показателя андрогинности. Что свидетельствует о том, что обучение в вузе способствует формированию гендерной идентичности у студентов.
2. Результаты статистического анализа доказывают влияние компонентов (гражданской и гендерной) структуры социальной идентичности и на уровень толерантности.

Сформулированные выводы доказывают гипотезу о том, что компоненты структуры социальной идентичности являются детерминантами уровня толерантности студентов: 1) чем больше уровень развития гражданской идентичности в структуре социальной идентичности, тем выше уровень толерантности; 2) существуют различия в степени влияния типа гендерной идентичности студентов на уровень их толерантности.

Таким образом, гипотеза исследования доказана и цель достигнута. Перспективной и значимой, несмотря на объективные трудности и утопичность данной задачи, может стать попытка выявления универсальных социально-психологических детерминант уровня толерантности личности, применимых к людям различного пола, возраста, национальности. Мы надеемся на то, что результаты данного исследования найдут свое применение в таких сферах, как образование, практическая психология, молодежная политика, а проведенное исследование будет способствовать развитию традиции изучения толерантности, как социального явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анаев М.А., Багова Р.Х., Ногерова М. Т. Место этнической идентичности в структуре идентификаций и ее влияние на индекс толерантности студентов // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — № 1. — С. 229–231.
2. Безюлева Г. В. Толерантность в пространстве образования: учебное пособие / Г. В. Безюлева, С. К. Бондырева, Г. М. Шаламова. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. — 167 с.
3. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. — М.: Аспект-Пресс, 2001. — 300 с.
4. Догучаева Т.А., Ногерова М. Т. Особенности влияния социо-этнокультурных стереотипов на толерантность студентов // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 6. — 565 с.
5. Евгеньева Т.В., Селезнева А. В. Психология массовой политической коммуникации: Учебное пособие. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — 299 с.
6. Кожухарь Г. С. Проблема толерантности в межличностном общении // Вопросы психологии. — 2006. — № 2. — С. 3–12.
7. Курдюмов Г.М. О формировании личностных качеств будущих специалистов // Высшее образование в России. — 1994. — № 2. — С. 103–105.

8. Мамучиева Л.К., Ногерова М. Т. Исследование структуры этнической идентичности у студентов с различным уровнем толерантности // Уникальные исследования 21 века: прогрессивные процессы мировой научной мысли: международная научно-практическая конференция. — Казань: Общество Науки и Творчества, 2014. — С. 125–129.
9. Никандров В. В. Психология: учебник. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — 1008 с.
10. Образ России: культурно-исторические и социально-политические представления молодежи: монография / под ред. Р.М. Шаминова. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008. — 174 с.
11. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. — 320 с.

© Ногерова Марьям Татуевна (noger.mar@mail.ru), Малкарова Рахима Хизировна (mtd61@mail.ru),
Созаев Азамат Борисович (azamat-s@list.ru), Похомова Оксана Юрьевна (ms.ksuy@bk.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧУВСТВА ОДИНОЧЕСТВА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Редина Анна Викторовна

Педагог-психолог, Лицей № 387 им. Н. В. Белоусова
(Санкт-Петербург)
redinaanna@bk.ru

FEATURES OF SURVIVAL FEELING OF LONELINESS IN ADOLESCENT AGE

A. Redina

Summary. The article reveals the underlying causes and the defining characteristics of the sense of loneliness among adolescents. The author conducts a theoretical analysis of researchers' attitudes towards the issue stated. Predominantly, the article provides one with comparative outlook on the practical experience which scientists gained by studying the correlation between minors' degree of loneliness and their personal inclinations, age and gender peculiarities.

Keywords: Self-concept, self-perspective, deep frustration, privacy, role changes, self-disclosure.

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть основные причины и характерные особенности переживания одиночества в подростковом возрасте. Проводится теоретический анализ взглядов исследователей на природу данной проблемы. Основное содержание статьи дополняется рассмотрением практического опыта исследований, направленных на изучение взаимосвязи уровня одиночества и личностных особенностей, возраста и пола подростка.

Ключевые слова: Я-концепция, внутренняя опустошенность, уединение, смена ролей, самораскрытие.

В настоящее время проблема переживания одиночества подростками приобретает все большую актуальность в связи с происходящими стремительными изменениями в социальной, информационной и технологической сферах жизни современного общества.

21 век — это время информационных скоростей, развития сетевых ресурсов, виртуального общения. Появляются различные сетевые группы, привлекающие внимание подростка интересными слоганами: «Возьми жизнь в свои руки», «Найди себя»..., что актуально для девушки или юноши в период становления, особенно в конфликтных отношениях с родителями, в ситуации жесткого контроля или, наоборот, попустительства. Современному подростку не хватает «живого» общения, что может обострять чувство «внутренней опустошенности» и одиночества.

В психологии подростковый возраст называют переходным, критическим. С. Холл, впервые описал психологические особенности данного возрастного периода, связывая негативные, кризисные явления подросткового возраста с его промежуточностью в онтогенезе.

В этом возрасте происходит становление личности, формирование системы взглядов, убеждений и ценностей, прописывается сценарий своей жизни, строятся планы на будущее, осуществляется выбор профессиональной деятельности.

В результате осознания своей неповторимости, уникальности у подростков может возникать ощущение, что их никто не может понять, это способствует появлению тревоги и ощущению «внутреннего» одиночества.

Подростковый возраст может быть возрастом мечтаний, планов, но также и возрастом крушения надежд. Это может привести к деструктивным последствиям и непоправимым результатам, таким как суицид. В связи с этим, необходимо определить причинную обусловленность и структурные элементы, входящие в комплекс переживания одиночества в данный возрастной период.

Многие исследователи сходятся на мнении, что одиночество в подростковом возрасте связано с переживанием ощущения «оторванности» от семьи, сверстников, общества. Подросток внутренне ощущает чувство оди-

ночества, осознавая неполноценность своих отношений с лично-значимыми для него людьми.

Г. Салливан считал, что потребность в близости, начинаясь в младенчестве (стремление ребенка к контакту, общению), в подростковом возрасте приобретает форму потребности в близком друге, с которым можно обменяться своими сокровенными мыслями и переживаниями.

Важно отметить, что существует взаимосвязь переживания чувства одиночества в подростковом возрасте с особенностями формирования «Я-концепции» в данный возрастной период. Физиологические и психологические изменения, связанные с половым созреванием, влияют на восприятие подростком своего внешнего облика, развитие когнитивных и интеллектуальных возможностей приводит к дифференциации «Я-концепции», а требования, исходящие от социальной среды, родителей, учителей, сверстников могут оказаться взаимно противоречивыми. Поэтому смена ролей, ситуация выбора, необходимость принятия важных решений, касающихся профессии, ценностных ориентаций, образа жизни, могут вызвать ролевой конфликт и внутреннюю неопределенность, что также накладывает явный отпечаток на «Я-концепцию» в пору юности» [1, с. 169].

Смена социальной среды, расширение ее границ в подростковом возрасте происходят не сразу. Семья, занимающая доминантное место в жизни ребенка, начинает утрачивать свое лидирующее значение. Нередко именно процесс сепарации от семьи может послужить отправной точкой активизации переживания одиночества подростка [2, с. 28].

Половая идентификация и связанный с нею круг выполняемых ролей, субъектных и объектных переживаний является одной из наиболее значимых составляющих «Я-концепции» подросткового возраста. Наиболее полно эта сторона личностного развития исследовалась с позиции классического психоанализа. Согласно данной теории, в период полового созревания пробуждаются силы инстинктивной природы, которые нарушают равновесие, установившееся в более ранний, латентный период, и приводят к росту напряженности и резким сдвигам в эмоциональной сфере подростка. Результатом этого своеобразного возврата к генитальной фазе (по З. Фрейду) становится разрушение эмоциональных связей подростка с родителями, так как поиски объекта любви выходят теперь уже за пределы семьи.

В попытке справиться со своей внутренней опустошенностью, подросток стремится к расширению своего круга общения, порой даже хаотично, беспорядочно и в данном случае переживание одиночества будет

иметь характер сопутствующего состояния, являясь одновременно и причиной, и следствием. Этот вариант одиночества, несмотря на всю остроту эмоциональных переживаний подростка и свою внутреннюю противоречивость может рассматриваться как наиболее конструктивный [2, с. 29].

В работе «Дети, не оправдывающие ожиданий» авторы отмечают выраженную зависимость внешних характеристик от оценки педагогами и сверстниками поведения подростка. Отвергнутый по «внешнему» признаку подросток нередко может становиться замкнутым, агрессивным, раздражительным и тревожным. У ребенка вследствие своей «некрасивости, непривлекательности» может особенно остро возникать чувство одиночества [3].

Под влиянием семейных условий чувство одиночества может появляться как следствие нарушения неприкосновенности внутреннего мира подростка и приводить к формированию у него негативной «Я-концепции» в ситуации потери доверия к родителям, педагогам, друзьям. Этот вариант одиночества представляет собой наиболее острую форму процесса.

В процессе формирования позитивной «Я-концепции» одиночество выступает своего рода психологическим стабилизатором, однако в этом случае мы можем говорить о двух состояниях: уединении как социально-личностном явлении (А.В. Мудрик) и переживании собственно одиночества, как более глубокого состояния.

Существует прямая зависимость между психологической зрелостью и ощущением (переживанием) одиночества. Развитие потребно-мотивационной сферы в структуре оформления «Я-концепции» подросткового возраста практически всегда связано с развитием переживания одиночества.

В ходе исследований причин, обуславливающих возникновение чувства одиночества у подростков, были выявлены следующие:

- ◆ осознание себя как уникальной, неповторимой, ни на кого не похожей личности;
- ◆ отсутствие достаточного количества межличностных контактов со сверстниками;
- ◆ экзистенциальный подростковый кризис «смысла жизни»;
- ◆ принудительное удержание подростков в каких-либо группах. Этот феномен часто наблюдается в детских домах: неудовлетворенная потребность в уединении порождает у них мысли о непонимании окружающими их личностных особенностей [4].

Исходя из полученных диагностических данных, можно увидеть, что у 30% подростков состояние одиночества выражено наиболее ярко, у 10% из них доминирующей является шкала депрессии. В данном случае, состояние одиночества не только присутствует в структуре личности подростка, но и доминирует, что определяет проявление зависимых от данного состояния таких психологических особенностей личности, как неудовлетворенность собой, замкнутость, застенчивость, угрюмость. У большинства опрошенных подростков доминирующим мотивом выступает «стремление к принятию». Мотив «страх отвержения» выражен у 10% испытуемых, который непосредственно связан с переживанием одиночества.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что каждый третий подросток испытывает состояние одиночества, но в различной степени интенсивности [7, с. 137].

В исследовании Романчук А.С. выявлена взаимосвязь: чем старше подростки, тем выше уровень переживания одиночества и тем больше позитивных возможностей в единении они замечают; у них повышается уровень притязаний в отношении своей внешности, авторитетности, интеллектуальных возможностей и способностей, но при этом снижаются показатели жизнестойкости.

Если говорить о взаимосвязи переживания одиночества с возрастом и полом, была выявлена следующая закономерность: чувство одиночества в 5 классе заметно доминирует у мальчиков, в 6 и 7 классе ситуация выравнивается, в 9 классе показатель переживания одиночества резко усиливается у девочек. В 10 классе ситуация снова выравнивается. Подобная расстановка результатов может быть свидетельством того, что мальчики взрослеют медленнее девочек и психологические проблемы у них могут проявляться позднее [8, с. 331].

Таким образом, исходя из представленных данных, можно говорить о тесной взаимосвязи переживания одиночества и развития компонентов «Я-концепции». В данном контексте, необходимо отметить, что оди-

ночество является своего рода своеобразным психологическим стабилизатором для позитивной модели «Я-концепции» и психологическим активатором для негативной модели.

Рассматривая пути преодоления одиночества в подростковом возрасте, важно отметить, что одним из важных факторов выступает отношение самих подростков к данному состоянию и их способность к саморегуляции, умению справляться с негативными переживаниями. Какими бы ни были причины, приводящие подростка к одиночеству, важнее то, как он сам воспринимает это свое состояние и как он его использует [6, с. 144–145].

И.С. Кон утверждает, что преодоление ощущения одиночества заключается в понимании другим человеком. Когда подросток обретает близкого друга, через интимно-личностное общение он реализует не только потребность в принятии, но и потребность в собеседнике, личностном самораскрытии. Само его становление становится продуктивным [4].

И. Ялом считает, что: «Одиночество существует только в одиночестве. Разделенное одиночество умирает». Разделить одиночество: значит выслушать человека, когда он захочет рассказать о своей боли, понять и принять его чувства [9, с. 92]. Разделенное одиночество является одним из ключевых моментов преодоления одиночества особенно в подростковом возрасте. Для подростка наиболее значимым фактором выступает установление глубокого личностного контакта, ощущение доверия, принятия, значимости своей личности.

Широта взглядов на природу данного феномена в этом возрасте будет способствовать развитию путей для систематизации диагностического инструментария в этом направлении, оказания эффективной психолого-педагогической помощи подросткам. Очень важно создавать условия по оптимизации профилактической работы в общеобразовательных учреждениях, ориентировать педагогов и родителей на поиск новых форм взаимодействия и сотрудничества в диаде подросток-взрослый, необходимых для благополучного разрешения кризиса развития в подростковом возрасте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернс Р. Я-концепция и воспитание. М.: «Прогресс», 1986. — 422 с.
2. Слободчиков И. М. Переживание одиночества в рамках формирования «Я-концепции» подросткового возраста / Психологическая наука и образование. 2005. № 1 с. 28–32
3. Грищенко Л.А., Алмазов Б. Н. Дети, не оправдывающие ожиданий Свердловск /Издательство Уральского Университета/ 1991. — 64 с.
4. Кон И. С. Психология ранней юности. — М., 2005. — 256 с.
5. Малышева С.В., Рождественская Н. А. Особенности чувства одиночества у подростков/Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. — 2001. № 3. — с. 63–68

6. Третьякова О. А. Социально-психологическая обусловленность одиночества личности в подростковом возрасте Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2009. № 1 (69) с. 144–145
7. Тудупова Т.Ц., Худякова И. С. Особенности проявления одиночества в подростковом возрасте/Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. с. 135–141
8. Урман С. А. Связь субъективного одиночества с полом и возрастом подростка/Электронный научный журнал. № 2 (5). 2016. с. 329–332
9. Ялом И. Когда Ницше плакал/пер. с англ. М. Будыниной. — М.: Эксмо — Пресс, 2005. — 416 с.

© Редина Анна Викторовна (redinaanna@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Лицей № 387 им. Н.В. Белоусова

ЗРЕЛОСТЬ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР НРАВСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ

MATURITY AS A SYSTEM-FORMING FACTOR OF MORAL ACTIVITY

A. Ryazhkin

Summary. The article explores the problem of studying moral activity from the standpoint of the system-subject approach. Moral activity is considered as a system which components are represented at the level of the subject and at the level of the personality. There is an assumption that maturity is a system-forming factor of moral activity, as a coherence task of the personality and capabilities of the subject. To confirm this assumption, we conducted an empirical study, which results prove the existence of maturity as a system-forming factor of the system of moral activity.

Keywords: system, moral activity, maturity, behavior control, value-semantic sphere.

Ряжкин Александр Олегович
Аспирант, Челябинский государственный
университет
aoryazhkin@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется проблема изучения нравственной активности с позиций системно-субъектного подхода. Нравственная активность понимается как система, компоненты которой представлены на уровнях субъекта и личности. Было выдвинуто предположение, что системообразующим фактором нравственной активности является зрелость, понимаемая как согласованность личностных задач и возможностей субъекта. Для подтверждения данного предположения было проведено эмпирическое исследование, результаты которого доказывают наличие зрелости как системообразующего фактора системы нравственной активности.

Ключевые слова: система, нравственная активность, зрелость, контроль поведения, ценностно-смысловая сфера.

Нравственная активность является сложным и многоплановым психическим явлением, исследование которого актуально для современной психологии. Авторы, изучающие данную проблему, подчеркивают существенную роль нравственной активности в общественной жизни человека (Л.Н. Антилогова [1], М.И. Боровский [3], И.А. Зайцева [6], Н.Д. Зотов [7] и др.). Являясь ведущей формой социальной активности, нравственная активность регулирует поведение человека в обществе на основе принятых нравственных норм и правил, выступая в качестве деятельного нравственного отношения человека к миру и к другим людям, «в котором субъект выступает как активный носитель и «проводник» нравственных ценностей ..., способный к устойчивому нравственному поведению» [1].

Результаты изучения нравственной активности [9] позволили рассмотреть ее с позиций системно-субъектного подхода [16] как категорию, представленную на двух уровнях: на уровне субъекта и на уровне личности. В основе личностного уровня нравственной активности лежат ценностные ориентации, включающие ценностную и смысловую сферы [1], сформированные на основе общественных норм и задающие направление социальной активности человека. Таким образом, компонентами личностного уровня нравственной активности являются ценностные и смысложизненные ориентации. Субъектный уровень контролирует взаимодействие человека с окружающими миром, регулируя его на основе принятых ценностных ориентаций.

Это означает, что в основе субъектного уровня лежат процессы регуляции поведения. При изучении данных процессов, мы основываемся на концепции Е.А. Сергиенко, предложившей ментальный конструкт «контроль поведения» — «психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей» [17, с. 18], состоящий из трех подсистем контроля: когнитивный уровень (когн. к-ль), обеспечивающий планирование и программирование действий; эмоциональный уровень (эмоц. к-ль) как показатель эмоциональной устойчивости и волевой уровень как способность организации собственного поведения для достижения целей и преодоления препятствий [17].

Результаты исследований [10; 14] доказывают наличие множества взаимосвязей между выделенными компонентами нравственной активности, что позволяет говорить о ней как о системе. Однако, по словам Б.Ф. Ломова, компоненты системы не только должны быть взаимосвязаны между собой. Функционирование системы должно продуцировать некий системообразующий фактор, возникающий у человека только в результате взаимодействия ее компонентов [11]. В качестве такого системообразующего фактора может выступать зрелость как процессуальная категория, представляющая из себя «континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта» [15, с. 26]. Проявлением зрелости является стремление человека

Таблица 1. [Результаты факторного анализа компонентов системы нравственной активности]

Переменные	Фактор				
	Зрелость (15,03%)	Убеждения (11,69%)	Эгоцентрич- ные ценно- сти (9,47%)	Просоциаль- ные ценно- сти (8,67%)	Эмоцио- нальный контроль (8,43%)
	Нагрузка переменных				
Общая осмысленность жизни	0,954				
Осмысленность процесса жизни	0,856				
Локус-контроля Я	0,854				
Локус-контроля Жизнь	0,848				
Осмысленность целей в жизни	0,839				
Осмысленность результативности жизни	0,838				
Волевой контроль при реализация	0,555				
Уровень саморегуляции (когн. к-ль)	0,416				
Самостоятельность (уровень убеждений)		0,720			
Доброта (уровень убеждений)		0,715			
Универсализм (уровень убеждений)		0,711			
Безопасность (уровень убеждений)		0,662			
Конформность (уровень убеждений)		0,649			
Достижения (уровень убеждений)		0,639			
Традиции (уровень убеждений)		0,638			
Гедонизм (уровень убеждений)		0,622			
Стимуляция (уровень убеждений)		0,611			
Власть (уровень поведения)			0,739		
Достижения (уровень поведения)			0,693		
Гедонизм (уровень поведения)			0,691		
Стимуляция (уровень поведения)			0,640		
Самостоятельность (уровень поведения)			0,614		
Власть (уровень убеждений)			0,560		
Конформность (уровень поведения)				0,728	
Традиции (уровень поведения)				0,728	
Универсализм (уровень поведения)				0,667	
Доброта (уровень поведения)				0,638	
Безопасность (уровень поведения)				0,623	
Бегство-избегание (эмоц. к-ль)					0,743
Принятие ответственности (эмоц. к-ль)					0,707
Конфронтационный копинг (эмоц. к-ль)					0,637
Дистанцирование (эмоц. к-ль)					0,610
Самоконтроль (эмоц. к-ль)					0,588
Положительная переоценка (эмоц. к-ль)					0,535
Поиск соц. поддержки (эмоц. к-ль)					0,502
План решения проблем (эмоц. к-ль)					0,402

«сохранить свою целостность как субъекта и личности, а, следовательно, делать то, что соответствует его жизненным смыслам и его собственной субъектности, т.е. его интегративной уникальности» [15, с. 26]. В этом случае зрелость выступает как свойство, возникающее в результате взаимодействия компонентов системы нравственной активности на уровне субъекта и личности, т.к. следование нравственным нормам, суть которого состо-

ит в регуляции социальной активности субъекта на основе нравственных ценностей, возможно только при сознательном и добровольном принятии данных ценностей, при закреплении их в ценностных ориентациях личности, что подчеркивается множеством авторов, изучающих нравственную активность (Л. Н. Антилогова [1], М. И. Бодлевский [2], М. Н. Боровский [3], И. А. Зайцева [6], Н. Д. Зотов [7] и др.).

Для эмпирического обоснования изучения зрелости как системообразующего фактора нравственной активности нами было проведено исследование. Целью исследования было выявление системных взаимосвязей между компонентами нравственной активности, образующих фактор «зрелость». Гипотеза: между компонентами нравственной активности существуют взаимосвязи, обеспечивающие наличие категории зрелости в психике человека. Выборка состояла из 256 студентов Челябинского государственного университета, Курганского государственного университета и Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, из них 189 девушек и 67 юношей в возрасте от 17 до 23 лет. Студенты, представленные в выборке, обучаются на I–IV курсах по различным направлениям (психология, юриспруденция, бизнес-информатика и прикладная информатика, государственное и муниципальное управление, дефектологическое образование, физическое воспитание). Методы исследования состояли из тестовых опросников и методов математической статистики (факторный анализ). Для проведения тестовых опросов использовались следующие методики. Для изучения субъектных компонентов нравственной активности были использованы: методика «Контроль за действием» Ю. Куль, методика «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой и методика «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса для изучения волевого, когнитивного и эмоционального уровней контроля поведения соответственно. При изучении личностных компонентов нравственной активности были использованы: методика Д. А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации» и «Ценностный опросник» Ш. Шварца для изучения ценностной и смысловой сферы.

Результаты опросов были использованы в качестве материала для факторного анализа. В результате оценки пригодности данных для проведения факторного анализа были получены следующие результаты: мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина равна 0,81, а критерий сферичности Бартлетта статистически значим ($\chi^2 = 5584,67$, $p < 0,01$). Данные пригодны для факторного анализа, т.к. значения представленных коэффициентов являются допустимыми [13]. Для решения проблемы числа факторов был использован критерий отсеивания Р. Кеттелла и критерий Кайзера: число факторов равно числу компонент, собственные значения которых больше 1 [13]. В результате максимальное количество возможных факторов было равно 10, однако, по словам А. Д. Наследова, окончательное решение о числе факторов должно приниматься только после интерпретации результатов [13]. Исходя из этого, при анализе данных, было выделено 5 факторов. Основанием для выделения такого количества факторов является приемлемое значение кумулятивного процента диспер-

сии (53,29%) после выделения пятого фактора [13]. Выделение большего количества факторов не приводит к существенному увеличению данного показателя.

В результате факторизации (анализ главных компонент) и вращения факторов (Варимакс-вращение) была получена матрица факторных нагрузок, представленная в табл. 1.

Как представлено в таблице, в результате факторного анализа было выделено пять факторов нравственной активности. В первый фактор вошли переменные, отражающие показатели смысловой сферы личности, а также показатели уровня волевого контроля поведения при реализации действия и переменная «Общий уровень саморегуляции», отражающая уровень когнитивного контроля. Выделение данного фактора чрезвычайно важно для нашего исследования, т.к. в нем представлены корреляции между личностными смыслами человека и субъектной регуляцией его поведения. Другими словами, в данном факторе выражается согласованность между личностной направленностью и уровнем субъектной регуляции. Выделенные корреляции демонстрируют то, что субъект контролирует свое поведение, в соответствии с принятыми нравственными стандартами в обществе, не по принуждению, а по причине того, что нравственная регуляция в той или иной сфере жизни наполнена для него личностным смыслом. В свою очередь, высокий уровень контроля поведения ведет к достижению позитивного результата в той сфере, которой придается большее смысловое значение. Это подтверждается словами Б. С. Братуся, что именно смысловые образования являются основой будущего для человека, которое выступает звеном движения личности и опосредует настоящее, его сегодняшнюю деятельность [4]. Данная согласованность ведет к проявлению более зрелых форм поведения, что в конечном итоге служит основой для формирования зрелости как способности к достижениям, выраженной в деятельности, соответствующей и жизненным смыслам человека и его собственной субъектности [15]. В результате чего, было решено определить данный фактор как «Зрелость». Кроме того, следует сказать, что данный фактор выделен первым, т.е. имеет наибольшую факторную нагрузку и является наиболее значимым из всех.

Помимо этого, были выделены другие факторы, объясняющие взаимосвязи между компонентами нравственной активности. Во второй фактор вошли переменные методики «Ценностный опросник» Ш. Шварца, отражающие весь диапазон ценностей личности, представленных на уровне убеждений. Данный уровень «отражает представления человека о том, как нужно поступать, определяя тем самым его жизненные принципы поведения», но при этом ценности данного уровня

могут не проявляться в реальном поведении человека [8, с. 34]. Исключением стала ценность «Власть», вошедшая в один из следующих факторов. Фактор № 2 получил название «Убеждения», т.к. в нем заложены представления выборки о должном поведении в тех или иных ситуациях. При этом нет абсолютной уверенности в том, что оказавшись в проблемной ситуации в реальности, испытуемые поступят согласно своим убеждениям. Это подтверждается выделенными факторами № 3 и 4.

Третий фактор включает переменные, отражающие ценности личности на уровне поведения. Данный уровень «более зависим от внешней среды, например, от группового давления и соотносится с конкретными поступками человека» [8, с. 34]. В отличие от фактора № 2, в данный фактор были включены только те ценности, достижение которых несет индивидуальную пользу человеку, т.е. выделенные ценности направлены не на позитивные изменения в обществе, а на удовлетворение собственных потребностей. Среди выделенных ценностей: «гедонизм», «власть», «достижения» и т.д. Помимо этого, в данный фактор включена ценность «власть» уровня убеждений. Можно предположить, это связано с практической ориентацией данной ценности, т.к. если человек убежден в ценности власти, то он будет добиваться доминирующей общественной роли и своим поведением. Данный фактор получил название «Эгоцентричные ценности».

Противоположность ему составил фактор № 4. В данном факторе, напротив, представлены ценности с ориентацией на общество, т.к. их реализация связана с благополучием и безопасностью общества, сохранением его устоев, терпимостью и принятием других людей. Это ценности: «доброта», «традиции», «универсализм», «безопасность» и др. Данные ценности, также как и в предыдущем факторе, представлены на уровне поведения. Название фактора: «Просоциальные ценности».

Пятый фактор включает переменные, представляющие эмоциональный уровень контроля поведения субъекта. Выделение отдельного фактора для данного уровня, связано с важностью эмоциональной сферы в категории нравственной активности. Как было сказано ранее, реализация данной формы активности возможна только добровольно, что обязательно должно сопровождаться положительно окрашенными эмоциями. Фактор был назван «Эмоциональный контроль».

Таким образом, в результате факторного анализа компонентов нравственной активности был выделен ряд факторов, позволяющих говорить о некоторых ее особенностях. В первую очередь, можно заключить, что реализация нравственной активности соответствует зрелым формам поведения, при которых активность

субъекта соответствует направленности личности. Нравственные нормы будут выполняться только в том случае, если они подкреплены для человека личностным смыслом. В этом случае личность обладает зрелостью как континуумом согласования ее задач и интегративных возможностей субъекта [15], что приводит к заключению, что именно зрелость выступает системообразующим фактором взаимодействия компонентов системы нравственной активности.

Кроме этого, результаты факторного анализа позволяют заключить, что ценности личности, проявляемые в реальном поведении, не всегда соответствуют убеждениям человека. Хотя в факторе № 2, представляющем уровень убеждений, отображен весь диапазон ценностей, как направленных на себя, так и на общество, на уровне реального поведения происходит разграничение между эгоцентричными и просоциальными ценностями, что выражается в отсутствии корреляций между ними. Можно предположить, что в системе убеждений каждого человека сформированы представления о степени пользы для общества тех или иных поступков, что дает ему возможность оценить с данной точки зрения собственную и чужую деятельность. Тем не менее, в реальном социальном поведении человек не всегда использует результаты данной оценки и может руководствоваться эгоцентричными ценностями для достижения личной выгоды. Как замечает М.К. Мамардашвили, если нравственные ценности и убеждения не опираются на сформировавшиеся личностные структуры, в реальной экзистенциальной ситуации они не воплощаются в реальном выборе. Для нравственного поступка требуются специальные нравственные мускулы [12].

Важно также сказать, что некорректно рассматривать поведение, руководствуемое эгоцентричными ценностями, как однозначно безнравственное. Данные ценности, безусловно, важны для человека, т.к. мотивируют его на достижение высокого социального статуса и удовлетворение личных потребностей. В ситуациях реального выбора «каждое решение не является однозначно нравственным или безнравственным. Решающее значение имеет иерархия мотивов индивида, то есть важен не выбор как таковой, а причина, по которой он совершен» [5, с. 273]. Таким образом, можно заключить, что для системы нравственной активности важны ценности обеих групп, что подтверждает проведенный факторный анализ.

Результаты факторного анализа позволяют также заключить, что эмоциональная сфера в процессах регуляции на основе нравственной активности не может быть приравнена к когнитивной и волевой. Выделение эмоционального уровня контроля поведения в отдельный фактор свидетельствует о большой значимости данного

уровня при реализации нравственной активности, что подтверждаются словами И.А. Зайцевой, выделяющей эмоционально-нравственные переживания поступка в качестве важного компонента нравственной активности [6].

Таким образом, результаты исследования подтвердили наличие зрелости как смыслообразующего фактора системы нравственной активности. Помимо этого, полученные результаты позволили выявить некоторые особенности системы нравственной активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антилогова А. Н. Нравственное сознание личности и его структура // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. URL: <http://hpsy.ru/public/x2480.htm> (дата обращения: 27.06.2019).
2. Бодлевский М. И. Нравственная свобода и ответственность личности. Минск: Знание, 1976. 18 с.
3. Боровский М. Н. Моральные потребности и их роль в нравственном поведении молодежи // Воспитание молодежи в духе коммунистической нравственности в условиях развитого социализма. М., 1974. 146 с.
4. Братусь Б. С. Аномалии Личности. М.: «Мысль», 1988. 348 с.
5. Журавлев, А.Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Институт психологии РАН, 2003. 435 с.
6. Зайцева И. А. Нравственная активность личности, сущность ее и компоненты // Личность-слово-социум: Материалы VIII Междунар. науч. практ. конф. Минск, 2008. Ч. 1. с. 17–21.
7. Зотов Н. Д. Личность как субъект нравственной активности. Томск, 1984. 128 с.
8. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
9. Красник В.С., Ряжкин А. О. Проблема нравственной активности с позиций субъектно-личностного подхода // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/08/16326> (дата обращения: 27.06.2019).
10. Красник В.С., Ряжкин А. О. Различия в нравственной активности студентов-юристов и студентов-психологов // Психология и право. 2019. № 1. С. 1–21. doi:10.17759/psylaw.2019090101
11. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Директ-Медиа, 2008. 1174 с.
12. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (Психологическая типология пути). М.: Ad Margimen, 1995. 548 с.
13. Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
14. Ряжкин А. О. Нравственная активность личности как система // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 3. С. 406–419. DOI: 10.17072/2078–7898/2018–3–406–419
15. Сергиенко Е. А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. с. 13–28.
16. Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. с. 120–132.
17. Сергиенко Е.А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В., Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 352 с.

© Ряжкин Александр Олегович (aoryazhkin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ К СВОЕМУ ТЕЛУ

FEATURES OF INTERNET-ACTIVE YOUTH RELATIONS TO YOUR BODY

V. Senchenko

Summary. The article analyzes the results of an empirical study of a physical image of the Internet-active person. It is shown that with the growth of Internet activity, users' interest in their own body and appearance decreases. The author focuses on the fact that the respondents received the majority of cognitive attitudes regarding their own body and appearance in various institutions of socialization throughout their lives. It is revealed that the selected groups have differences in ideas about their own body, weight, appearance, health.

Keywords: gender, gender, Internet activity, youth, attitudes, self-esteem, physical self.

Сенченко Владимир Владимирович

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь)
senchenko_n.a@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы результаты эмпирического исследования физического образа Я интернет-активной личности. Показано, что с ростом интернет-активности у пользователей снижается интерес к собственному телу, внешности. Автор акцентирует внимание на том, что большинство когнитивных установок в отношении собственного тела и внешности респонденты получили в различных институтах социализации в течение всей жизни. Выявлено, что у выделенных групп имеются отличия в представлениях о собственном теле, весе, внешности, здоровье.

Ключевые слова: гендер, пол, интернет-активность, молодежь, установки, самооценка, физическая Я.

Постановка проблемы

Развитие интернет-технологий позволило человечеству выйти за пределы реального и попробовать выстроить свою жизнь не только в новом пространстве, но и в новом статусе. Многочисленная репликация образов, изменение хронотопов, размытость ранее незыблемых ценностей добра и зла, жизни и смерти, возможность путешествовать в прошлое и останавливать время привели к формированию нового типа личности — бестелесной и вездесущей. Однако, потеря интереса или вовсе отказ от собственного тела негативно сказывается как на психологическом, так и на физическом здоровье личности. Уничтожение граней меду мужчинами и женщинами может привести в конечном итоге к вымиранию человечества.

Цель статьи заключается в описании гендерных особенностей интернет-активной молодежи.

Обзор последних публикаций по проблеме исследования. В исследованиях А.И. Лучинкиной большое внимание уделяется интернет-активности как интегральной характеристике личности, включающей временные и деятельностные параметры, а также творческую или потребительскую составляющую деятельности [5]. Исследовательницей отмечается, что потеря телесности превращает взаимодействие людей во взаимодействие образов, симулякров, вызывая необходимость привлечения внимания за счет ников, аватаров, статусов [6]. Эксперименты с гендером относятся к этому ряду.

В отечественной психологии существуют различные трактовки понятия «гендер»: 1) социально-психологическая характеристика личности, приобретённая в процессе социализации, формирующая человека как мужчину или женщину; 2) пол как социальное понятие и явление в отличие от биологического пола, сконструированное на основе механизмов социализации, гендерных ролей, стереотипизации, распределения труда[1,2,3,4,7].

Экспериментальный объект исследования

В исследовании приняли участие обучающиеся образовательных организаций высшего образования в возрасте от 18 до 25 лет (408 человек). Из них 213 респондентов — девушки, 195 респондентов — юноши.

Методики исследования

Для определения интернет-активности — анкета интернет-активности (А.И. Лучинкина); для определения типа гендера — опросник «Мускулинность — феминность» (С. Бем); для выявления интегральной самооценки — методика исследования самоотношения С.Р. Пантелеева, методика изучения особенностей самооценки (С.Я. Рубинштейн); для оценки уровня и времени сформированности когнитивных установок — ретроспективная анкета установок для оценки эмоционального отношения испытуемых к различным параметрам своей внешности в реальном пространстве — методика «Исследование самоотношения к об-

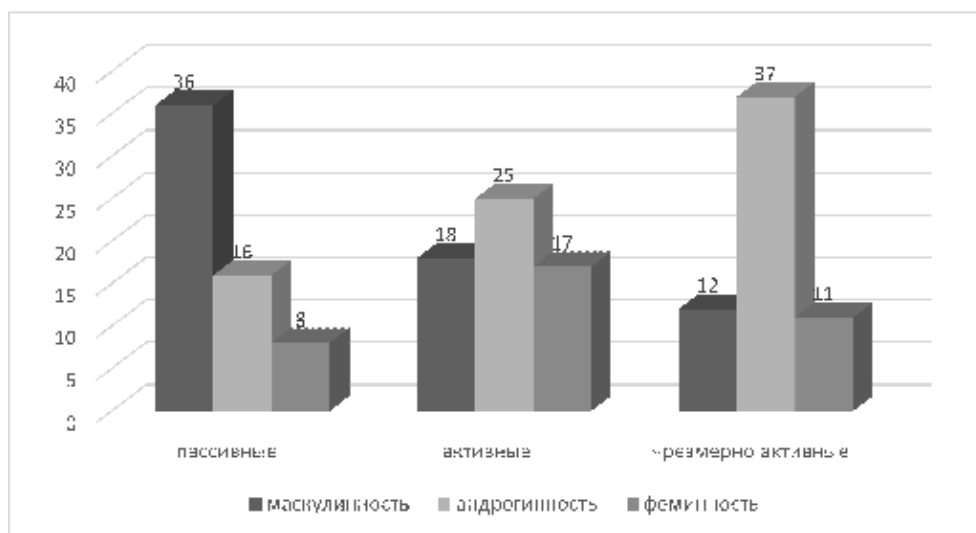

Рис. 1. Распределение гендерных ролей в каждой группе

разу физического Я» А. Г. Черкашиной; для виртуального пространства — анализ аватаров и контента страниц пользователей.

Изложение результатов исследования

Исследование показало, что в группе с низким уровнем интернет-активности (пассивные) наибольшее количество респондентов — юноши — 43 респондента. В то время как в группах интернет-активных и чрезмерно интернет-активных количество девушек и юношей [Рисунок 1].

Как видно на рисунке 1, с возрастанием интернет-активности увеличивается количество андрогинных респондентов в группе. При этом число маскулинных респондентов достоверно снижается (при $p = 0,05$).

В первой группе (интернет-пассивные) наблюдается снижение профиля по шкале феминность-маскулинность у мужчин, что свидетельствует о доминантности и склонности к соперничеству. Следует отметить, что мужчинам первой группы свойственна маскулинность. В информации о себе, респонденты этой группы поясняли, что они занимаются спортом регулярно, являются победителями чисто мужских видов спорта — армрестлинг, борьба, бокс.

В тоже время сниженный профиль у женщин свидетельствует о повышенной сентиментальности и эмоциональности. В первой группе из 17 девушек всего 8 имеют выраженную феминность. Из них — 7 занимаются в настоящее время в танцевальных коллективах, а одна

девушка занималась бальными танцами до недавнего прошлого.

Остальным респондентам первой группы (9 девушек и 7 юношей) характерна андрогинность. Следует отметить, что три девушки занимаются армрестлингом.

Выявлено, что с повышением интернет-активности стремление к соперничеству у мужчин снижается. Во второй группе (активные) выраженную маскулинность имеют 18 человек, из юношей — 14 респондентов.

В тоже время у женщин с повышением уровня интернет-активности растет количество респондентов, которым свойственна уверенность в себе, предприимчивость и последовательность внутренне мотивированного поведения, доминантность и гетероагрессивные тенденции. Из 17 респондентов с высокой феминностью — 13 девушек, остальные 4 — юноши.

В этой группе наблюдается рост количества респондентов с высокой андрогинностью (при $p = 0,05$).

Однако с дальнейшим ростом уровня интернет-активности тенденции возрастания маскулинности и феминности не сохраняются. В третьей группе (чрезмерно активные) достоверно возрастает число респондентов с высокой андрогинностью ($\chi_{эм}^2 = 10,1$, $\chi_{фем}^2 = 9,5$, при $p = 0,05$).

Исследование когнитивной составляющей у респондентов выделенных групп показало существенные отличия в формировании установок в отношении своего тела и внешности.

Таблица 1. Средние значения оценочно-содержательной интерпретации компонентов внешнего облика по группам

Группа	Гендер (по С. Бем)	Лицо	Телосложение	Оформление внешнего облика	Выразительное Поведение
1	м	3,2	4	2,8	3,3
	а	3	3,7	3,7	4
	ф	3,48	4,1	4,3	4,1
2	м	3	3,2	2,8	3,3
	а	3,2	3,1	3,2	3,5
	ф	3,6	3,2	3,5	3,2
3	м	3,4	2,5	2,5	2,6
	а	3,3	2,4	2,8	2,1
	ф	3,4	2,7	2,6	2,5

В первой группе респондентов с низкой интернет-активностью более 78% как девушек, так и юношей отмечают необходимость ухаживать за собой. При этом девушки борются за стройность, а юноши за накачанное тело. Отношение к одежде взвешенное, культя одежды нет, но необходимость выглядеть хорошо и чисто указывают все респонденты этой группы. Установка по отношению здорового образа жизни сформирована у всех респондентов. Нужно отметить, что респонденты указывают в качестве периода формирования таких установок — детство и подростковый возраст. Установки транслировались семьей и учителями. При этом анализ рода деятельности в Сети показал, что юноши с низким уровнем интернет-активности, как правило, используют интернет-пространство для общения (почта, сообщения), поиска информации. Девушки этой группы имеют один аккаунт, общение с которого оживляется перед сессией.

Во второй группе респондентов (с высокой интернет-активностью) отмечается решающая роль личности в формировании своего образа тела. Респонденты отмечают, что в подростковом возрасте их родители часто говорили им о том, что они сами должны выбирать какими быть — красивыми или уродливыми. В 47% случаев родители отмечали, что их дети либо портят свою внешность, издеваются над нею, либо, напротив, творят с нею чудеса. Как правило, взрослые устанавливали жёсткую причинно-следственную связь между красотой и высокой нравственностью, добрым характером. По отношению к одежде респонденты этой группы, как правило, предъявляют только требования удобства и чистоты. Более 40% респондентов данной группы иногда занимается спортом (плавание, теннис, бадминтон), 57% молодежи этой группы не собираются заниматься спортом вообще. Более 60% респондентов прибегало к помощи диет для похудения. Именно в этой группе стратификация по роду деятельности наиболее выражена: 66% юношей второй группы предпочитают игровую деятельность в Сети (стрелялки, бродилки, игры из глаз героя);

27% юношей — в основном заняты поиском информации просмотрам фильмом, 17% юношей — общаются в социальных сетях. В тоже время девушки заняты игровой деятельностью (игры симуляторы) — 17%, общение в социальных сетях — 72%, поиск информации, музыка, фильмы — 11%.

Третья группа респондентов (с чрезмерной интернет-активностью) в качестве установок отмечает неактуальность внешности. Источником таких установок молодежь указывает школу и университет, а возраст — 14–17 лет. Проявляют полное безразличие к телу, одежде, здоровью. Практически все юноши заняты игровой деятельностью — игры из глаз героя, девушки — общением в социальных сетях.

Анализ результатов исследования самооценки молодежи своего физического Я показал, что существуют достоверные различия по всем шкалам между респондентами групп с различной интернет-активностью: красивый-некрасивый ($\chi_{эмн}^2 = 89,123$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,01$), худой-толстый ($\chi_{эмн}^2 = 89,125$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,01$), высокий-низкий ($\chi_{эмн}^2 = 6,63$, $\chi_{крит}^2 = 6$, при $p = 0,05$), стройный-бесформенный ($\chi_{эмн}^2 = 83,852$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,01$), спортивный-неспортивный ($\chi_{эмн}^2 = 76,134$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,01$), модный — немодный ($\chi_{эмн}^2 = 91,118$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,01$), стильный — не стильный ($\chi_{эмн}^2 = 87,371$, $\chi_{крит}^2 = 9,5$, при $p = 0,01$).

Однако, исследование выявило достоверные различия у большинства испытуемых при сравнении самооценки себя в виртуальном пространстве и своего виртуального образа. При этом оценка виртуального образа была выше самооценки себя в реальном пространстве.

Исследование аффективной составляющей показало, что имеются достоверные отличия в оценке значимых деталей и удовлетворённости своей внешностью у респондентов выделенных групп, при $p=0,01$. Следует

отметить, что 89% первой группы выбрали в качестве наиболее значимых деталей волосы, кожу, пропорциональность фигуры, грудь, живот, длину ног, объем талии (девушки), соответствие социальной роли, ногти, верхняя часть руки.

В тоже время для респондентов второй группы наиболее значимыми были следующие детали внешности: волосы, глаза, лоб, рост, вес, форма ног, комфортность одежды.

Респонденты третьей группы акцентировали внимание на глазах, овале лица, передней контурной линии тела (профиль), индивидуальности стиля в одежде. Следует отметить, что гендерной или половой существенной разницы в выборах значимых характеристик не было.

Однако, удовлетворенность собственной внешностью имеет гендерные и половые различия. Так, респонденты первой группы больше внимания обращают на свою внешность, однако девушкам характерен более низкий уровень удовлетворенности по значимым параметрам, чем юношам этой же группы ($\chi_{эмп}^2 = 34,7$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$). Девушки, имеющие выраженную андрогинность, чаще не удовлетворены своей внешностью в отличии от маскулинных или феминных участниц. Маскулинные юноши имеют более высокие показатели удовлетворенности своей внешностью ($\chi_{эмп}^2 = 11,69$, $\chi_{крит}^2 = 6$, при $p = 0,05$), чем андрогинные и тем более феминные.

Как видно из таблицы 1, существуют достоверные различия между респондентами с разным гендером в рамках одной группы. При этом следует отметить существенность отличий между группами в оценке внешнего

облика в целом. Удовлетворенность своим виртуальным образом (аватаром) по всем группам была существенно выше, чем реальным образом.

Исследование корреляционных связей между реальным и виртуальным образом физического Я выявил значимые различия для второй и третьей групп респондентов между реальным и виртуальным рядом.

Исследование конативной составляющей физического Образа Я выявило, что респондентам присущи различные стратегии преобразования собственного тела. Так, респонденты первой группы готовы в реальном пространстве попробовать изменить свое тело. В то время как респонденты второй и третьей групп выбирают либо предположительное действие, либо отказываются от действия вовсе. Исследование возможных причин выбора адаптационных стратегий показало, что респондентам характерны следующие механизмы защиты: для первой группы — отрицание ($\chi_{эмп}^2 = 14,7$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$), регрессия ($\chi_{эмп}^2 = 11,17$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$), замещение ($\chi_{эмп}^2 = 24,2$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$); для второй группы — вытеснение ($\chi_{эмп}^2 = 16,7$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$), проекция ($\chi_{эмп}^2 = 41,1$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$), реактивное образование ($\chi_{эмп}^2 = 13,6$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$); в третьей группе — интеллектуализация ($\chi_{эмп}^2 = 17,3$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$), проекция ($\chi_{эмп}^2 = 12,9$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$), замещение ($\chi_{эмп}^2 = 23,21$, $\chi_{крит}^2 = 9,2$, при $p = 0,05$).

Вывод. Проведенное исследование показало, что у респондентов выделенных групп имеются отличия в представлениях о своем физическом Я: с повышением уровня интернет-активности наблюдается потеря интереса к собственному телу, весу, внешности, здоровью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазова С. Л. Теоретический анализ проблемы изучения образа тела как компонента «Я-концепции» личности / С. Л. Алмазова. — М.: Инфра-М, 2001. — 346 с.
2. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. — М.: РОСПЭН, 2004. — 336 с.
3. Каминская Н. А., Айламазян А. М. Исследования образа физического «Я» различных психологических школах. Национальный психологический журнал. — 2015. — № 3(19). — С. 45–55.
4. Клецина И. С. Теоретические основания психологии гендерных отношений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Психолого-педагогические науки (педагогика, психология, теория и методика обучения). — СПб., 2003. — № 3. — 471 с.
5. Лучинкина А. И. Особенности формирования виртуальной личности интернет-пользователя // Проблемы современного педагогического образования. — Ялта, 2015. — № 47–2. — С. 280–286.
6. Лучинкина А. И. Психологический анализ отклонений в процессе интернет-социализации личности // Гуманитарные науки. — Ялта, 2016. — № 1 (33). — С. 54–62.
7. Черкашина А. Г., Черкашин В. И. Образ физического Я в самоотношении девушек 17–18 лет // Психология телесности: теоретические и практические исследования. — Пенза, 2008. — С. 127–134.

© Сенченко Владимир Владимирович (senchenko_n.a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ

INFLUENCE OF THE EDUCATIONAL PROGRAM ON THE FORMATION OF SOME ASPECTS OF PROFESSIONAL ORIENTATION AT STUDENTS OF PEDAGOGICAL PROFILES

I. Fedekin

Summary. The article considers some ideas of modernization of the main professional educational programs (MPEP) for pedagogical education. The article presents the data obtained as a result of the implementation of practice-oriented MPEP, about the formation of professional pedagogical orientation of students of pedagogical profiles. On the basis of the carried-out comparison it is shown that when training in the new practice-oriented MPEP calculated for four years of training, formation of some aspects of professional orientation at students happens not worse, than at five years' training to use of the traditional program. The article raises the question of how the formation of professional orientation of students in training on traditional MPEP can be considered a "reference" for those students who were trained on the new practice-oriented MPEP.

Keywords: types of professional pedagogical orientation, practice-oriented educational program of training, formation of professional orientation, professional pedagogical communication.

Федекин Игорь Николаевич

К.псих.н., доцент, Набережночелнинский
государственный педагогический университет
ifedekin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые идеи модернизации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) для педагогического образования. В работе приводятся данные, полученные в результате реализации практикоориентированной ОПОП, о становлении профессиональной педагогической направленности студентов педагогических профилей подготовки. На основании проведенного сравнения показано, что при обучении по новым практикоориентированным ОПОП, рассчитанным на четыре года обучения, становление некоторых аспектов профессиональной направленности у студентов происходит не хуже, чем при пятилетнем обучении с использованием традиционной программы. В работе ставится вопрос о том, насколько становление профессиональной направленности студентов при обучении по традиционным ОПОП, можно считать «эталонным» для тех студентов, которые обучались по новым практикоориентированным ОПОП.

Ключевые слова: типы профессиональной педагогической направленности, практикоориентированная образовательная программа обучения, становление профессиональной направленности, профессиональное педагогическое общение.

Проблема становления профессиональной направленности у студентов педагогических ВУЗов в современных условиях профессионального образования становится все более актуальной. Современное педагогическое образование проходит этап модернизации. Поэтому растут требования к профессионализму и личности будущего педагога, к развитию его профессиональных компетенций.

В предлагаемой работе становление профессиональной направленности студентов педагогического профиля понимается как процесс развития и саморазвития профессиональных компетенций, решения педагогических задач в процессе обучения и прохождения практики. Такое становление является динамическим процессом складывания психологических свойств личности, проявляющихся в формировании интереса к педагогической деятельности, в овладении профессионально важными и социально значимыми качествами. Становление профессиональной направленности трак-

туется как количественное и качественное изменение психологических характеристик личности, связанных с выполнением ею различных действий в процессе профессиональной деятельности и обучения [1]. В данной статье автор предпринимает попытку выяснить влияние программ обучения на становление отдельных сторон профессиональной направленности у студентов педагогического ВУЗа.

Программы обучения в системе высшего образования стали меняться с 2014 года, когда Министерством образования и науки РФ была заявлена линия на модернизацию педагогического образования. В рамках данной модернизации, в частности, был и проект «Усиление практической направленности подготовки будущих педагогов в программах бакалавриата в рамках укрупненной группы специальностей «Образование и педагогика» по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование» (Учитель начальных классов) на основе организации сетевого взаимодействия об-

разовательных организаций, реализующих программы высшего образования и начального общего образования».

В рамках этого проекта была разработана и начала реализовываться основная профессиональная образовательная программа (далее — ОПОП) по подготовке учителей, владеющих методикам развивающего обучения, в том числе и методикой Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова [2].

Разработанный проект образовательной программы представлен на сайте ФУМО [8]. Основные идеи модернизации ОПОП состояли в следующем:

А. Усиление практической направленности подготовки будущих педагогов начальных классов.

Для усиления практикоориентированного характера обучения было увеличено количество времени, отводимого в ОПОП на прохождение учебных и производственных практик до 30 недель. Прохождение практики в школе начиналось с первого семестра обучения. Новая программа обучения предусматривала проведение в каждом их восьми семестров того или иного вида практики.

При традиционной же программе обучения количество недель практики в ОПОП не превышает 20 недель за весь период обучения, а сама практика начинается, чаще всего, с четвертого-пятого семестра обучения. Кроме того, раньше не всегда удавалось сделать так, чтобы практика проводилась в каждом семестре даже после второго курса обучения.

Таким образом, была усилена «деятельностная» составляющая профессиональной подготовки будущих учителей начальных классов. Изменились, в том числе, программы практики (ориентация на формирование профессиональных компетенций) и оценивание результатов прохождения практики студентов. Результаты прохождения практики стали оцениваться с точки зрения формируемых компетенций.

Ход апробации программ практики в Набережночелнинском госпедуниверситете (далее — НГПУ) представлен в статье И. М. Захаровой [3].

Б. Организация сетевого взаимодействия со школами в целях реализации ОПОП.

Новый подход к обучению потребовал и нового подхода к организации взаимодействия со школами. Для реализации целей обучения были сформулированы новые критерия выбора школ в качестве базы практики сту-

дентов, основными из которых стали наличие образовательных программ деятельностного типа и опыт школы и конкретных педагогов в реализации ФГОС НОО.

Школьные педагоги принимали участие в разработке программ практики и привлекались для оценки формируемых компетенций и результатов прохождения практики.

В. Ориентация программы обучения на трудовые действия, предусмотренные в профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель)», рассмотрение этих трудовых действий в качестве компетенций, формируемых в ходе обучения бакалавров [6].

Г. Применение модульного принципа построения ОПОП. Более подробно вопрос о конструировании учебного модуля обсуждается в статье А. А. Марголиса [5].

Исследование проводилось с сентября 2014 года по июнь 2018 года в форме лонгитюда. Становление некоторых сторон профессиональной направленности изучалось с помощью методики «Метод экспресс-диагностики педагогической направленности учителя» (МЭДПНАУ) [4]. Опросы по данной методике проходили регулярно, не менее одного раза в семестр, а в первый год исследования — два раза за семестр.

В исследовании, проведенном в НГПУ, приняли участие 3 студенческие группы очной формы обучения, обучавшихся по профилям начального образования (учителя начальных классов):

- ◆ экспериментальная группа, в количестве 14 человек, все — девушки, обучалась по экспериментальной образовательной программе [7], в которой были воплощены все указанные выше идеи модернизации ОПОП с усилением практикоориентированного характера обучения. Срок обучения этой группы составлял 4 года, в течение этого времени и осуществлялся лонгитюд;
- ◆ контрольная группа № 1, в количестве 24 человек, все — девушки, обучалась по традиционной образовательной программе. Студенты этой группы были ровесниками девушек из экспериментальной группы и поступили в ВУЗ одновременно со студентами экспериментальной группы. Контрольная группа № 1 позволяла проверить гипотезу о том, что новая практикоориентированная программа обучения позволяет сформировать некоторые аспекты профессиональной направленности у студентов экспериментальной группы лучше, чем у их сверстников при пятилетнем обучении с использованием традиционной

Таблица 1. Тип педагогической направленности, кол-во чел-к,%

Тип педагогической направленности личности	Начало исследования, октябрь 2014		Окончание исследования, май 2018	
	Количество студентов	Процент студентов (%)	Количество студентов	Процент студентов (%)
Экспериментальная группа				
Коммуникатор	0	0	1	7
Организатор	1	7	1	7
Предметник	2	14	1	7
Интеллигент	7	50	5	36
Смешанный тип направленности	4	29	6	43
Контрольная группа № 1				
Коммуникатор	0	0	7	29
Организатор	2	8	0	0
Предметник	3	13	4	17
Интеллигент	14	58	4	17
Смешанный тип направленности	5	21	9	37
Контрольная группа № 2				
Коммуникатор	2	7	2	7
Организатор	3	11	2	7
Предметник	4	14	2	7
Интеллигент	6	21	11	39,5
Смешанный тип направленности	13	47	11	39,5

Таблица 2. Тип направленности на профессиональное общение, кол-во чел-к,%

Тип педагогической направленности личности	Начало исследования, октябрь 2014		Окончание исследования, май 2018	
	Количество студентов	Процент студентов (%)	Количество студентов	Процент студентов (%)
Экспериментальная группа				
Результативный аспект	3	21	0	0
Процессуальный аспект	4	29	5	36
Направленность общения одинаково выражена как на результативный аспект, так и на процессуальный	7	50	9	64
Контрольная группа № 1				
Результативный аспект	9	37	2	8
Процессуальный аспект	4	17	20	84
Направленность общения одинаково выражена как на результативный аспект, так и на процессуальный	11	46	2	8
Контрольная группа № 2				
Результативный аспект	15	54	5	18
Процессуальный аспект	9	32	14	50
Направленность общения одинаково выражена как на результативный аспект, так и на процессуальный	4	14	9	32

Таблица 3. Значения критерия согласия Пирсона χ^2

Сравниваемые группы	Эмпирическое значение критерия χ^2	Значимость различий при $p \leq 0,05$
Начало исследования, октябрь 2014, тип педагогической направленности		
Экспериментальная группа и контрольная группа № 1	7,61	Нет различий
Экспериментальная группа и контрольная группа № 2	19,76	Есть различия
Контрольная группа № 1 и контрольная группа № 2	10,19	Есть различия
Начало исследования, октябрь 2014, тип направленности на профессиональное общение		
Экспериментальная группа и контрольная группа № 1	1,35	Нет различий
Экспериментальная группа и контрольная группа № 2	6,83	Есть различия
Контрольная группа № 1 и контрольная группа № 2	6,42	Есть различия
Окончание исследования, май 2018, тип педагогической направленности		
Экспериментальная группа и контрольная группа № 1	14,44	Есть различия
Экспериментальная группа и контрольная группа № 2	14,08	Есть различия
Контрольная группа № 1 и контрольная группа № 2	9,99	Есть различия
Окончание исследования, май 2018, тип направленности на профессиональное общение		
Экспериментальная группа и контрольная группа № 1	13,78	Есть различия
Экспериментальная группа и контрольная группа № 2	5,17	Нет различий
Контрольная группа № 1 и контрольная группа № 2	6,53	Есть различия

программы. Поскольку контрольная группа № 1 училась по программам двухпрофильного бакалавриата, то к моменту окончания исследования студентам этой группы оставалось еще учиться один год;

- ♦ контрольная группа № 2, в количестве 28 человек, все — девушки, обучались по частично измененной образовательной программе. В программу подготовки студентов контрольной группы № 2 на третьем году обучения были включены два модуля из модели практико-ориентированной подготовки педагогических кадров, и практика в образовательных организациях началась со второго года обучения. Эта контрольная группа выступила в качестве некоего эталона сформированности педагогической направленности относительно экспериментальной группы и позволяла проверить предположение об изолированном влиянии практики на становление профессиональной направленности у студентов.

Группа участвовала в исследовании со второго года обучения, то есть, студенты этой группы были на год старше студентов экспериментальной группы. Эта группа, также как и контрольная группа № 1, училась по программам двухпрофильного бакалавриата, поэтому закончила ВУЗ одновременно со студентами экспериментальной группы.

В качестве статистического критерия в исследовании применялся критерий согласия Пирсона χ^2 . Метод позволяет оценить статистическую значимость различий двух или нескольких качественных показателей.

В работе приводятся только основные результаты исследования, без рассмотрения динамики становления профессиональной направленности у студентов и без анализа данных промежуточных срезов. Приводятся данные лишь на начало исследования, сентябрь 2014 года, и данные, полученные в конце исследования, в мае 2018 года.

Данные диагностики по «Методу экспресс-диагностики педагогической направленности учителя» приведены в таблицах 1 и 2.

Значения критерия согласия Пирсона χ^2 приведены в таблице 3, что позволяет проверить исходные предположения этого исследования.

Данные, приведенные в таблицах 1 и 2, показывают, что экспериментальная группа и контрольная группа № 1 по показателям методики МЭДПНАУ статистически значимо не отличаются друг от друга в начале исследования. Студенты этих двух групп только что окончили школу и вместе начали обучаться педагогической профессии.

Показатели этих двух групп статистически значимо отличаются от показателей контрольной группы № 2, студенты в этой группе отучились в ВУЗе один год. В контрольной группе № 2 чуть меньше половины группы представлено студентами смешенного или полинаправленного типа, что, наверное, лучше соответствует характеристике учителя начальных классов. В экспериментальной группе и контрольной группе № 1 не меньше половины студентов показали направленность на про-

светительство, высокий интеллект, духовные ценности (тип — интеллигент).

Различаются в этих группах и тип направленности на профессиональное общение. В экспериментальной группе и контрольной группе № 1 преобладающим является смешенный тип, когда направленность общения одинаково выражена как на результативный аспект, так и на процессуальный аспект общения. В обеих группах таких студентов оказалось около половины.

В момент окончания исследования можно наблюдать уже иные результаты. Так, что касается типа направленности на профессиональное общение, то в конце исследования показатели экспериментальной группы и контрольной группы № 2 (выступавшей как «эталонная») статистически значимо не различаются. В обеих этих группах большее число студентов продемонстрировали направленность общения на процессуальный аспект или же преобладающим является смешенный тип, когда направленность общения одинаково выражена как на результативный аспект, так и на процессуальный аспект общения. Студенты обеих этих групп заканчивали обучение, и вскоре им предстояло заниматься профессиональной педагогической деятельностью.

Студенты контрольной группы № 1 по типу направленности на профессиональное общение статистически значимо отличались от предыдущих двух групп. У них решительно преобладал один тип направленности на процессуальный аспект педагогического общения — 84%, хотя студенты этой группы, также как и студенты экспериментальной группы, к моменту окончания исследования проучились в ВУЗе четыре года.

Что касается типа педагогической направленности, то к моменту окончания обучения показатели всех трех групп статистически значимо отличались друг от друга, становление педагогической направленности в каждой группе пошло своим путем.

Так, в контрольной группе № 2 («эталонной») было зафиксировано, что примерно по 40% группы составляют студенты смешенного или полинаправленного типа и студенты с направленностью на просветительство, высокий интеллект, духовные ценности (тип — интеллигент).

В экспериментальной группе ситуация оказалось похожей: оба эти типа направленности также зафиксированы почти у 80% членов группы. Студентов с направленностью на просветительство, высокий интеллект, духовные ценности (тип — интеллигент) оказалось чуть меньше — 36%. Несмотря на столь небольшую разницу в процентах, проверка по критерию согласия Пирсона χ^2

показывает, что результаты экспериментальной группы и контрольной группы № 2 статистически значимо различаются.

Объяснить этот результат можно и тем, что группы учились по различающимся программам. Поэтому рассматривать контрольную группу № 2 как «эталонную» для экспериментальной группы лишь по причине того, что группа № 2 училась на год старше, может быть и не совсем верно. Студенты, обучавшиеся по разным ОПОП, в конце обучения дали различающиеся результаты. Хотя, при этом, можно заметить, что становление педагогической направленности в этих группах идет в одном направлении, но с разной скоростью.

В контрольной группе № 1 при окончании исследования преобладали студенты смешенного или полинаправленного типа и с направленностью на коммуникацию, общение (коммуникатор). Достаточно большое число студентов с направленностью на общение (коммуникаторов) объясняет, почему в этой контрольной группе № 1 при окончании исследования было так много студентов с направленностью на процессуальный аспект педагогического общения.

Исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. При обучении по новым практикоориентированным ОПОП, рассчитанным на четыре года обучения, становление некоторых аспектов профессиональной направленности у студентов происходит не хуже, чем при пятилетнем обучении с использованием традиционной программы, прежде всего по типу направленности профессионального педагогического общения.
2. Становление профессиональной направленности по новым практикоориентированным ОПОП, рассчитанным на четыре года обучения, происходит, в целом, в направлении таких же типов, что и при пятилетнем обучении с использованием традиционной программы.
3. Новые практикоориентированные ОПОП, рассчитанные на четыре года обучения, нельзя рассматривать как программы, в которых, по сравнению с традиционными, лишь большее время обучения отводится практике. Новые программы имеют принципиально иную (модульную) структуру обучения и новые результаты обучения (формирование компетенций и трудовых действий, предусмотренным профессиональным стандартом педагога). Поэтому становление профессиональной направленности у студентов, обучавшихся по таким программам, может приводить и к иным результатам, нежели при обучении по традиционным программам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмеология: Учебник. 2-е изд., перераб. / Под общ. ред. А. А. Деркача. М.: Изд-во РАГС, 2006. 424 с.
2. Болотов В. А., Рубцов В. В., Фрумид И. Д., Марголис А. А., Каспржак А. Г., Сафронова М. А., Калашников С. П. Информационно-аналитические материалы по итогам первого этапа проекта «Модернизация педагогического образования» // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 5. С. 13–28.
3. Захарова И. М. Опыт организации практики студентов бакалавриата по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование» (Учитель начальных классов) // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7. № 4. С. 32–41.
4. Кореляков Ю. А. Методика экспресс-диагностики педагогической направленности учителя (МЭДПНАУ) // Психологическая наука и образование. 1997. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyedu/1997/n2/Korelyakov.shtml> (дата обращения: 04.08.2019).
5. Марголис А. А. Модели подготовки педагогов в рамках программ прикладного бакалавриата и педагогической магистратуры // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 5. С. 45–64.
6. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [электронный ресурс] / Министерство труда и социальной защиты РФ. Документы. Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/129> (дата обращения: 04.08.2019).
7. Примерная основная образовательная программа. Направление подготовки (специальность) 44.03.02 Психолого-педагогическое образование. Направленность (профиль) «Педагог начального общего образования». Уровень высшего образования бакалавриат. Разработчик ПООП: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» [электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.wixstatic.com/ugd/92ed0b_0d40a9b26caf450b83e94288f7a62367.pdf (дата обращения: 04.08.2019).
8. Списки ПООП. Сайт ФУМО ВО «Образование и педагогические науки» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fumoped.ru/kopiya-primernye-ooop> (дата обращения: 04.08.2019).

© Федекин Игорь Николаевич (ifedekin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Набережные Челны

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РОЖДЕНИЯ НА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА СПОРТСМЕНОВ

INFLUENCE OF FEATURES OF BIRTH ON STRESS RESISTANCE AND EMOTIONAL-VOLITIONAL QUALITIES OF ATHLETES

**I. Shemet
S. Shemet
V. Parfentiev**

Summary. The article presents the results of many years of research by the authors that the type of childbirth (timely natural childbirth, rapid or prolonged birth, cesarean section, etc.) significantly affects the volitional qualities of the personality and the effectiveness of sports activities. Among athletes of the highest qualification, people with a certain type of birth prevail (timely natural childbirth), and, conversely, in the process of a sports career, people with other types of birth drop out (prolonged birth and cesarean section). Thus, the type of birth is, previously unknown, a factor of natural selection in sport. In our research, we tested a method of psychological correction of the consequences of an adverse birth, the use of which allows us to significantly increase the athlete's volitional and motivational qualities. These researches open up fundamentally new approaches and prospects, both to sports selection and to sports training, allowing taking into account the type of birth when choosing one or another exercise for a particular athlete.

Keywords: stress, resistance to stress, birth, type of birth, emotional and volitional qualities, sports activities, sport.

Шемет Ирина Сергеевна

Д.псих.н., АНО ВПО "Национальный Институт имени
Екатерины Великой" г. Москва
irashemet@yandex.ru

Шемет Софья Сергеевна

Аспирант, Московский Государственный
Педагогический Университет, г. Москва
shemet-sofya@yandex.ru

Парфентьев Владимир Иванович

Аспирант, Российский Государственный
Университет Физической Культуры, Спорта, Молодежи
и Туризма, г. Москва
viper7784@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты многолетних исследований авторов о том, что тип рождения ребенка (своевременные естественные роды, стремительные либо затяжные роды, кесарево сечение и др.) существенно влияет на волевые качества личности и успешность спортивной деятельности. Среди спортсменов высшей квалификации преобладают люди с определенным типом рождения (своевременные естественные роды, продолжительностью от 3-х до 12 часов), и, наоборот, в процессе спортивной карьеры отсеиваются люди с другими типами рождения (затяжные роды, сложные роды и оперативные роды). Таким образом, тип рождения является, неизвестным ранее, фактором естественного отбора в спорте. В наших исследованиях апробирована методика психологической коррекции последствий неблагоприятного рождения, применение которой позволяет существенно повысить волевые и мотивационные качества спортсмена. Данные исследования открывают принципиально новые подходы и перспективы, как к спортивному отбору, так и к спортивной тренировке, позволяющие учитывать тип рождения при выборе тех или иных упражнений для конкретного спортсмена.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, рождение, тип рождения эмоционально-волевые качества, спортивная деятельность, спорт.

Цель данного исследования состоит в выявлении связи между особенностями рождения и волевыми качествами спортсменов.

Задачи исследования:

1. Проанализировать формирование связи между особенностями рождения и эмоционально-волевыми качествами в онтогенезе.
2. Провести констатирующий эксперимент.

3. Разработать методику коррекции негативного влияния особенностей рождения на эмоционально-волевые качества спортсменов.

Научной новизной данного исследования является рассмотрение особенностей рождения как фактора, связанного со стрессоустойчивостью и эмоционально-волевыми качествами спортсменов. Обнаружение такой связи имеет как предсказательную, так и психокоррек-

ционную ценность. Учет этого фактора позволит достичь максимальных спортивных достижений конкретному человеку.

Стресс как адаптация организма

Любой живой организм живет в постоянно изменяющихся стрессогенных условиях внешней среды. С целью поддержания гомеостаза внутренней среды организмом используются адаптивные реакции. Адаптивные реакции человека могут быть как непосредственными (физиологическими), так и опосредованными психической деятельностью (стратегии совладания со стрессом, эмоционально-волевая регуляция). Успешность адаптивных реакций (стрессоустойчивость) человека зависит множества факторов, недостаточно изученных в настоящий момент.

Г. Селье [1] ввел определение стресса как неспецифической реакции организма на предъявляемые ему требования. Эта реакция является адаптационной и в процессе приспособления к изменившимся условиям среды при длительном действии стрессора организм проходит через три стадии: 1) мобилизацию или стадию тревоги, 2) сбалансированное расходование адаптационных резервов или стадия резистентности, 3) дисбаланс или стадия истощения. В соответствии с психологической концепцией, развившейся на основе теории Г. Селье, ответ организма на воздействие стрессора опосредован множеством факторов, в том числе психологической значимостью стрессора. Существует множество работ и направлений, исследующих совладающее поведение взрослых людей. Но психологические исследования не придают достаточного значения роли раннего онтогенеза (перинатального периода развития) в возникновении таких особенностей как стрессоустойчивость и эмоционально-волевые качества человека.

Формирование стрессоустойчивости в онтогенезе

Как показано в физиологических исследованиях, в третьем триместре беременности и в родах происходит постепенная адаптация аппарата кровообращения к гипоксии. Ю. В. Трусов [2] выделяет следующие стадии этого процесса: аварийной, переходной и устойчивой адаптации. Если действие стрессора (гипоксия) продолжается, то наступает стадия изнашивания, сопровождающаяся функциональной недостаточностью сердца. Такие реакции адаптации к гипоксии формируются на основе филогенетически сформированных физиологических механизмов. Последовательность стадий мож-

но рассматривать как частный случай описанных Г. Селье стадий физиологической реакции на воздействие стрессора.

Исследования Института перинатальной психологии и психологии репродуктивной сферы позволяют сделать вывод, что стрессоустойчивость формируется внутриутробно, и одним из важнейших периодов в ее формировании является процесс родов. Г. Г. Филиппова [3] описывает кривую стрессоустойчивости плода. Стрессоустойчивость плода формируется на основе гипоксической тренировки — постепенного увеличения периодов гипоксии и укорочения временных промежутков между такими периодами в процессе родов. Такие краткосрочные периоды гипоксии имеют место на протяжении отдельной схватки. В случае, если период гипоксии остается в рамках стадий аварийной, переходной или устойчивой адаптации, то организм ребенка получает положительное подкрепление по окончании схватки и на основе этого формируется высокая стрессоустойчивость. Таким образом, стрессоустойчивость оказывается сформированной уже к моменту рождения ребенка.

Стресс в спортивной деятельности

При осуществлении спортивной деятельности действуют сразу несколько типов стрессоров. По классификации С. А. Разумова [4] соревнования, а также сам процесс подготовки к спортивным состязаниям, относятся к стрессорам оценок, а сама интенсивная спортивная деятельность, сопровождаемая мышечными нагрузками и возможными травмами, относится к физическим стрессорам. Это традиционно позволяет относить спортивную деятельность (как тренировочный, так и соревновательный её аспекты) к категории стрессогенных.

Кроме того, человек, осознанно занимающийся спортивной деятельностью, сознательно преодолевает трудности. Как отмечает А. Н. Поддьяков, «столкновение с преднамеренно созданными трудностями — это стресс особого рода. Он может повергать в шок, парализовать волю и деятельность, но может играть и сильнейшую мобилизующую роль.» [5]. Спортивная деятельность является ярким примером преднамеренно созданных трудностей (как индивидуального — преодоления ограничений тела, так и создаваемой в процессе обучения средой). В таком случае, важнейшей задачей становится прогноз влияния (мобилизующего или парализующего) на человека этого вида стресса.

Вместе с тем, как отмечается в некоторых исследованиях (С. Е. Павлов и Т. Н. Кузнецова [6], Д. Каунсилмен, Л. Д. Гиссен [7]) у здоровых спортсменов даже в условиях высоких физических и эмоциональных нагрузок

крайне редко обнаруживаются признаки физиологических стрессовых реакций. Как отмечают С.Е. Павлов и Т.Н. Кузнецова, к началу соревнований у пловцов достигается состояние повышенной активации, которое расценивается авторами как позитивная адаптационная реакция на стресс, позволяющая достигать максимально высоких результатов.

Возникает несоответствие между потенциальной стрессогенностью деятельности и отсутствием стрессовых реакций у спортсменов. Спортивная деятельность, с одной стороны, является очевидно стрессогенным фактором, но с другой стороны, влияние этого фактора на конкретного индивида сложно предсказать. Это кажущееся противоречие легко разрешается, если обратить внимание на фактор спонтанного отсева в процессе обучения юных спортсменов. В спорт высших достижений проходят те спортсмены, стрессоустойчивость и эмоционально-волевые качества которых позволяют оставаться на уровне активации, не выходя в область патологических реакций на стресс. Так как экспериментальной выборкой для исследования С.Е. Павлова и Т.Н. Кузнецовой были выбраны юноши и девушки 17–20 лет, можно предположить, что спортсмены этого возраста уже прошли «отбор» такого рода.

Так как мы знаем, что стрессоустойчивость как основа эмоционально-волевых качеств, закладывается еще в перинатальный период развития человека, можно предположить, что особенности рождения будут оказывать влияние на эффективность осуществления спортивной деятельности.

Констатирующий эксперимент

С целью исследования этой гипотезы нами было проведено исследование взаимосвязи условий рождения с эмоционально-волевыми качествами спортсменов. В исследовании приняли участие 250 спортсменов, возраст испытуемых составил от 14 до 35 лет (средний возраст 23,5 лет).

Испытуемым предлагался опросник М.В. Чумакова для диагностики волевых качеств личности (ВКЛ) и методика исследования ситуативной и личностной тревожности (СТ-ЛТ) Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина. Матерям испытуемых предлагалась специально разработанная перинатальная анкета (автор Шемет И.С.), включающая 30 вопросов, касающихся особенностей рождения испытуемых: вес при рождении, продолжительность родов, способ родовспоможения, наличие осложнений и др. В результате исследования выявлено, что особенности перинатального развития влияют на волевые качества, и уровень тревожности спортсменов.

Из этого положения следуют два практических следствия:

1. С целью повышения уровня спортивных достижений необходимо проводить психологическую коррекцию негативного влияния особенностей рождения на эмоционально-волевые качества спортсменов.
2. В спорте высших достижений необходимо введение специальных методик диагностики условий рождения с целью более точного прогноза дальнейшего уровня достижений юных спортсменов.

Представленные результаты дополняют полученные нами в последующих исследованиях данные о взаимосвязи рождения с успешностью спортивной деятельности на выборке 680 спортсменов различных видов спорта. В работах Парфентьева В.И. [8] выявлены следующие закономерности:

1. Нормальные роды являются фактором естественного спортивного отбора, благоприятным для спортивной деятельности. Это подтверждено статистически значимой динамикой прироста количества спортсменов, родившихся нормальным естественным путём в процессе спортивной карьеры. У спортсменов без разряда доля естественного рожденных в выборке составляет 47%, у спортсменов, имеющих спортивную квалификацию, она составляет 60%, а у спортсменов, имеющих спортивные звания (МС, МСМК и ЗМС) уже 67%. Данная закономерность не имеет половых различий и не зависит от вида спорта.
2. В процессе спортивной карьеры отсеиваются спортсмены, рождённые при помощи кесарева сечения, недоношенные, переношенные, в процессе сложных родов с обвитием пуповиной, ягодичным предлежанием, с выдавливанием. Недоношенные дети отсеиваются на этапе получения спортивного разряда (юношеский, взрослый, КМС), их количество сокращается в выборке с 21% до 7%, а на стадии получения спортивного звания (МС, МСМК, ЗМС), их доля сокращается с 7% до 2%. Спортсмены, рождённые переношенными, полностью отсеиваются на стадии перехода к получению спортивного звания.
3. У спортсменов, рожденных естественным путем без осложнений, более развиты волевые качества в целом, а особенно ответственность, решительность, инициативность, выдержка, настойчивость, энергичность, внимательность и целеустремлённость. Это различие статистически значимо. Данная закономерность не зависит от спортивной квалификации и вида спорта.

Шемет С.С. [9] провела четырехлетнее лонгитюдное исследование группы футболистов 12–17 лет, ориенти-

рованных на профессиональную футбольную карьеру. Исследование показало, что за четыре года эксперимента в команде полностью изменилась структура натальных типов футболистов:

- ◆ в начале проведения исследования (2009 г.) футболистов, имеющих в анамнезе естественные нормальные роды, продолжительностью 4–12 часов, было 52%, а через 4 года (2012 год) их стало 88%.
- ◆ за время проведения эксперимента из команды полностью выбыли спортсмены, рожденные оперативным путем, а также имеющие затяжные и осложненные роды.

Эмпирические исследования Шемет С.С. [9] показали, что люди, имеющие различный способ рождения (натальный тип), отличаются по различным психологическим характеристикам. Это позволило ввести понятие «натальный психотип» и определить его как совокупность психологических особенностей индивида, детерминированных типом рождения. Психодиагностическое исследование различных натальных типов у футболистов показало, что у естественно рождённых футболистов, по сравнению с другими натальными типами, более развиты волевые качества, а именно: инициативность, самостоятельность, целеустремлённость, настойчивость, и это подтверждается статистически. Также у этих испытуемых значимо выше уровень субъективного контроля, по сравнению с футболистами других типов рождения.

Методика психологической коррекции

Существует несколько способов классификации реакций на стресс, среди психологов наиболее известным является разделение их на физиологические, поведенческие, эмоциональные и интеллектуальные проявления стресса. Поведенческие, эмоциональные и интеллектуальные факторы поддаются психологической коррекции.

В соответствии с этой классификацией и полученными нами экспериментальными данными [10], нами была разработана комплексная методика коррекционной работы по преодолению негативного влияния условий рождения на эмоционально-волевые качества спортсменов:

1. Методика включает в себя упражнения, направленные на весь комплекс психических проявлений: интеллектуальную, эмоциональную и поведенческую сферу и составляет концептуальное единство.
2. Каждая из сфер прорабатывается в соответствии с последовательностью перинатальных матриц,

в конце выполнения упражнений фиксируется положительное активное состояние.

3. Упражнения, направленные на коррекцию эмоциональной сферы включают в себя дыхательные техники, катарсические и творческие техники.
4. Упражнения, направленные на коррекцию поведенческой сферы включают в себя создание специальных условия для игровой проработки процесса рождения, телесно-ориентированные психотехники.
5. Упражнения, направленные на коррекцию интеллектуальной сферы включают в себя анализ и обсуждение возникающих или потенциальных конфликтных ситуаций и формирование установок на их активное преодоление.

Данная методика была апробирована в 2010 году на двух группах спортсменов-футболистов: группе 12–14 лет (29 человек) и группе взрослых от 19 до 27 лет (22 человека). В результате у спортсменов значимо возросла мотивация к игровому взаимодействию и победе в игре. Полученные результаты позволяют считать данную апробацию успешной, а предложенную методику эффективной для преодоления пассивности у спортсменов.

Выводы

Важнейшие для формирования стрессоустойчивости процессы происходят в момент рождения ребенка. Именно в этот период закладывается основа для дальнейшего эффективного развития эмоционально-волевых качеств. Проведенный констатирующий эксперимент позволил зафиксировать связь эмоционально-волевых качеств спортсменов с особенностями их рождения. На основе этого разработана методика коррекции негативного влияния особенностей рождения на эмоционально-волевые качества спортсменов. Апробация методики доказала ее эффективность.

С целью повышения эффективности спортивного отбора и тренировки целесообразно введение в практику спортивной подготовки стандартизованного опросника И.С. Шемет, выявляющего значимые особенности рождения, а также разработанные нами методики психологической коррекции последствий рождения.

Данные исследования открывают принципиально новые подходы и перспективы как к спортивному отбору, так и к спортивной тренировке, позволяющие учитывать способ рождения при выборе тех или иных упражнений для конкретного спортсмена. Подобные исследования не проводились ранее ни в России, ни за рубежом, и являются уникальными и инновационными как для психологии, так и для теории и методики физического воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селье Г. Стресс без дистресса. М., Прогресс, 1979
2. Трусов Ю. В. Функциональные состояния плода. — М., 2003.
3. Филиппова Г. Г. Формирование стрессоустойчивости плода. // Методические материалы к обучающему курсу «Основы перинатальной психологии». М.: Институт перинатальной психологии и психологии репродуктивной сферы, 2009
4. Разумов С. А. Эмоциональные реакции и эмоциональный стресс // Эмоциональный стресс в условиях нормы и патологии человека. — Л., 1976. С. 5–32.
5. Поддъяков А. Н. Типы преднамеренного создания трудностей и совладание с ними. // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы — М., 2008 — С. 97–112
6. Павлов С. Е., Кузнецова Т. Н. Адаптация и стресс в спорте // Актуальные вопросы медицинской реабилитации в современных условиях — М., 1999 — С. 307–312.
7. Гиссен Л. Д. Время стрессов. Обоснование и практические результаты психопрофилактической работы в спортивных командах. М.: Физкультура и спорт, 1990
8. Парфентьев, В. И. Исследование взаимосвязи типа рождения и успешности спортивной деятельности [Электронный ресурс] / В. И. Парфентьев // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 6 (часть 2). — С. 470–473. — Электрон. дан. — Режим доступа: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10000745
9. Шемет, С. С. Лонгитюдное исследование взаимосвязи натального психотипа и успешности спортивной деятельности [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 5–4. — С. 865–871; (0,5 п.л.). — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34013>
10. Парфентьев В. И., Шемет С. С., Шемет И. С. Влияние особенностей перинатального развития на личностные качества юных спортсменов. //Материалы VI Международной научной конференции Психологов физической культуры и спорта «Рудиковские чтения». М., 2010

© Шемет Ирина Сергеевна (irashemet@yandex.ru),

Шемет Софья Сергеевна (shemet-sofya@yandex.ru), Парфентьев Владимир Иванович (viper7784@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский Государственный Педагогический Университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ГЕНДЕРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

COMPARATIVE ANALYSIS OF GENDER IDENTITY AND GENDER MENTALITY

G. Galmagova

Summary. The article presents a comparative analysis of the concepts of "gender identity" and "gender mentality". It is revealed that the concept of "gender identity" is more relevant to the subject sociocultural reality and more precisely in content, this concept is more developed in connection with modern science, while the concept of "gender mentality" is a relatively new and not yet sufficiently developed in scientific terms concept. Therefore, studies in which the analysis of this concept would be presented are not so often found in modern literature. The relevance of the study is determined by the need to consider differences regarding the depth of the conceptual development of the concept of "gender mentality" and "gender identity". Thus, the purpose of the work is the disclosure of the content (features) of the definitions of the categories of "gender identity" and "gender mentality".

Keywords: Identity, gender, gender identity, mentality, gender mentality, comparative analysis.

Галмагова Гезаль Мамедрасуловна

*Аспирант, Томский государственный архитектурно-строительный университет
g.m.gm@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ понятий «гендерная идентичность» и «гендерная ментальность». Выявлено, что понятие «гендерной идентичности» более релевантное тематизируемой социокультурной реальности и более точно по содержанию, данное понятие является более разработанным в связи современной науке, в то время как понятие «гендерной ментальности» является относительно новым и еще недостаточно разработанным в научном плане понятием. Поэтому исследования, в которых был бы представлен анализ данного концепта, не так часто можно обнаружить в современной литературе. Актуальность исследования определяется потребностью рассмотреть различия относительно глубины концептуальной проработки понятия «гендерная ментальность» и «гендерная идентичность». Таким образом, целью работы становится раскрытие содержания (особенностей) дефиниций категории «гендерной идентичности» и «гендерной ментальности».

Ключевые слова: Идентичность, гендер, гендерная идентичность, ментальность, гендерная ментальность, сравнительный анализ.

В контексте обсуждения вопроса факторов в развитии человека является необходимым обратиться к такому признаку формирования личности как «гендерная идентичность» и «гендерная ментальность». При рассмотрении категории идентичности мы можем увидеть конструкции взаимосвязи относительной внутриличностной и социокультурной обусловленностью действий социального взаимодействия, социального выбора, осознать парадоксальность коллективных и индивидуальных основ в человеке. Абсолютно обоснованно понятие идентичности, все больше заменяет собою наиболее классические термины как концепция Я, образ «Я», self, самости [6].

Гендерный аспект обсуждения включает в себя новаторский и, общенаучный и философский дискурс, соответствующий процессам модернизации и постмодернизации в глобализирующемся обществе [13].

Сегодняшняя идеология гендера следом за постмодернистскими теоретиками динамично включена в процесс оказания помощи «телу», стремится узнать значимость телесности в производстве концепции знания. Типичный субъект уступает место физическому, создание которого осуществляется в концепциях «психиче-

ской телесности», «социального тела», тела как участка общественно-политических, культурных установлений, тела как участка применения власти. Связь тела и власти становится главной задачей постмодернистской философии [9].

Таким образом, М. Фуко один из первых смог выделить тот случай, что именно тело оказалось базисным полем борьбы за преобладание разных императивных структур, всевозможных социальных и духовных сил [9].

Проблематизируя понятие субъектности гендера, гендерной идентичности, Р. Брайдотти рекомендует анализировать изменяющийся женскую идентичность «по ту сторону» непосредственных или завуалированных конфигураций доминации и насилия [9].

Таким образом, с помощью идей непостоянности субъекта и поливариативности его осуществления и проявления в социуме гендерная философия объективирует как что-то никак не приводимое к структуре или функции, носящую обрывочный характер, балансирующую среди различных полярностей женского и мужского, а кроме того разных расовых и классовых идентичностей [9].

Прежде неразрешенные попытки переопределения субъективности в русле гендерной методологии были выполнены в рамках перформативной концепции Д. Батлер. Деконструкция субъективности осуществляется на базе деконструкции самого определения «гендер»: скептически рассматриваются его обусловленность императивными отношениями и придается характер многообразия самой дефиниции гендера. Д. Батлер предлагает не соглашаться с иерархизацией понятий. С ее точки зрения, неприемлемо разделять категории на дискурсивные (гендер) и преддискурсивные (пол) либо же на «социальное» и «природное». Биологический подразумевается ею включенным в социокультурный пол-гендер, никак не имеющимся за пределами культурных маркеров. Самоидентификация согласно Д. Батлер сопряжена не с сутью, а с действием, что носит первоначально лишь подражательный вид. Отсюда вопрос идентичности — это вопрос непрерывного поиска сочетания формы, знака, звука и того, что он высказывает [9]. При этом само «Я» появляется только как результат изнутри воздействия матрицы гендерных взаимоотношений и хода гендеризации. Необходимо обозначить, что суть концепции Д. Батлер никак не в том, что гендер проявляется при помощи действий, жестов или выступления, а в том, что изречение производит иллюзию бытия внутреннего ядра гендера и гендерной субъективности. Тем не менее, такой первоначальной сути просто не существует [9].

Согласно суждению исследователя Терезы де Лауретис, гендер содержит умение быть воссоздаваемым индивидом в различных ситуациях межличностного взаимодействия, становясь значимой и осознаваемой чертой его личности.

Главным обстоятельством представляется самопрезентация индивида, осуществление гендера как общественной или субъективной единицы [5].

В тот же период в русле постмодернистского феминизма рядом научных работников признается важность открытия в собственном «теле» истинной женственности, которая в дальнейшем станет основой нового мировосприятия. Это значит, что похожее, возможно, осуществить на основе практики женского письма. Как установлено, для ученых Х. Сиксу и Л. Иригаре женское письмо — это избавление от маскулинных концепций и концептов [2], постижение самой себя, все это способно произвести максимальное действие на общественной и политической арене, чем можно вообразить [4].

Таким образом, как демонстрируют научные исследования ученых феминизма и гендерного подхода, любая личность оказывается сформированной из комплекта субъектных позиций, пребывающих в непрерывной динамике и переопределения. С помощью разных позиций,

занимаемых субъектом, окончательный создается внутри разных дискурсивных образований. При этом данные позиции непостоянны и поливариантны, следовательно, не имеется общественной идентичности, что существовала бы целиком и навсегда приобретена [9]. Вопрос идентичности в процессе длительного этапа представляется объектом междисциплинарного теоретического исследования иностранных и российских ученых и специалистов по психологии [9]. Психолог Джон Мани, который был пионером в изучении «гендерной идентичности», ввел понятие «гендерная идентичность», чтобы показать внутреннее состояние индивидуума в зависимости от своей индивидуальности, как мужской, так и женской, в зависимости от самосознания своих психических процессов и собственного фактического поведения, а так же для доказательства важности социокультурных факторов в создании психологического пола [1]. Впервые слово «гендер» ввел в науку американский профессор Р. Столлер, который нашел отражение в нашей науке только в 1990-х гг. С точки зрения Р. Столлера половая идентичность — понимание индивидуумом собственной физиологической принадлежности, переживание собственной маскулинности и феминности, готовность к выполнению некоторых половых ролей. Половая идентичность представляется одним из нюансов индивидуальной идентичности и базируется в убеждении подражания отцу с матерью. Таким образом, тот объект содержит в себе все свойства персональных комбинаций мужских и женских качеств, обусловлен биологическими, психологическими, социальными и культурными условиями [14, с. 23].

Согласно Л. Н. Ожиговой, гендерная идентичность представляется не просто структурным компонентом гендера, а сложным цельным конструктом, который взаимосвязан с абсолютно всеми личностно-принятыми образами «Я» [8]. Это означает, что в субъектном месте гендер формируется в гендерную идентичность, где взаимосвязанными становятся действенный (бытийный) и смысловой конструкты, включающие в себя половые понятия образа мира (мира (познавательный составляющая); гендерное самоотношение, самооценка, гендерные понятия о себе (эмоциональная составляющая); гендерные проекты, методы и структуры поведения, ролевой репертуар (коннотативная составляющая).

И. С. Клецина подмечает, что «гендерная идентичность» основывается на двух началах: гендер проектируется с помощью социализации, делении работы, его создает концепция гендерных ролей, близкие, ресурсы общественной данных; гендер конструируется индивидуумами в зависимости от степени их сознания (т.е. гендерной идентификации), посредством принятия окружением общепризнанных норм и подстраиванием под них (в одежде, внешний вид, стилю поведения и т.д.). Подобным образом, система развития гендерной идентичности

передается из поколения в поколение, снабжая постоянство двоичной оппозиции «мужественность/женственность», что является основой гендерной идентичности [10].

Таким образом, гендерная идентичность — это восприятие себя сопряженным с цивилизованными обозначениями мужественности и женственности. К важным функциям гендерной идентичности, как элемента самосознания персоны, допускается причислить следующие: снабжение внутренней согласованности, трактовка общественного опыта и соизмерение собственных способностей с общественными возможностями, предоставляемыми социумом, регулирование поведения и работы. Отличительной чертой гендерной идентичности необходимо признать ее динамичный, незаконченный вид, изменчивость на протяжении существования индивида. Под действием новых цивилизованных, духовных, финансовых условий происходит модификация гендерной идентичности, изменяются ценностно-коннотационные конструкции личности, индивидуальность подбирает новые общественные роли и ориентиры, строит общественный мир. Ход гендерной идентификации, как условие и система формирования личности, увеличивает адаптационные способности индивида, содействует самоактуализации представительниц слабого пола и представителей сильного пола, устанавливает или признает идентичность и неповторимость любого [12].

В наше время формируется единая экспериментальная направленность-менталистика, где сам термин «ментальность» содержит довольно обширную трактовку и систематизируется с междисциплинарных позиций как многоступенчатая концепция. Для классической социальной психологии ментальность — неосознаваемая или отчасти осознаваемая, отличительная для данной культуры (субкультуры) особенность психической жизни показывающих ее индивидов, обусловленная финансовыми, общественно-политическими и социальными критериями жизни, в русле постнеклассической науке — это присвоенная за пределами границ индивидуального рассудка особенность взаимоотношения человека и культуры [3].

Термин «ментальный» в общем смысле рассматривается в науке как понятие, обладающее позицией к интеллекту в его многофункциональных и обстоятельных моментах. Кроме того, менталитет обуславливается как мировоззрение в категориях и конфигурациях родного слога, что объединяют в себя умственные, духовные и сильные качества национального нрава в характерных его проявлениях. Термин «менталитет» превносит также неопределенность в исследование данного энтропийного парадокса. Концепты «ментальность» и «менталитет» в нынешней науке применяются как заменяемые, или как родовидовые, или эксперты никак не касаются вопро-

са определения термина, сопряженного с объектом их изучения. Таким образом, в общем и целом, под менталитетом подразумевается комплекс мировоззренческих взглядов, свойственных для отдельного индивидуума или целого народа [3].

Один из наиболее известных подходов к установлению определения менталитета является мнение А.Л. Васильевича, который исследует данное понятие в историко-психологическом ключе. Таким образом, термин менталитет, согласно его рассуждению, это стиль мышления индивида, который находит свое собственное вещественное выражение в языке и поступках, детерминированный как его генетическими отличительными чертами, так и отнесения к конкретной этно-социальной группе [3].

Еще один термин, относящийся к категории менталитета — это «ментальность», которое возникло вначале в исторической науке у последователей школы «Анналов» М. Блока и Л. Февра. Как известно, его исторические корни — во Франции, а главная дефиниция создается в противовес британскому омониму, из общего латинского корня *mens* (разум, познание, образ мысли, миропонимание) на разной основе появляются два полярных значения. Ментальность в английском языке содержит роль индивидуального достояния индивида, а во французском — феномен, который распространяется от индивидуума к индивидууму. Необходимо отметить, что трактовка ментальности неоднозначна, вследствие расплывчатости ее данных [3]. Таким образом, в данном аспекте понятие идентичности более релевантное социокультурной реальности. Л.Н. Пушкарев интерпретирует это понятие следующим образом: «ментальность (мировосприятие) — (от лат. единица. *mens, mentis* — разум, познание, разумность, образ мышления, духовный мир) — комплекс социальных, психологических правил, автоматизмов и умения сознания, создающих методы представления мира и понимания индивидов, относящихся к той или другой социокультурной реальности. Следует отметить, что каждое социальное явление, ментальности исторически изменчивы, однако перемены в них относительно непостоянны, протекают медленным темпом. Отличительной особенностью ментальностей — по сравнению с теориями и идейными системами, показывающих собою завершенные и обоснованные концепции,— представляется их доступность, незаконченность, непрерывность, диффузная сущность, «размытость» в культуре и повседневном сознании. Ментальности представляют собой скорее не персональные конструкции каждого из индивидов, а неличную сторону социального сознания. Субъектом ментальностей является не человек, а социум (данная проблема не имеет точного утверждения в науке, существует и другое мнение, которое будет рассмотрено ниже) [9]. Они обнаруживаются в вербальном языке (словесной культуре социума) и языке жестов, в образе действий, обычаях, традициях,

в религиях. Понятие ментального дает возможность объединить логическое мышление, сформированные формы сознания с полусознанными культурными кодами. Таким образом, ментальное объединяет множественные оппозиции — естественного и культурного, психологического и понятийного, иррационалистического и разумного, персонального и социального [2].

Необходимо отметить, что при изучении научной литературы, рассматривающей ключевой термин «ментальность» и «менталитет», можно заметить, что в отдельных публикациях данные концепты применяются как некоторые суждения, а полному разбору никак не подвергаются, их качества конкретно не установлены. Таким образом, на наш взгляд в данном случае идентичность более адекватно реконструирует тематизируемый аспект социокультурной реальности.

Изучение нынешней философской, исторической и психологической литературы демонстрирует, что в полной мере, возможно, согласиться с точкой зрения знаменитого историка Ж. Гоффа в том, что в наши дни в дефиниции ментальности не имеется единство мнений относительно сути данного явления [4].

Это означает, что ментальность можно рассмотреть как особый метод мышления, осознания и чувствования индивида, что создает его исключительную идентичность как репрезентанта определенного социума, что дает возможность заявить о том, что в данном контексте понятие идентичности создается на базе наиболее общего и соответственно наиболее неясного концепта ментальности.

По мнению К. Лоренца, гендерная ментальность — разделение природы феноменов на две противоположности — это онтологический принцип установления последовательности, умозрительный, обязательная модель мышления, свойственная индивидууму с древнейших времен. Аналогичные взгляды происходили из общего принципа гармонии, в котором создается окружающая среда (парные органы человеческого тела, смена времени суток, варьирование сторон, наличие двух гендеров и пр.). В сути деления гендерной ментальности на маскулинное и феминное находится правило двоичности. Таким образом, двоичное структурообразование гендерной ментальности определило оценку маскулинного и феминного как оппозиций, главным образом относящихся к реализации императивных функций. Такая закономерность противопоставляет и феминное и устанавливает критические и целесообразно-логичные свойства маскулинности, что дает возможность мужчинам осознавать себя в виде нормы и субъекта державы, а женское основание означает в форме «Другого» [11]. Это означает необходимость принятия во внимание, что терминологи-

ческая дефиниция ментальности является источником некоторых проблем. Согласно нашему мнению, в данном аспекте концепт идентичности наиболее целесообразен.

Согласно мнению Е.А. Николаевой выражение женской ментальности является в полной мере частью отечественного литературного процесса, а также литературного творческого процесса представителей сильного пола. Автор обнаруживает натуру женской ментальности, изучая ее как био-социокультурную особенность личности представительницы слабого пола. Она появляется из определенного природой прообраза Матери. Характеризуется типичным, отмеченным обществом комплексом качеств (эмоциональностью, экспрессивностью, внимательностью, общительностью, терпимостью, жертвенностью, ориентированностью на коллективность) и напрямую зависит от условий той или другой культурно-исторической эпохи, характеризующей преимущество феминного или маскулинного стиля действия. Таким образом, от этого зависит развитие моральных ценностей, общепризнанных норм и правил поведения личности в социуме (в этом случае, патриархатная) [9].

Характеристика ментальности как определенного элемента сознания индивида создает проблемы для естественного понимания, так как в современной философии и психологии еще не сформировалось четкой и единой концепции о субстанциональных свойствах сознания. Следует отметить, что в данном аспекте понятие идентичности более подходящее социокультурной реальности.

С точки зрения Н.А. Чуркиной ментальность это комплексно-разграничительная символическая система, определяющая специфику маскулинности и феминности и обуславливающая проявление идентичных когнитивно-эмоциональных реакций индивида и социума в соответствии с биологическими, социокультурными и духовными особенностями индивида как представителя гендера. Это состав структуры гендерной ментальности включает как глубинные архетипичные, так и социокультурно обусловленные стереотипные конструкции. Природной основой гендерной ментальности выступают протономические структуры, прообразы коллективного бессознательного, которые возникли в древности и, сохраняясь в сознании современного индивида, детерминируют универсальность его мышления с позиции маскулинности и феминности. Другим необходимым компонентом структуры гендерной ментальности выступают социальные стереотипы, ценности, образцы поведения, нормы и др., которые являются культурными и социальными детерминантами мышления и поведения индивида как представителя гендера [12]. Это означает, что идентификационная функция гендерной ментальности способствует тому, что индивид получает возможность создать свою собственную индивидуальность с учетом половой

принадлежности, которая выступает системообразующим элементом ментального образа индивида.

Сформированная гендерная идентичность определяет психологическую стабильность индивида в условиях его окружения, а также детерминирует активность индивида и его способность реагировать на изменения физического и духовного окружающего мира. Функциональный анализ гендерной ментальности позволит определить те черты, которые отражают особенности воздействия гендерной ментальности на индивида и социальные общности. Функционирование гендерной ментальности связано с обеспечением постоянства духовной сферы индивида, формированием целей его мышления и регулированием его поведения на основе традиционных и инновационных культурных смыслов. В целом гендерная ментальность осуществляет связь между индивидом, общностью и обществом и утверждает специфику индивида как носителя гендерных особенностей. Результат проведенного сравнительного анализа показал, что в современной философии понятие ментальности является одним из сложных понятий наиболее высокой степени общности, при трактовке которых возникает большое количество различных подходов, точек зрения и даже

личных представлений. Понятие идентичности формируется на основе концепта «ментальности» и имеет более узкое содержание и, потому, содержит более точный набор свойств, что делает его релевантнее тематизируемым аспектам социокультурной реальности.

Выводы

Таким образом, можно установить определенные особенности дефиниций понятия гендерная ментальность и гендерная идентичность и, одновременно различия относительно этих понятий. Представляется нам, что именно идентичность, гендерная идентичность в условиях социокультурной нестабильности является гарантией сохранения гендерного своеобразия представителей полов [10].

Раскрытие новых особенностей концепта гендерной идентичности позволит расширить возможности взаимодействия полярных представителей гендерного сообщества. С точки зрения практической важности, данные выводы могут стать базой для более глубокого исследования сути человека, его места в социуме, а также для конструктивного плодотворного межкультурного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байгускарова Д. М. (2019). Понятие гендерной идентичности как психологического феномена // Молодой ученый. № 3. С. 330–331. — Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/241/55816/> (10.03.2019)
2. Бандурин Е. Н. Социально-философский аспект понимания ментальности. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sotsialno-filosofskiy-aspekt-ponimaniya-mentaliteta#ixzz5mJ8vAZ3s> (25.04.2019)
3. Белкин А. И. (2010). Анализ подходов к изучению ментальности в психологической науке с 3–9 Ученые записки. Т. 3. Сер. Психология. Педагогика. № 1 (9). — Интернет-ресурс. Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2009_1\(13\)/22.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2009_1(13)/22.pdf) (27.04.2019)
4. Белкин А. И. (2011). Психологические исследования феномена ментальности // Актуальные проблемы психологии личности: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. № 5. — Новосибирск: СибАК.
5. Де Лауретис Тереза. (1998). Американский Фрейд // Гендерные исследования. № 1. С. 136.
6. Клецина И. С. Гендерная идентичность и права человека: психологический аспект. — Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://strategy-spb.ru> http://www.civisbook.ru/files/File/Klezina_gend.pdf (17.03.2019)
7. Клецина, И. С. (2016). От психологии пола — к гендерным исследованиям в психологии / И. С. Клецина // Вопросы психологии. № 1. С. 61–78.
8. Ожигова, Л. Н. (2016). Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: диссертация ... доктора психологических наук / Л. Н. Ожигова. Краснодар. — 431 с.
9. Семенова В. Э. Гендерная философия в поисках субъекта. Философия. Культурология Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2009, № 1 (13), с. 139–144. — Интернет-ресурс. Режим доступа: https://akmepsy.sgu.ru/sites/akmepsy.sgu.ru/files/journal_full/uch-zap-1-10-it.pdf#1 (22.04.2019)
10. Фарапонова М. А. (2014). Компаративистский анализ понимания личности в православии и исламе [Текст] М. А. Фарапонова // Теория и практика общественного развития. № 19. С. 156–158.
11. Чуркина Н. А. (2018). Образ Другого в пространстве гендерной ментальности // Человек и культура. № 4. С. 1–7. DOI: 10.25136/2409-8744.2018.4.27147. — Интернет-ресурс. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27147 (14/05/2019)
12. Чуркина, Н. А. (2016). Гендерная ментальность: концептуальные основания исследования / Н. А. Чуркина. Новосибирск: СибГУТИ. 233 с.
13. Шишлова Е. Э. (2012). Гендерная идентичность как фактор развития личности № 1 (22). С. 63–65.
14. Stoller R. J. (1976). Primary femininity / R. J. Stoller // J. Amer. Psychoanal. Assn. — 1976. — No 24 (Suppl.). — P. 59–78.

© Галмагова Гезаль Мамедрасуловна (g.m.gm@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРАКТИК В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ МОДЕРНИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ

THE ROLE OF DISCIPLINARY PRACTICES IN THE PROCESS OF INDIVIDUALIZATION OF MODERNIZING SOCIETIES

A. Klimovich

Summary. This article reviews the problem of the interaction of the process of individualization of modernizing societies with the nature of the regulatory framework. The genealogy of disciplinary practices is considered in the perspective of influencing the social aspect of the formation of a subject. The possible risks of social pathologies associated with the development of disciplinary practices in the field of normative regulation are indicated. A brief analysis of the causes of these pathologies is made, a number of recommendations are given to overcome them and to harmonize modernizing societies.

Keywords: Individualization, modernization, social regulation, disciplinary authority, panopticon, external and internal coercion.

Климович Александр Павлович

*Финансовый Университет при Правительстве РФ
allexgut@gmail.com*

Аннотация. В данной статье делается обзор проблемы взаимодействия процесса индивидуализации модернизирующихся обществ с характером нормативного регулирования. Рассматривается генеалогия дисциплинарных практик в перспективе влияния на социальный аспект формирования субъекта. Обозначены возможные риски социальных патологий, связанных с развитием дисциплинарных практик в области нормативного регулирования. Делается краткий анализ причин возникновения этих патологий, приводится ряд рекомендаций для их преодоления и осуществления гармонизации модернизирующихся обществ.

Ключевые слова: Индивидуализация, модернизация, дисциплинарная власть, паноптикум, внешнее и внутреннее принуждение, социальное нормирование.

Как было замечено Георгом Зиммелем, индивидуализация является структурным феноменом современного общества, беря своё начало в разделении труда и в обретении участниками специфических ролей [8, с. 52]. Развитие общества модерна, сопровождающееся индивидуализацией, требует новых интеграционных связей, способных стабилизировать постоянно усложняющееся общество. Усиление интеграции достигается за счёт повышения требования контроля и дисциплины. Как показал Норберт Элиас, это требование всё больше возлагается на самого индивида, переставая быть прерогативой внешних, государственных инстанций [3, с. 312].

Традиционно считается, что в процессе индивидуализации субъекту предоставляется дополнительная степень независимости и автономии. При таком подходе, индивидуализация классически понимается как освобождение от традиционных связей и с этой точки зрения рассматривается как эмансипационный процесс. В контрасте с этой точкой зрения можно рассматривать индивидуализацию в перспективе анализа контролируемых форм. В таком представлении смягчение ограничений, продиктованных традицией, замещаются активной практикой самоограничения. В этом случае человек предстаёт как автономный, сам себя подчиняющий субъект. Под автономией следует понимать одновременное наличие двух моментов.

С одной стороны, автономия — это свободно произведённое действие, с другой стороны, это действие подчинено собственной разумной воле субъекта. Таким образом, индивидуализация не подразумевает анархическое устранение всех социальных связей, напротив, полагает установление новых. При этом предполагается, что против возникновения излишнего подчинения реализуется прогрессирующий процесс так, что субъект постоянно эмансипирует по отношению к враждебным, направленным против него принуждениям.

Есть достаточно оснований для того, чтобы выразить сомнение относительно последнего момента, а принимая во внимание критику Мишеля Фуко, это утверждение становится ещё более спорным. Во-первых, из анализа практики современной жизни можно сделать вывод, что дисциплинарные формы генерируют не меньше контроля и ограничений, чем классические властные предписания. Рассмотренный в такой перспективе процесс модернизации позволяет по-новому взглянуть на индивидуализацию, наталкивая на мысль о необходимости ревизии ценностных представлений об этом явлении. Кроме того, подвергается сомнению и тот факт, что процесс модернизации, при котором происходит замена внешнего контроля на внутренний, обязательно, является процессом прогрессивным и имеющим отношение к эмансипации.

Так, например, в современном обществе уровень саморегуляции граждан достаточно высок, и это, безусловно, оказывает влияние на то обстоятельство, что сегодня нет необходимости проявления грубой силы, которая регулярно применялась в прошлом. Но всё же актуальным остается вопрос: не приведет ли современный контроль аффектов, позволивший произвести этот переход, может быть, к ещё более сильной форме ограничения, и не превратится ли он в тотальный контроль, за которым последует подавление субъектом значительной части своих собственных внутренних желаний и страстей?

Кроме того, стоило бы поставить под вопрос представление, что субъект, в широком диапазоне действий контролирует себя сам. Не секрет, что в современном мире человека до самого глубокого основания формирует культурная формация, институциональные структуры и языковые шаблоны.

Анализ факторов, от которых зависит становление субъекта, подрывает представление о нем как о независимом, способном на самоопределение существе. Такое видение было характерно для гуманистической эпохи, в которой человек являлся центром и высшей ценностью. В этой связи, Фуко, указывая на окончание этой эпохи, утверждает, что последствием является парадоксальное исчезновение самого субъекта. Он описывает этот процесс известной фразой — «человек исчезает, как рисунок на песке морского берега» [47, с. 462].

Весьма остроумное рассмотрение делает Фуко, анализируя изменения, произошедшие за последние двести лет в области репрессивных техник, применяемых в качестве наказания. Он обращает внимание на тот факт, что тело перестает быть центральным объектом наказания. Публичные, показательные казни, проводимые с намеренной демонстрацией жестоких телесных истязаний, направленные на устрашение зрителей, иллюстрация силы, символизирующая повсеместное присутствие власти суверена, постепенно сменяются более мягкими и менее показательными формами наказаний. Происходит не просто гуманизация репрессивной системы, но меняется сама логика наказания, что, несомненно, отображает и смену логики власти [28, с. 144]. Остановимся на этом моменте несколько подробнее.

Можно обобщенно сказать, что в период до девятнадцатого столетия доминирующая парадигма власти была конституирована как власть суверена. Установление монархических держав того периода наглядно иллюстрируют расцвет авторитарной системы управления. Интегрирование, стабилизация и упорядочивание общества в тот период осуществлялось посредством установления монополярной власти монарха, которая тем или иным образом должна была проникать в жизнь каждо-

го члена сообщества, регулируя поведение отдельного субъекта. Одной из эффективных методик обеспечения повсеместного присутствия суверена являлась практика публичного, демонстративного наказания. Казнь в виде шоу как нельзя лучше выполняла эту функцию. Будучи разновидностью массового зрелища, она должна была соответствовать этому жанру. Эмоциональность и выразительность, как обязательные атрибуты любого зрелища, присутствовали и на официальном мероприятии лишения наказуемого жизни. В нем обязаны были воплотиться все атрибуты театральности: от конструкции сцены и декораций до распределения ролей, ярких костюмов, и даже наличия сценария, автором которого, как правило, являлся сам суверен. В течение следующих ста лет всё радикально меняется. Девятнадцатый век приносит значительные изменения, связанные, прежде всего, с индустриализацией общества, в связи с чем меняются сами принципы властных структур. На смену монополярного произвола суверена вступает власть закона. Идеи просвещения, провозглашающие равенство всех людей, находят отражение в политическом устройстве общества. В такт с этими преобразованиями меняются и репрессивные практики. На смену суверенного управления приходит эпоха дисциплинарного общества.

В отличие от общества суверена, где реализовано дискретное, жёсткое кодирование да/нет, в дисциплинарном обществе находит место плавное, мягкое кодирование, подразумевающее целый спектр возможных значений. Репрессивные практики становятся более претенциозными, нюансированными. Отныне они не ориентированы на сегмент телесного начала, поэтому тело перестает быть объектом репрессий. Истязание, увечья или поэтапное физическое умерщвление тела отныне не являются частью системы контроля. Таким образом, тело уходит из-под гнёта наказания, и объектом репрессий становится человеческая душа. Физические страдания должны заменить страдания психические, и как идеал исполненного наказания — муки совести провинившегося. Отсюда переход от физического к дисциплинарному санкционированию, при котором коренным образом претерпевает изменение цель наказания. В обществе суверена наказание, в основном, нацелено на устрашение субъекта. Показательные казни периода великих монархий были призваны вызывать страх у зрителей, дабы неповадно было повторение содеянного преступником, в этом была главная цель шоу публичной казни, которое проводилось в стиле грандиозного карнавала.

В дисциплинарном обществе наказание, прежде всего, направлено на перевоспитание субъекта. Находящаяся капиталистическая идеология — из всего извлекать прибыль, и здесь нашла свое отражение. Формирующемуся обществу предпринимателей стало

очевидно, что существенно более выгодно перевоспитание преступника, чем его увечье. Для реализации цели перевоспитания субъекта идеально подошло наказание в виде тюремного заключения. Именно поэтому в это время возникает и широко распространяется важнейший институт дисциплинарного общества — институт тюрьмы [1, с. 151].

Тюремная дисциплина предписывает строгий регламент для заключенного. Тюрьма организуется как место, где регулированию и контролю подвергаются все измерения человеческого бытия. Регулирование пространства выражается в строгом соблюдении границ пребывания заключенных. Для этого зона тюрьмы всегда огораживается непроницаемой стеной. Стена становится важным функциональным атрибутом дисциплинарного общества, постепенно превращаясь в его символ. В двадцатом столетии этот символизм достигает экстремального значения, становясь ключевым культурным кодом. Не случайно падение стены, разделявшей восточный и западный Берлин в 1989 г. стало эпохальным событием второй половины ушедшего столетия, отметив собой наступление другой исторической эпохи. Наряду с пространственным регулированием строгому контролю подвергается временная составляющая. Так, например, регламентирование времени в тюремной дисциплине отражено строгим расписанием распорядка дня заключенного [1, с. 92]. Следует особенно отметить, что именно тюремная дисциплина, сформировавшаяся как эффективная практика конструирования субъективности, а точнее, в случае с заключенным, как практика реконструирования субъективности, стала образцом для новой формы индивидуализации. Запрос капиталистического общества на эффективность отразился и на требовании к становлению субъекта. Практика тюремной дисциплины, оказавшись весьма эффективным средством, нашла своё отражение в формировании принципов множества институтов современного общества. Она оказала существенное влияние на регулирование как социального, так и индивидуального пространства. Строгая подчиненность временному распорядку — явление, знакомое каждому субъекту, так или иначе относящего себя к современной цивилизации, в сущности, берет свое начало в практике тюремного быта. Причиной распространения влияния тюремных практик на все сферы жизни современного общества являлась их направленность на перевоспитание субъекта.

Однако не только институт тюрьмы был активно задействован в процедуре ресоциализации. На протяжении веков перевоспитанием субъекта занималась и церковь, причем на свой манер, подвергая внутренней духовной трансформации не только преступников, но и всех членов религиозной общины. Задачей церковного перевоспитания людей было очищение от грехов

с целью спасения их душ. Несмотря на то, что за плечами церкви был многовековой опыт моделирования субъекта, всё же этому институту не суждено было стать образцом и шаблоном для построения организации современного социального пространства. Исправно решая задачу социализации классического общества, институт церкви, являясь крайне консервативной организацией, был неспособен принять на себя решение вопросов, продиктованных новой повесткой дня. Для исправного функционирования вновь нарождающегося капитализма было крайне важно в ограниченные сроки создать эффективную машину для реабилитации преступников и нарушителей, причем речь шла не только об уже состоявшихся правонарушениях, но также и о потенциально возможных. В капиталистическом обществе решение этой задачи возлагается на государство. Во исполнение этой задачи государство, во-первых, осуществляет контроль за деятельностью субъекта вообще и в частности, особое внимание уделяя контролю за развитием субъекта, то есть контролю за тем, как осуществляется его новая, вторичная субъективация. В конечном итоге цель надзирающего государства состоит в том, чтобы вырастить нового, неопасного для общества субъекта.

Процесс оптимизации контроля насчитывает многолетнюю историю. Так, одним из первых рационализаторов процесса надзирательства был известный английский философ-утилитарист Иеремия Бентам. Предложенная им модель идеальной тюрьмы Паноптикум была описана уже в 1791 г. [2, с. 221]. Идеальная тюрьма, в которой камеры заключенных располагались радиально вокруг единого центра и, имея прозрачную стену, обращённую к этому центру, могли беспрепятственно просматриваться из пункта наблюдения, расположенного в этом центре. Контроль, осуществляемый из одной точки, мог в любое время быть направлен на любого заключенного, таким образом каждый заключенный, находясь в состоянии постоянного наблюдения, превращался в идеального заключенного. Не видя охранника, он не знал, в какой именно момент тот бросит на него свой грозный надзирающий взгляд, тем самым погружался в состояние ощущения перманентного контроля, вынуждающего его к постоянному следованию требованиям тюремного распорядка. Осуществление процедуры контроля непосредственно за каждым узником потребовало бы наличие такого количества охранников, численность которых должна быть равной количеству заключенных. Но в модели идеальной тюрьмы каждый заключенный постоянно находится под контролем своего «воображаемого надзирателя». Привыкая к постоянному ощущению внешнего контроля, заключенный не освобождается от него, даже покидая стены тюремной камеры. Теперь находясь на свободе, он всё ещё продолжает ощущать на себе взгляд этого всевидящего наблюдателя, мимо взгляда которого

не пройдет ни одно противоправное действие заново социализированного субъекта. Такой принцип анонимного контроля оказывается необыкновенно действенным и существенно более дешёвым чем традиционные методы. Эффективность метода оказывается решающим фактором в условиях формирования капиталистического, индустриализирующегося общества. Поэтому он получает широкое распространение, оказывая влияние на формирование других институтов — таких, как армия, фабрика, воспитание, образование и прочее.

Итак, в отличие от власти, осуществляемой сувереном, являющейся властью видимой и демонстративной, власть дисциплинарного общества реализуется невидимо. Вместе с тем, что на определённом этапе развития общества власть суверена упраздняется, всё же в социальном пространстве не возникает вакуума безвластия, но образуется новый тип власти — дисциплинарный.

Дисциплинарная власть принимается субъектом как плата за реализацию индивидуального права. Именно понятая таким образом и реализованная в формате, соответствующем такому пониманию, она приобретает необходимую степень легитимации и имеет шанс достичь статуса эффективно действующей общественной силы. В целом, можно сказать, что условием эффективного действия дисциплинарного механизма является принципиальная готовность индивида добровольно выполнять то или иное требование. В случае если субъект не разделяет ценность предписываемого ему требования, тогда для обеспечения исполнения этой нормы потребовался бы существенно больший ресурс контроля, и в этом случае эффективность дисциплинарной системы значительно снизилась, и сама система потеряла бы привлекательность и конкурентоспособность. Условие принятия субъектом определённого дисциплинарного требования как ценности мы назовем условием морализации. Для того чтобы дисциплинарное требование принималось субъектом как оправданное, оно должно представляться ему как морально верное. Именно в этом случае можно рассчитывать на самоконтроль со стороны индивида.

Норберт Элиас, анализируя развитие западной культуры, приходит к выводу, что переход от внешнего контроля к внутреннему является ключевым моментом возникновения прогресса в обществе. Исследуя процесс цивилизации, он обращает особенное внимание на значение перехода от внешнего принуждения (*Aussenzwang*) к внутреннему (*Innenzwang*) [3, с. 313].

Явление перехода от внешнего принуждения к внутреннему существовало с начала формирования человеческой культуры, однако наступление эпохи модернизации отмечается ростом значимости этого феномена.

Усложняющееся, дифференцирующееся общество требует роста автономии и саморегуляции. На субъект возлагается увеличивающаяся нагрузка принятия самостоятельных решений, ведущая к росту ответственности, вследствие чего существенно возрастает процесс внутренней регуляции и самоконтроля. Из этого следует, что модернизация не отменяет принуждение, а только изменяет его, при этом пространство индивидуальной свободы должно возрастать. Казалось бы, индивидуализация должна способствовать развитию человека, освобождая его от традиционных связей, обеспечивать ему автономию и возможность самостоятельно определять жизнь. Однако при более внимательном рассмотрении реалий современного мира возникают серьёзные основания поставить это представление под сомнение.

Процесс перехода от внешнего принуждения к внутреннему в теории должен бы был приводить к становлению независимости и самостоятельности субъекта. По большому счёту, этот процесс стоило бы назвать процессом становления самого субъекта как такового, процессом его индивидуализации. Однако на практике действия субъекта вместо самостоятельного и независимого выбора представляют собой типовое, клишированное поведение, основанное на повторении шаблона. Анализируя социальное пространство постмодерна, можно сказать, что в современном обществе каждый выбирает свой «собственный» путь, но из ограниченного списка предлагаемых альтернатив. Стандартизация образа жизни, типовое поведение, определяемое штампом дисциплинарных практик, становится обыденной социальной реальностью. Для современного человека чуть ли не обязательным считается следование принятой социальной нормой, выраженной в принуждении себя к карьерным устремлениям, посвящению жизни зарабатыванию материальных и социальных благ и, конечно, наслаждению, извлекаемому из их потребления. В этой связи как не вспомнить коллаж, сделанный в 1956 г., основателем знакового для постмодерна стиля современного искусства — поп-арта, Ричардом Гамильтоном, названный им: «Так что же делает наши сегодняшние дома такими разными, такими привлекательными?» В современном мире индивидуальность формируется выбором из списка предложенных торговых марок, сводится к копированию ограниченного перечня стилей поведения, редуцируется к подражанию эталонному поп-кумиру.

Сообразно этому принципу формируется современная система образования, строясь на типизации методик обучения, сокращении разнообразия и вариативности, сведении экзаменационной техники до примитивного «мультичойс», бюрократизации регулирования школ и университетов на всех уровнях управления. Оказывается, что на деле в современном обществе капита-

лизма реализуется не истинная индивидуализация, как формирование автономности субъекта, а её видимость. Индивидуальность подменяется шаблонным паттерном, стандартом поведения, при этом примечательно, что человек не подвергается прямому насилию, а добровольно выбирает «свой собственный» образ жизни.

При таком подходе выглядит затруднительным не только тезис автономии субъекта, но и сам субъект становится нестабильным продуктом изменчивого дискурса и формации власти. Как такое могло произойти, что вытеснение внешнего контроля внутренним в конечном итоге приводит не к раскрытию индивидуальности, а, как выразился Фуко, к «смерти субъекта»? [4, с. 462] Ответ на поставленный вопрос можно найти, если внимательно рассмотреть саму суть дисциплинарных практик, получивших распространение в современных модернизирующихся обществах.

Методологически эти практики реализуются как техники самопринуждения. Конкурентной степени эффективности саморегуляции они достигают благодаря механизму морализации соответствующих дисциплинарных норм. Подобно процессу морализации долга описанной в «Генеалогии морали» Ф. Ницше, происходит аксиологическая легитимизация современных дисциплинарных норм. [7, с. 3] Отличие состоит в том, что аналитика Ницше основывается на рассмотрении всего исторического периода формирования западной культуры, в том числе принимая во внимание и долгий доисторический период становления субъекта. Анализ дисциплинарного общества концентрируется на исследовании процесса переформатирования субъекта в социальном пространстве модерна. Это отличие масштабов иллюстрирует, насколько динамично протекает процесс модернизации и насколько высокую степень гибкости и адаптивности должны были проявлять соответствующие этому времени процедуры реконструирования субъекта. Неудивительно, что решение этой задачи не мог на себя взять традиционный для западной цивилизации способ становления субъекта, формирующийся этикой христианства. Ему на смену приходит существенно более подвижный, освобождённый от многовекового балласта исторической традиции способ дисциплинарного регулирования.

Осваивая процедуру морализации, дисциплинарные практики выходят за рамки простой прагматической калькуляции субъектом выигрыша от преступления установленной нормы и проигрыша от возможного наказания за это преступление. Они перестают быть ценностно-индифферентными и обретают в перспективе субъекта вполне конкретную аксиологическую значимость. Переступая границы экономического рационализма, дисциплинарные практики превращаются в мо-

ральные нормы, легитимируются субъектом, а затем начинают действовать от имени самого субъекта. Отныне они сами являются частью субъекта, выражая его индивидуальный, якобы самостоятельный выбор.

При внимательном рассмотрении нетрудно заметить, что сформированный таким образом самоконтроль лишь внешне напоминает реализацию свободы субъекта, на деле являясь завуалированным внешним принуждением. В такой схеме полицейский контролер не стоит рядом и не диктует нормы и правила поведения, не отдаёт приказы, угрожая немедленной расправой. Отныне он имплантирован в сознание индивидуума и остается с ним на протяжении всего времени. Двадцать четыре часа в сутки находится субъект под пристальным контролем надзирателя, который не оставляет без внимания и сны своего подопечного. Воздействие культуры на человека оказывается колоссальным. Как отмечает основатель психоанализа Зигмунд Фрейд, действие в человеке контролирующего механизма «сверх-Я», неразрывно связано с образованием процедуры самоконтроля, осуществляемого посредством культуры:

«...культура преодолевает опасные агрессивные устремления индивидов — она ослабляет, обезоруживает их и оставляет под присмотром внутренней инстанции, подобной гарнизону в захваченном городе» [5, 148 с.].

Таким образом, то, что кажется современному человеку, участнику демократического общества, свободой выбора и выглядит на первый взгляд как его собственное решение, переживается им как самостоятельно сделанное волеизъявление, на деле оказывается лишь реализацией механизма дисциплинарных практик, плотно удерживающих субъект в рамках чётко регламентированных и точно выверенных возможных альтернатив, предоставляемых системой в качестве имитации свободного выбора. Пожалуй, никогда человек так внимательно и так тщательно не контролировался внешней системой, как в современном демократическом обществе.

Стоит еще раз отметить, что именно нормативное регулирование играет центральную роль в этом процессе становления автоконтроля. Морализация дисциплины занимает ключевое значение в механизме «вживления» внешних дисциплинарных практик в сознание субъекта. Только проходя процедуру морализации, они воспринимаются субъектом как свои собственные, и на основании этого реализуется дальнейший механизм самопринуждения. Отметим, что цель морализации дисциплины достигается самыми различными способами. Можно сказать, что весь контекст современного нормативного дискурса в каком-то смысле посвящён этой задаче.

По крайней мере, он отражает, фиксирует, каталогизирует различные механизмы обозначенного процесса морализации.

Обобщая вышесказанное, становится понятным, почему процесс субъективизации, процесс становления эмансипированного индивидуума посредством самоограничительных практик не достигает реального становления индивидуализации, а лишь имитирует ее. Имплантированные дисциплинарные практики, на деле не являясь частью индивидуума, проникают в него посредством репрессивных институтов современного общества. Проявившие себя в качестве эффективных моделей регулирования, как нельзя лучше удовлетворив запрос капиталистической системы экономических отношений, они выиграли конкуренцию у архаических дорогих и неэффективных систем авторитарного управления. Принося в качестве платы стабильное экономическое благоденствие, они, тем не менее, не позволяют человеку реализовать независимое, самостоятельное существование. Дисциплинарные практики, проникая глубоко в индивидуальность субъекта, смешиваются с ней и от его имени управляют его решением. Редуцируя выбор субъекта в плоскость покупательского поведения, низводят его до уровня современного идеального потребителя.

Следует отметить, что проблема манипуляции субъектом через посредство морализированных дисциплинарных практик отнюдь не решается путём совмещения старой, архаической методологии авторитарной директивы с элементами современного экономического управления. Напротив, такая гибридизация приводит к наиболее сильным и ярко выраженным формам насилия над человеческой индивидуальностью. Авторитарная форма правления, выражающая интересы ограниченного круга лиц (а в более острой форме персональные интересы диктатора), использует механизмы манипулирования субъективным мнением. Имплантированная вышеописанным способом дисциплинарная норма, отражающая в контексте авторитарного общества уже не интересы среднего класса или какой-то социально значимой группы людей, как это происходит в демократических системах, а интересы отдельной личности правителя, представляет собой еще большую опасность для субъекта. Эта опасность заключена в том, что субъект, действуя против своих собственных интересов, тем не менее, сохраняет убеждение в том, что именно таким образом он их отстаивает.

Примером может послужить широко распространенная практика, когда население авторитарного государства поддерживает репрессивные действия своего правительства, при этом не получая взамен ничего, кроме неэффективной политики управления, приводя-

щей к отставанию в развитии государства и обнищанию своего населения. В таком случае индивидуум лишается не только своей реальной свободы выбора (как мы выяснили, этот процесс присущ и современным демократиям), но и элементарного физического достатка, не говоря уже о рисках, связанных с более жесткой формой непосредственного насилия, отсутствием независимых судов, элементарной защиты личной (физической) и имущественной безопасности.

Но если проблема манипулирования субъектом в современном дисциплинарном социальном пространстве возникает как при распространении дисциплинарных практик, так и при частичной реставрации архаичных норм и гибридизации их с современными методами контроля, то в каком направлении обществу следует искать выход?

На наш взгляд, для решения этой проблемы следовало бы еще раз обратиться к ницшеанскому анализу генеалогии морали. [7, с. 47] Его рецепт переоценки ценностей хоть и выглядит весьма абстрактно и в условиях современной реальности, требующей эффективных и применимых на практике решений, представляется, скорее, как поэтическая аллегория, всё же содержит в себе живое основание, способное принести вполне конкретные практические плоды. Впрочем, если посмотреть более внимательно, эти плоды уже появились, например, в аналитических суждениях Фуко, весьма удачно пересадившего ницшеанскую парадигму на почву современного постмодернизма. Аналитика дисциплинарного общества значительно проясняет и актуализирует идею Ницше. В терминах дисциплинарного постмодернистского анализа переоценка ценностей звучит уже не как некоторое аллегорическое иносказание, но представляется как вполне предметная работа по выяснению сути и анализу природы имеющихся в современном обществе конкретных дисциплинарных практик.

На наш взгляд, ключевым моментом становится вопрос применимости и целесообразности этих дисциплинарных практик. Критическая постановка вопроса об оправданности той или иной дисциплинарной нормы — это путь, который может вывести современного субъекта из той социальной зависимости, в плену которой он оказался. Это путь осознанного требования минимизации дисциплинарного давления на субъект.

Пожалуй, никто не будет спорить, что дисциплина является необходимым и важным приобретением эволюционного развития. Чего стоит хотя бы тот факт, что дисциплина обеспечивает фундамент, на котором базируются индивидуальные права человека. Но злоупотребление дисциплинарными практиками наносит вред самому субъекту, крадёт его индивидуальность, неиз-

бежно ведёт к самоуничтожению субъективности как таковой. Вне всякого сомнения, дисциплинарные практики должны быть оправданы там, где нельзя без них обойтись. Там же, где они не являются необходимыми, их морализация сама является разновидностью морального преступления.

Однако стоит особенно подчеркнуть, что как навязывание излишних дисциплинарных практик, так и навязывание их упразднения остается разновидностью внешнего управления, не имеющим ничего общего с истинной индивидуализацией и становлением ответственного эмансипированного субъекта. Вне всякого сомнения, окончательный выбор относительно самоограничительных рамок должен принимать сам субъект, опираясь на самостоятельный анализ и оценку окружающей действительности. В этом состоит центральный принцип эмансипации и центральная идея, провозглашенная эпохой Просвещения. Иметь мужество использовать свой разум — так формулирует идею просвещения Иммануил Кант.

«Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке ре-

шимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» [6, с. 481–494].

Только сам субъект должен справиться с этой задачей. Помощь извне обозначала бы капитуляцию субъекта и впадение его опять в состояние несовершеннолетия. Между тем, как следует из нашего рассуждения, общественное пространство должно организовываться таким образом, чтобы способствовать субъекту выйти из этого состояния несовершеннолетия, наделять субъекта обязанностью принимать решения и тем самым давать ему возможность отвечать за последствия принятых им решений. Только таким образом можно достичь действительной индивидуализации, а не ее имитации.

В заключение отметим, что вопрос о том, является ли процесс той самой, описанной выше, истинной индивидуализации, ценностью как таковой, или же ценность независимости субъекта не является абсолютной, по нашему мнению, всё же должен оставаться открытым. Цель рассуждения состояла не в том, чтобы найти ответ на этот вопрос, скорее, наоборот, мы пытались показать принципиальную неразрешимость этого вопроса и необходимость отнесения этой проблемы исключительно к компетенции самого эмансипированного, независимого, самостоятельно мыслящего автономного субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — Москва: Ад Маргинем, 2015—416 с.
2. Bentham J. Das Panoptikum / J. Bentham, C. Welzbacher. — Berlin: Matthes & Seitz, 2013.
3. Elias, N. Über den Prozess der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. In 2 Band. Bnd. 2. Wandlungen der Gesellschaft: Entwurf zu einer Theorie der Zivilisation / N. Elias. — Frankfurt am Main: Suhrkamp 2010. — 491 s.
4. Foucault, M. Die Ordnung der Dinge. Eine Archäologie der Humanwissenschaften / M. Foucault. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003. — 470 s.
5. Freud, S. Das Unbehagen in der Kultur / S. Freud. — Leipzig: Reclam Philipp jun, 2010. — 148 s.
6. Kant, I. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? / I. Kant // Berlinische Monatsschrift. — 1784. — H. 12. — 729 s.
7. Nietzsche, F. Zur Genealogie der Moral (1887). Götzen-Dämmerung (1889) / F. Nietzsche. — Hamburg: Felix Meiner Verlag; 2014. — 313 s.
8. Simmel, G. Der Konflikt der Modernen Kultur /G. Simmel. — Charleston: Biblio Bazaar, 2009. — 52 s.

© Климович Александр Павлович (allexgut@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ В БЫТИЙНОМ АСПЕКТЕ

Михайлова Анастасия Викторовна

Аспирант, Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
mav_sci@list.ru

THE STRUCTURE OF THE COMMUNICATIVE ENVIRONMENT IN THE ASPECT OF BEING

A. Mikhailova

Summary. The paper discussed importance communicative environment for modern society. The author points to mutual formation of communication and the individual, the dependence of the construction of value orientations of personal being on the ways of expression. The article reflects the essence and categoricity of the communicative space, as well as outlined the criteria and functions of interaction. The author of the article added a level to the studied structure of the communicative environment.

Keywords: communicative environment, modern society, communication, information, individual, being.

Аннотация. В статье рассмотрена важность коммуникативной среды для современного общества. Статья демонстрирует взаимообратное формирование коммуникации и индивида, зависимость построения ценностных ориентаций личного бытия от способов выражения. Автор отразил сущность и категориальность коммуникативного пространства, а также изложил критерии и функции взаимодействия, вышел на тождественность терминов. Добавлен уровень в исследованную структуру коммуникативной среды.

Ключевые слова: коммуникативная среда, современное общество, коммуникация, информация, индивид, бытие.

Введение

Человеку как существу социальному, жизненно необходимы общение и поддержание коммуникативных связей. Он неотделим от социальной среды, именно в ней происходит формирование личности, непосредственно через социальную среду реализуются интересы индивида. Также она оказывает существенное влияние, под действием которого, впоследствии, и сам индивид совершает преобразование коммуникативной среды. Современная действительность повсеместно демонстрирует неразделимость человека и социального пространства, выраженную в острой необходимости предоставления и включения индивида в информационную протяженность, которая со временем только увеличивает свою величину. В свою очередь потребность людей к общению является системообразующим элементом социальной сети. Это выражено тем, что коммуникация осуществляется в различных сферах человеческой деятельности. Социальные сети формируются на основе личных интересов участников, становятся «своего рода новой реальностью бытия современного социума, которая создана для дополнения и расширения субъектов общения» [1]. Данная форма является результатом развития человечества на данном этапе и, в свою очередь, его деятельности. Глобальность представленной модели выражается в независимости участников от этноса и территории расположения, это создаёт предпосылку для множества идей для самореализации, а также распространения коммуника-

тивных связей для её участников. Коммуникативная среда связана с авторитетностью в обществе, расстановкой ценностей.

Парадоксами современной коммуникативной среды выступают следующие аспекты. В виду доступной анонимности в социальной среде, обнаруживается потеря критерия возраста в коммуникативных рамках современного общества. Участник может скрыть свой возраст и быть объединен с другими только в категории интересов. На смену определяющего критерия пришёл признак популярности. С этой стороны участники интернет-сети друг другу ближе. Существует некоторая зависимость от социальных сетей и отдача преимуществ им, с утратой важности реального общения. С одной стороны современные технологии делают людей ближе, с точки зрения физической удалённости, а с другой — более отдаляет. Так, находясь в одном помещении, люди могут не взаимодействовать вовсе, находясь в коммуникативном поле, посредством технологий, с тем, кто от него физически удалён. Интернет-сёрфер может применять доступное пространство как для получения информации в рабочих целях, так и для личных целей, но наряду с этим, как отрицательный аспект, присутствует возможность потеряться в интернет-сети, утратить осознание действительного времени и «забыть» про учёбу, работу и даже течение времени самой жизни.

Сферы коммуникации, способы передачи смыслов — требуют внимания деятелей различных областей, в виду

этого в современных исследованиях активно исследуется понятие социальной среды. Важны условия системы связи между людьми, характеризующие взаимодействие индивидов, систему связей в социуме. Результатом этого взаимодействия является изменение и преобразование действительности. Такое взаимодействие отражает влияние человека на окружающие условия социальной среды и определяет восприимчивость этого влияния. В свою очередь восприятие проявляется в социальных изменениях, которые содержат индивидуальное взаимодействие человека с социальной средой.

Целью данной статьи зададим отражение сущности, категориальности коммуникативного пространства. Рассмотрим стороны социокультурной среды, а также критерии и функции взаимодействия, выйдем на определение коммуникативной среды.

Основная часть

Термин «среда» предлагает наличие множества структур, требующих взаимосвязи с такими элементами социума как личность, группа, общество, которые влияют на формирование его духовных ценностей, нравственных потребностей, интересов и ценностных ориентаций. В этой призме социальная среда выступает как определённая структура «среда-индивид», она подразумевает внутреннюю связь действий и условий. Действия и условия в структуре «среда-индивид» отображают обширный диапазон процессов как внешнего, так и внутреннего мира участника, с помощью чего происходит реализация причинно-следственных связей, обмен информацией между взаимодействующими и их изменение. Функциями взаимодействия в структуре «среда-индивид» являются: взаимопознание, взаимоотношения, взаимопонимание, взаимовлияние. Главным критерием взаимодействия является взаимопонимание, так как чем лучше участники коммуникации понимают друг друга, тем больше у них возможностей для результативных переговоров. К показателям сольватации относятся срабатываемость и совместимость. Здесь срабатываемость характеризует успешность и оптимальность действий партнеров. Тогда как совместимость отвечает за расположение компаньонов.

Культурная среда, которая является неотделимой от коммуникативной среды, реализует общественную культуру, направленную на нравственное формирование личности в социуме. Положение социально-культурной среды в динамике общественных отношений обширно, так как она задаёт условия построения интеллектуального потенциала, определяет духовность общества. Следовательно, культурная среда проявляется в любой коммуникации и является её ведущим критерием её преобразования, а также отвечает за формирование культуры участников коммуникативной среды. Культура значима для социума,

здесь социум следует рассматривать в виде таких социальных субъектов как социальные группы, организации, являющихся универсальными, типовыми и устойчивыми общественными образованиями, а также социальных отношений. Категориальность взаимоотношений можно встретить отраженную следующим образом: «ценность сохранения родовых традиций требует объединяться с одними людьми, развития профессиональной культуры — с другими, вероисповедания — с третьими, реализации политических целей — с четвертыми. Области возникших связей при этом перемещаются, накладываются друг на друга и расходятся, нередко оставляя в сфере полного пересечения только тебя самого... Общество как «Я сам», видимо, и является нижней границей смыслового порога возможных определений. Верхнюю понятийную границу определяют солидарности, объединяющие максимально большое число людей: это нации и народы, религиозные конфессии, «партии выживания» с нефиксированным членством (экологические, антивоенные, молодежные) и др.». Здесь немаловажно культурное становление личности и её пребывание там, относительно принадлежности к той или иной группе. Культура с позиции результата человеческой деятельности, является множеством традиций, ценностей, смыслов, идей, форм представления, характеризующих социальную общность и выполняющую функции социальной ориентации, поддерживающие социальную принадлежность, а так же самоопределение личности. «Социальное» и «культурное» крепко связаны, так как в любом социальном проявлении всегда присутствует человек как носитель социальных ролей и культурных ценностей. Индивид в этом случае является ключевым звеном.

Социокультурная среда может рассматриваться с нескольких сторон, одной из которых является вещественная. Вещественную сторону социально-культурной среды следует рассматривать как множество культурных ценностей рассматриваемого социума и их использования в деятельности индивида, относящегося к данной среде. Несомненно, в перечне общечеловеческих ценностей среды необходимым составляющим является и толерантность, как принцип построения взаимоотношений между членами социума, потому как умение переносить чужие мнения, убеждения и поведение необходимо для успешного осуществления коммуникации. Результативность взаимодействия зависит от сформированности ценностной модели толерантного взаимоотношения.

Другой, не менее значимой стороной среды является личностная, она прослеживается в окружающих личность людях, воздействующих (положительно или отрицательно) на её формирование, которое происходит посредством духовных потребностей, интересов, вкусов, ценностных ориентаций. Категории «социокультурная среда» и «личность» взаимно неразделимы. Как личность без

среды не существует, так и понятие социально-культурной среды становится бессмысленным, без её соотношения с личностью. Личностная сфера социокультурной среды изменяется в зависимости от таких аспектов: уровень воздействия среды на личность. В строении социокультурной среды, ориентируясь на исследования, можно различать макросреду и микросреду. Здесь макросреда — это само общество и социальные группы, огромное информационное пространство. Микросреда — это среда в ближайшем окружении. Макросреда включает в себя множество микросред. Культурное взаимодействие макросреды и личности осуществляется посредством межличностных контактов и приобретённым индивидуальным опытом. Своеобразие различных уровней социокультурной среды во многом определяют формирование типовых и индивидуальных признаков индивида.

Если рассматривать социальную среду с позиции уровня устройства, в ней обнаруживаются микросоциальный и макросоциальный. В микросоциальный уровень входит семейно-бытовой, социальные структуры. В макросоциальный, по теории Будякиной М.П. включаются экосистемы, ноосфера, планетарный уровень. Тогда, пожалуй, выходя за рамки среды, в которой существует человек, категориальность уровней необходимо дополнить, предложив мегауровень. Как раз к мегамирам относятся планеты, звёздные комплексы, галактики и метагалактики. Поэтому предложим мегасоциальный уровень для более точного описания социального пространства с позиции физического расположения и характеристики социальных связей в околоземном пространстве, приведя, к примеру, социальные связи между космонавтами.

Специфика взаимодействия на различных уровнях может быть представлена в форме такого объединения как «семья». В этом примере уровнями будут являться поколения семьи. Таким образом в среде «семья» представляется возможным обращение к четырем уровням: старшие родственники (бабушки, дедушки), второе поколение (родители), третье поколение (дети), четвертое поколение (внуки). Своеобразие в общении между уровнями может проявляться некоторой иерархичности такой структуры, где взаимопонимание между соседними уровнями осуществляется с меньшим количеством соблюдения условностей, а между наиболее удалёнными с большим числом скрытых предпосылок. В свою очередь язык взаимодействия такой среды существенно рознится, что выражается в конфликте поколений, т.к. взаимопонимание граничных уровней содержит большее количество условностей. Разное время воспитания, особенное отношение к каждой из временных промежутков; приближенность к свойственной манере поведения, откладывают отпечаток на личностное восприятие действительности, а значит индивидуальное формирование бытия человека.

Под социальной средой понимают как внешние условия в особой системе связей между людьми, характеризующие взаимодействие между людьми, так и систему связей в социуме. Результатом этого взаимодействия становятся преобразования действительности, в той или иной форме, можно согласиться с утверждением авторов о том, что взаимодействие выражает влияние человека на окружающие условия социальной среды и определяют восприятие этого воздействия. Тогда, в свою очередь, восприятие проявляется в социальных преобразованиях, которые содержат проявление индивидуальности человека в его взаимодействии с социальной средой.

Личности, массовое сознание, взгляды, представления, чувства, традиции, культура общения, коммуникации, составляют духовную атмосферу и отражают сущностные характеристики отношений личности и среды. Непосредственное окружение личности, определяющее её ценностные ориентации и моральное поведение, которые представляют её предметную среду и духовную атмосферу.

Коммуникативная среда формируется деятелями различных областей. Они предлагают каждому человеку некоторое культурное пространство, в котором он находится. Формирование происходит посредством освоения предложенных и реализованных идей и проектов. Таким образом, коммуникативную среду можно рассматривать как своего рода испытательную площадку, в границах которой отрабатываются и осваиваются различные по назначению и социально-коммуникативные средства. Коммуникативная среда носит информационно-познавательный, просветительный, развлекательный характер, настроена на приобретение знаний и понятий о реальных явлениях окружающего пространства, осознание необходимости непрерывной связи с непосредственным окружением, использование знаний в практической деятельности, влияющей на переустройство образа жизни. Если обращаться к досугово-творческой составляющей, то она связана с организацией досуга для реализации духовных потребностей индивидов, обеспечением их необходимым ореолом информации.

Вывод

Итак, на основе продемонстрированного, будем считать, что одно и то же значение, передается различными терминами. Коммуникативная, социально-культурная среда — это некоторое социальное пространство каждого человека, посредством которого он активно включается в культурные связи общества. Это также и множество различных условий для его интересов и социального поведения: поверхностные контакты и глубинные взаимоотношения с другими людьми, включенная во взаимодействие часть социума.

Поддержание актуальности сформированной информационной среды зависит от её популярности и востребованности у социума. Новые условия функционирования коммуникативной среды требуют формирования новых форм организации деятельности, создание целей и методов их реализации.

Составляющие социокультурной среды выступают в следующих уровнях:

1. мегасреда — современный социальный мир, окружающий человека и определяющий сознательную и внутреннюю атмосферы эпохи. А также это условия сосуществования всего человечества, культура, виды деятельности и формы знаковых систем для общения, обращенность к которым формирует культуру человека.
2. макросреда — общество, страна отдельной личности. Влияние макросреды обеспечивают принципы и культуру конкретного общества посредством средств массовой информации и социальных институтов.
3. микросреда — окружение человека в таких основных группах как: семья, учебно-трудовой коллектив, друзья. Характеристику каждой из этих групп определяют различия по возрасту, культуре, сфере деятельности, интересам, [2].

В эту структуру добавим в категорию макросреды такие категории как город, возможно даже район, заметив, что каждому ореолу свойственна своя специфика. Если разобрать представленную категориальность на примере, можно увидеть следующее: живя в настоящее время в рамках понятий: планета, эпоха, время — мы оказываемся в категории «мега». Пребывая в стране, городе, районе, улице, взаимодействуя с людьми, которые там живут и нам встречаются — мы находимся в разряде или сфере, если так представить модель, «макро». Сферу «микра» представляют члены нашей семьи, коллеги и друзья.

В этическом смысле одним из важнейших факторов формирования и развития ценностных ориентаций личности является социокультурная среда, которая, в свою очередь, также претерпевает ряд изменений в силу объективных — исторических, экономических, социально-политических, и субъективных причин, [3].

Главным критерием взаимодействия является взаимопонимание, так как чем лучше участники коммуникации понимают друг друга, тем больше у них возможностей для результативных переговоров. К показателям сольватации относятся срабатываемость и совместимость. Сущность социума заключается в формировании общественного человека, обеспечив его набором необходимых ролей и технологий реализации. Сущность культуры — способствовать формированию духовно целостной личности, преодолению её социальноролевой ограниченности в процессе ценностного поиска реализации интересов.

Разнообразные взаимоотношения, определенные социокультурной средой, состоят из обширного диапазона контактов с социумом, искусством, ближайшим социальным окружением, природой. Это множество взаимосвязей, проявляющихся на познавательном, эстетическом, духовно-нравственном, творческом уровнях, влияет на творческие способности через различные механизмы, которые обеспечивают эффективность познания и постижение навыка деятельности, актуализацию и развитие потенциальных возможностей, проявлений характера личности, необходимых для мотива развития определённой сферы.

Коммуникативная среда формируются деятелями различных областей посредством освоения сторонних идей и реализации собственных, с участием общественных сущностей. Поэтому понятия коммуникативной и социальной сред в общем значении тождественны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макеев С.Н., Социальная сеть как средство удовлетворения потребностей человека в условиях расширенной объективно-виртуальной реальности, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, Республика Мордовия, Саранск, 2016 г., С. 65–73.
2. Утешкалиева А.М., Социокультурная среда как условие формирования основ эстетического воспитания младших школьников, г. Атырау, Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова
3. Унарова С.Н., Современная социокультурная среда как психологический фактор развития ценностных ориентаций личности, автореферат диссертации, <http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-sotsiokulturnaya-sreda-kak-psikhologicheskii-faktor-razvitiya-tsennostnykh-orie>
4. Казакина М.Г., Взаимосвязь процесса развития коллектива и нравственного формирования личности. Л. — 1983, 19 с.
5. Будякина М. П. Социальная психология. СПб, 2003, — 28 с.

© Михайлова Анастасия Викторовна (mav_sci@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ И СМЕРТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvry@icloud.com

THE CONCEPT OF HUMAN CORPOREALITY AND MORTALITY IN THE POSTMODERN PHILOSOPHY

V. Savrey

Summary. The article analyses and compares the problem of the value of a person in the face of death in both the philosophies of the postmodern world and in the traditional European culture, that assimilated the legacy of past epochs and of which the anthropology and the ethics were formed by the biblical, theological and religious-philosophical ideas of Christianity.

Keywords: God, soul, dignity, immortality, deconstruction, ideal, world view, beauty, materiality, physicality, mortality, religiosity, liberation, nihilism, eternal life.

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу проблемы ценности человека перед лицом смерти в мировоззренческой культуре постмодерна и в традиционной европейской культуре, ассимилировавшей наследие прошлых эпох, антропология и этика которых формировались в парадигме библейско-богословского и религиозно-философского учения христианства.

Ключевые слова: Бог, душа, достоинство, бессмертие, деконструкция, идеал, картина мира, красота, материальность, телесность, смертность, религиозность, освобождение, нигилизм, вечная жизнь.

Жизнь как действительность человеческого существования ставит перед человеком такие вопросы, которые не может обойти ни одна философия, включая, безусловно, и философию эпохи постмодерна.

Обсуждение вопросов, связанных с интерпретацией бытия человека, его материальности и телесности, его обречённости и конечности в парадигме непредсказуемой и ничем не гарантированной судьбы, — обсуждение таких онтологически значимых вопросов провоцирует философию на постановку глубинных метафизических проблем, и здесь философия, как отмечает Н. Гартман, «действительно останавливается перед вечной неразрешимостью, перед загадкой, перед чем-то неустранимо иррациональным» [Гартман 2002, 695]. Здесь может идти речь о духовных поисках человека в сумерках его ещё не пробудившейся религиозности или при тусклом свете озаряющей его интуиции личного бессмертия, и эти поиски пробивают дорогу в его мировоззренческом и религиозном самоопределении. Значение мировоззренческой позиции каждого конкретного человека определяется той неизмеримо высокой целью, в перспективе которой становится возможным обретение бытия. Кто обладает мировоззрением, тот как личность обладает бытием. Сегодня, в условиях новой реальности, определяемой философией и культурой постмодерна, человек, «утратив свою религию, в неверии, решительнее мыслит о собственном бытии» [Ясперс 1991, 376]. Однако его «неоархаическая» решительность вряд ли простирается за пределы сознания этносов дохристианской

эры, для которых существование мира и бытие человека в мире могли восприниматься либо как несчастье, либо как космическая ошибка, либо как совершенно непостижимая случайность.

Философия постмодерна отстаивает свой приоритет в отрицании прошлого, но в то же время она не может не включать наследие исторического прошлого в интеллектуальный тезаурус своей эпохи. Постмодерн как второй модерн [Веск 2008, 2] — всего лишь прибрежная волна, за которой открывается целый океан общечеловеческой мудрости и жизненного экзистенциального опыта миллионов людей. Постмодерн не может не опираться на традицию прошлого и не может не быть, пусть новым, но всё-таки продолжением пережитого человечеством опыта. Так, например, Бодрийяр, ссылаясь на Гегеля, утверждает, что «мы существуем в жизни, которая движется внутри самой себя посредством того, что есть смерть» [Бодрийяр 2014, 160]. Обращение Бодрийяра к теме смерти отмечено чертой неисчерпаемой знаковой: эта тема является одной из древнейших тем в экзистенциальном опыте человечества. В метафизическом погружении в размышление о смерти внутренним свидетельством нашего сознания аксиоматически удостоверяется истина о том, что жизнь обретает смысл перед лицом смерти, и это откровение представляет собой неразрешимую апорию для рационального философского сознания.

В вопросах интерпретации в философии постмодерна концептов телесности и смертности человека следу-

ет прежде всего иметь в виду отношение постмодерна к античности. У Мишеля Фуко на антропологическом материале поздней античности представлен новый герой — «человек вожделеющий». Отрицая модерн как альтернативу античности, постмодерн в то же время проявляет интерес и симпатии к античному мировосприятию и античному образу жизни в целом, что даёт основания характеризовать его как «эпоху неoarхаики» [Неккесса 2000, 250].

Древнегреческие софисты, как в наше время их далёкие эпигоны, представители постмодернизма, ниспровергали теоретическую значимость современных им философских учений, отрицали ноуменальную основу в устройстве мироздания, «распространяли религиозный и этический скептицизм» [Филиппович, Семёнова 1983, 793]. Целью человеческой жизни софисты провозглашали эвдемонизм в сочетании с экзистенциальной резиньяцией, полной покорностью судьбе. Представители философии эвдемонизма отказывались от исследования фундаментальных философских проблем. Постмодернизм испытал влияние стоицизма, отразившегося на характере философии средних веков и Нового времени, ему в особенности стал близок «эпикурейский культ чувственности» [Там же, 795]. Вопреки принципам традиционной этики Ж. Бодрийяр провозглашает «новую этику отношения к телу» [Бодрийяр 2006, 171], делая своё «новое открытие» в постмодернистском мире «после тысячелетней эры пуританства», идеалы которого определяли атмосферу духовной жизни Европы: «...если вы не осуществляете служения телу, если вы грешите невниманием к нему, вы будете наказаны» [Там же, 169]. Для Бодрийяра весь исторический процесс проходит под знаком «освобождения тела» [Там же, 175]. Получается, как критически заметил Д. С. Хаустов, что через вопрос об истории мы подходим к тому «онтологическому перевороту» [Хаустов 2018, 62], который рождён кризисом модерна. Например, такая классическая онтология, которая дана нам, скажем, в христианстве, в качестве антипода полностью зеркальна той онтологии, которая становится достоянием культуры постмодерна [Там же, 62]. В рассуждениях Ж. Батай, «если целомудрие, как и всякая аскеза, является в некотором смысле лёгким путём, то разнузданность, вбирающая в себя прямо противоположное поведение, кажется более приемлемой» [Батай 1997, 54]. Неудивительно, что для автора «Внутреннего опыта» самая универсальная среди всех религиозных прозрений идея спасения души представляется как «самая презренная из мнимостей» [Там же, 32]. Если в христианской картине мира «субъект спускается сверху как создание Бога — в данном случае безусловного абсолютного первопринципа, — то здесь субъект формируется снизу — как тело, как место эффектов, реакций, становлений» [Хаустов 2018, 62]. Во всём мире образованным и необразованным людям «нравится верить, что

за удовлетворением материальных потребностей стоит некое «исполнение своей миссии на земле», реализация индивидуального потенциала» [Уотсон 2017, 624]. Однако это огромное человеческое большинство не способно довести свою «веру» до логического конца и понять, что это за «миссия», исполнение которой завершается смертью индивида, которому дальше уже некуда идти. Личный жизненный путь, как и весь исторический путь человечества становится лишённым смысла и ценности. Рождённая кризисом модерна философия постмодерна оказывается неспособной противопоставить ему в качестве альтернативы какую-либо реальную оптимистическую перспективу, порождая лишь новый, более радикальный в своём основании мировоззренческий кризис. Постмодернизм оказался не в состоянии открыть ноуменальный смысл всемирного исторического процесса. Цивилизационный исторический путь человечества как предпосылка и актуальное осуществление Царства Божьего философией постмодернизма принципиально не принимается.

Таинственная реальность области священного и потаенного бытия для Бодрийяра закрыта. Ему ничего не говорит и опыт мировой культуры человечества, и всемирной истории, к которой постмодерн в лучшем случае относится снисходительно. В лице великих и самых достойных представителей человечества, истинных героев духа, мировая история сохраняла тенденцию, направленную к торжеству высших духовных начал в человеческой жизни. Во всех цивилизациях и традиционных культурах подлинным достоинством духа признавалась способность человека господствовать над страстями, аффектами и плотскими вожделениями. С того момента, когда в мир была принесена Благая Весть, всемирная история человечества приобрела свой новый и окончательный смысл: история как проект есть актуальное осуществление христианства. Христианские авторы, как, например, современный немецкий теолог Петр Козловский, связывают историческое возникновение христианства с началом эпохи модерна. В период поздней античности христиане называли себя новыми людьми — *moderni*, в отличие от политеистов, которых они называли *antiqui*. В этих употреблявшихся «новым народом» именовании усматривается аллюзия на тексты Посланий апостола Павла, в которых содержится противопоставление «ветхого» человека, истлевающего в своих страстных вожделениях и неприемлемых обществом агрессивных импульсах, «новому» человеку, пребывающему в благодати и истине.

Бодрийяр не хочет понимать, что в отношении к задаче духовного совершенства человеческая личность «чудовищно консервативна, если не сказать — инертна» [Юнг 1998, 4461]. По определению К. Г. Юнга, развитие личности, в отличие от развития физических достоинств,

«повинуется не желанию, не приказу и не намерению, а только необходимости: личность имеет потребность в мотивирующем принуждении со стороны внутреннего или внешнего рока» [Там же, 461]. Юнг говорит о доверчивой надежде, которую верующий должен иметь по отношению к Богу. «Изречение «Много званых, а мало избранных» значимо здесь, как нигде, ибо развитие личности от исходных задатков до полной сознательности — это харизма» [Там же].

Как отметил С. С. Аверинцев, христианство не является единственным в мире носителем императива аскезы. Тоска по избавлению духа от оков плоти широкой волной разливалась ещё в эпоху античности [Аверинцев 1997, 23]. В событиях Ветхого Завета Бог придаёт смысл, цель и вектор ветхозаветной истории, направляя её через Авраама и Моисея ко Христу, Сыну Божию, который, став в миссии своего пришествия в мир самой глубокой и универсальной основой человека, ниспослал от Отца обещанного ученикам Духа Утешителя, делающего людей сынами Божиими по благодати и участниками вечной божественной жизни. Присутствие в мире нетварной божественной благодати, к которой человек становится причастным в своём религиозном церковном опыте, становится в универсуме всего мироздания основным фактором противостояния процессам распада, смерти и тления.

Современный человек уже не живёт в рамках традиции и потому стал безрелигиозным, безблагодатным, нравственно безответственным, «неисторичным». В своём мнимом возвышении над преемственностью традиций он свысока смотрит на всё, что было создано до него в человеческой истории, присваивая себе исключительную привилегию критически оценивать всё, что только можно оценить. «Это новое состояние, говорил Юнг, есть форма убожества, а неисторичность нынешнего человека — аналог «жизни во грехе» [Уотсон 2017, 377]. В наше время подавляющее большинство людей забыло о бессмертии своей души, о новозаветном призвании человека стать новым творением в причастности к Божественной благодати, о задаче вести новую жизнь.

Если современный человек утратил энтузиазм религиозной веры с присущим её природе стремлением к идеальной полноте бытия, то для такого православного автора, как Жан-Клод Ларше имеются объективные основания считать причиной его личной трагедии потерю религиозного мировоззрения, которое раньше исключало какое-либо сомнение в своей истинности. Верность высшей и абсолютной истине и убеждённость в её признании как фундаментальном основании бытия поколебали присущие сознанию эпохи постмодерна скептицизм и релятивизм. Эпистемологические выводы постмодернизма предполагают отказ от какого —

либо притязания на истину [Хаутепен 2008, 359]. Когда Ж. Деррида упраздняет «здоровый смысл», объявляя его функцией, определяемой характером контекста интерпретации, он, в оценке К. Дж. Ванхузера, вносит серьёзный вклад в дискуссию о знании [Ванхузер 2007, 307]. Тем не менее, упразднение Деррида подлинного смысла текста или традиционных понятий нравственности включает в себе деструктивное начало. «Обвинительный лист нацелен как раз на риски устранения слова и имени. Главный обвиняемый — это, очевидно, Лейбниц, его рассудочность и его спекулятивная наивность, подталкивающая его довериться интеллигенции, то есть формальному рассудку, несущему смерть» [Деррида М 2012, 125]. С точки зрения подобной мировоззренческой позиции в эпистемологическом человеческом опыте не остаётся ничего достоверного, и эта недостоверность закрадывается в сознание человека как феномен подзорности в отношении всего экзистенциального плана существования. «Ошибка — думать, что Деррида или кто — либо другой «распознал» проблемы природы текстуальности или письма, которые игнорировались традицией. Он сделал совсем другое: придумал способы говорить о них, благодаря которым старые способы речи стали необязательными, а потому более или менее сомнительными» [Hutcheon 1989, 14].

Отрицая историзм, «категориальное мышление», традиционные ценности веры и нравственности, постмодернизм не оставляет места для постоянных и неизменных истин, гарантируемых авторитетом, достоверностью и телеологическим характером бытия. В этой ситуации «человеческая жизнь, — отмечает Ф. Шуон, — полна неуверенности, и человек теряет себя в неуверенности вместо того, чтобы держаться за то, что абсолютно надёжно в его судьбе, а это — не что иное, как смерть, Судный День и Вечность» [Шуон 2007, 52].

В своей эмпирической очевидности тайна бытия человека в отрезке времени от колыбели до могилы открывается перед лицом смерти. Человеческое существование по своему характеру драматично, так как находится под знаком конечности и обречённости, поскольку последним бастионом реальности становится смерть. «Единственной уверенностью человека является смерть. Но именно от этой уверенности человек удирает, насколько позволяют ноги» [Тишнер 2005, 98]. В сознании древнего грека мойра, судьба, есть неотвратимая и неизбежная стихия, которую он осознаёт, но над которой он абсолютно не властен. «Смерть — это последний и окончательный удел человека. Поэтому о мойре смерти говорят чаще, чем о любой другой» [Nilsson 1955, 339]. М. Хайдеггер, анализируя апорию смерти, оказывается неспособным, по словам Деррида, «взглянуть смерти в лицо» [Derrida 1993, 119], в то время как для самого Деррида смерть человека «представляется неопишу-

мой» [Derrida 1967, 60]. К теме смерти Деррида обращается неоднократно: в ситуации смерти человек остается наедине с собой, мир уходит, и человек обретает самого себя [Derrida 1999, 49]. На общем фоне деконструкции и нигилизма, присущих постмодернистской философии, представляется совершенно неясным это постулируемое Жаком Деррида обретение человеком самого себя в момент собственной смерти. У Жоржа Батая, наоборот, со смертью связывается надежда на освобождение человека от своего «я». Его предсмертный вопль есть своего рода манифестация абсолютной иррациональности его философского нигилизма: «О могила моя, избавь меня в недрах земли от моего «я», которым не хочу больше быть» [Батай 1997, 112]. Этот апофеоз безысходности можно интерпретировать как следствие отсутствия мировоззрения, поскольку только в парадигме мировоззрения человек обретает бытие. Вера во Христа и надежда на воскресение составляют краеугольный камень христианской сотериологии.

Однако, как заявляет Жан Бодрийяр, постмодернизм «отменяет» смерть. В воззрениях Бодрийяра, намеренно смешивающего онтологический и этический аспекты бытия, смерть — это недопустимая делинквенция. «Ибо сегодня, — рассуждает Ж. Бодрийяр, — быть мёртвым — ненормально, и это нечто новое. Быть мёртвым — совершенно немислимая аномалия, по сравнению с ней всё остальное пустяки. Смерть — это антиобщественное, неисправимо отклоняющееся поведение. Мёртвым больше не отводится никакого места, никакого пространства / времени, им не найти пристанища, их теперь отбрасывают в радикальную утопию — даже не скапливают в кладбищенской ограде, а развевают в дым» [Бодрийяр 2015, 234].

Позицию Бодрийяра следует признать иррациональной и вместе с тем аморальной и кощунственной. Она радикально противоположна этическому подходу к человеку, к достоинству его личности, к его памяти, которые присущи христианству и Церкви. В традиции Церкви человек рассматривается как образ Божий и наследник Царства Небесного. Церковь с благоговением относится к памяти каждой человеческой личности, завершившей свой путь в вере и надежде воскресения и сохраняющей своё невидимое присутствие в ноуменальном универсуме всего существовавшего и существующего.

«Отмена смерти» у Ж. Бодрийяра преподносится как императив, как попытка её вытеснения из сознания, если употребить известный концепт З. Фрейда, обозначающий один из механизмов в стратегии защиты от тревоги. Но, «отменяя» смерть, Бодрийяр «некронизирует» всю эмпирическую действительность человеческого существования: «Раз нет больше кладбища, значит его функцию выполняют все современные города в целом — это

мёртвые города и города смерти» [Там же]. Здесь Бодрийяр приходит к общему предельно пессимистическому заключению: «вся наша культура является просто культурой смерти» [Там же].

Находясь на позициях материалистического атеизма, Бодрийяр не способен признать универсальное свидетельство Благой Вести о том, что после того, как Сын Божий в Своём воплощении пришёл в область отравленного человеческим грехом бытия, в мир, в котором во всех вещах и во всех явлениях, и во всех человеческих судьбах лежала печать отступления от Бога, печать греха, смерти и тления, после того, когда смерть была побеждена Его Воскресением, смыслом всей человеческой истории является задача актуального усвоения плодов победы Христа над смертью, то есть задача распространения следствий этой победы на всё человечество и на весь мир. Эта задача осуществляется в послании Церкви, в миссии христианства, в его вселенском призывании в истории, в его конфессиональных богословских и литургических традициях.

В постмодернизме, в отличие от традиции веры, смерть изгоняется из реальности экзистенциального человеческого опыта вопреки её очевидной неизбежности. «Отмена» смерти осуществляется под знаком всецелой любви к жизни, воспринимаемой прежде всего в её соматическом проявлении, в котором в качестве одной из доминантных ценностей признаётся телесная красота человека.

Жиль Делез в своей книге «Эмпиризм и субъективность», комментируя идею параллелизма души и тела в этическом учении Б. Спинозы, делает заключение о том, что Спиноза, желая прояснить в соответствии с аксиомой эпистемологического параллелизма тезис о том, что «сущности модусов имеют причину, посредством которой они должны постигаться» [Делез 2001, 369], констатирует, что в учении Спинозы имеет место «идея, выражающая сущность тела и заставляющая нас постигать эту сущность через её причину» [Там же]. Кроме этого комментария Ж. Делез приводит выдержки из произведений Спинозы, где встречается оценка достоинства тела, отмеченная знаком его достаточно сдержанного восхищения: «Прибавим, что самое устройство человеческого тела по своей художественности далеко превосходит всё, что только было создано человеческим искусством» [Там же, 422]. Однако для самого Ж. Делеза всё наличное бытие есть некое имманентное тождество космоса и хаоса. Поэтому и современное искусство с его претензией на новизну и сенсационность, в которых нельзя не усмотреть элементов откровенно гнусной уродливости, в оценке представителей философии постмодерна находится «по ту сторону красоты и безобразия» [Бодрийяр 2014, 31].

В постмодернистской интерпретации достоинства человека без труда угадывается аллюзия на античность, в которой «для грека красота есть прежде всего тело» [Лосев 1980, 125]. С таким пониманием красоты, отмечает А.Ф. Лосев, «библейская эстетика имеет очень мало общего» [Там же, 125], хотя «тела здесь тоже созерцаются и они тоже сконструированы вполне лично» [Там же, 125]. Согласно А.Ф. Лосеву, «последняя красота всего личного с библейской точки зрения заключается не в телесности как таковой, но в её сотворённости Абсолютной Личностью» [Там же, 125], так что уже в библейско — христианской картине мира «во всех вещах, и во всех личностях, и во всём обществе, и во всей истории, и во всём космосе прекрасной является здесь только озарённость со стороны надмирного и абсолютно — личного начала, то есть отражение во всём абсолютного лика Божия» [Там же, 125]. В отличие от современности, для которой, как и для античности, характерно преклонение перед телесной красотой человека, христианство акцентирует внимание на внутренней, духовной и нравственной красоте человеческой души, без которой обесценивается и внешняя телесная красота, которая к тому же, будучи скоротечной и увядающей, в конце концов становится достоянием физической смерти и тления.

В перспективе неотвратимости смерти философия жизненного самоутверждения человека, его любовь исключительно к материальной жизни, обнаруживает свою несостоятельность и упраздняется в своём теоретическом и экзистенциальном значении. Кроме этого, здесь следует отметить, что интерпретация ключевых в онтологии человеческого существования концептов любви и смерти стала в современном философском дискурсе почти невозможной без привлечения постулируемых З.Фрейдом инстинктов жизни и смерти. Сложившаяся ситуация представляется вполне закономерной, если рассматривать З.Фрейда в качестве одного из предшественников философии постмодерна. Открытие З.Фрейда претендует на свою универсальную значимость в своей претензии объять и объяснить инстинктами жизни и смерти все явления духовного и исторического бытия человечества, включая религию, культуру, войны и агрессию. Ссылаясь в обосновании «инстинкта смерти» на А.Шопенгауэра, утверждавшего, что целью жизни является смерть, З.Фрейд противопоставлял инстинкт татаноса «инстинкту жизни», названного им эросом, и «был готов согласиться со словами Шиллера «голод и любовь движут миром» [Уотсон 2017, 374]. В свете откровенно редукционистской психоаналитической теории З.Фрейда жизнь человека представляется неизбежно драматичной. В работах французского психоаналитика Ж.Лакана ставится акцент именно на трагической судьбе человека, его «расщеплённости» и несостоятельности в плане достижения объекта желания. В философии постмодерна судьба человека уже никак не связана с вопросами «большого бытия» [Арсланов 2015, 299] и последнего

смысла человеческого существования. Согласно Ж.Бодрийяру, мир ещё прежде чем он был создан, «уже был соблазнён» [Бодрийяр 2017, 261]. Для этого французского мыслителя, не признававшего церковный догмат о следствиях Адамова преступления, зло является имманентным конститутивным элементом бытия. Через соблазн зло входит в человеческую природу и несёт ей истинное «освобождение». «Все мы однажды, — отмечает Бодрийяр, — были произведены на свет, все мы должны быть соблазнены» [Там же, 199]. Вынося свой приговор человеку, Бодрийяр обрекает его на фатально неизбежную подверженность власти зла, лишая человека подлинной свободы и сознания нравственной ответственности. Откровенно провокационный и этически сомнительный характер провозглашаемого Бодрийяром «освобождения» вполне очевиден. В оценке английского исследователя Тимоти Бьюза, почти неизвестного в России, постмодернизм определяется как «вершина всего циничного», как «чудовищный гибрид эстетики», как «декадентствующий, самопотворствующий аполитизм» и как «элитарный, ироничный нигилизм» [Бьюз 2016, 37]. Представленные в философии Ж.Бодрийяра концепции «освобождения тела» и «отмены смерти» в действительности не способны инспирировать человека на достижение высших ценностных идеалов, включающих достоинство личности, бессмертие души, этическое благородство. Философия Бодрийяра адресована современному человеку, коснеющему в праздности, инертности, нигилизме и иронии. Перед лицом неизбежности смерти современный человек, в отличие от поколений людей предшествующих эпох, проявляет удивительную неосмотрительность, которая заключается, с одной стороны, в погружении в суету мирской многопопечительности, а с другой стороны, — в пребывании в стихии дремучей духовной беспечности. Провозглашаемое Бодрийяром «освобождение» человека не освобождает, его от смерти как точки парадоксального пересечения относительной бессмысленности и ничтожности земной суеты с необъятно высоким и абсолютным смыслом вечности. «Постмодерн в конечном итоге — это своеобразная метафизика позднего XX века, и в этом весь его парадокс» [Бьюз 2016, 235].

Представленные философией постмодернизма концепции «освобождения тела» и «отмены смерти» Жана Бодрийяра, идея «человека вожделеющего» М.Фуко и концепция «внутреннего опыта» Жоржа Батая не имеют ничего общего с той кардинальной линией в истории поздней античности, раннего христианства, средневековья и классической философии Нового времени, в мировоззренческой парадигме которой были сформированы общие теоретические предпосылки в традиции интерпретации человека. Эти традиции нашли своё актуальное осуществление в религиозно-философских системах этики и аксиологии, теологии и антропологии, в сфере искусства и в памятниках мировой художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев 1977 — Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. Арсланов 2015 — Арсланов В. Г. Сущее и ничто. СПб., 2015.
3. Батай 1997 — Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997.
4. Бодрийяр 2006 — Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
5. Бодрийяр 2014 — Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2014.
6. Бодрийяр 2015 — Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015.
7. Бодрийяр 2017 — Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М., 2017.
8. Бьюз 2016 — Бьюз Т. Цинизм и постмодерн. М., 2016.
9. Гартман 2002 — Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
10. Делез 2001 — Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: Опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Спиноза. Бергсонизм. М., 2001.
11. Лосев 1980 — Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980.
12. Неклесса 2000 — Неклесса А. И. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000.
13. Тишнер 2005 — Тишнер Ю. Избранное: мышление в категориях ценности. М., 2005.
14. Уотсон 2017 — Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
15. Филиппович, Семёнова 1983 — Филиппович А. В., Семёнова В. Н. Послесловие // Философский энциклопедический словарь. Постмодернизм. М., 1983.
16. Хаустов 2018 — Хаустов Д. С. Лекции по философии постмодерна. М., 2018.
17. Шуон 2007 — Шуон Ф. Очевидность и тайна. М., 2007.
18. Юнг 1998 — Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М., 1998.
19. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
20. Beck 2008 — Beck U. World at risk: the new task of critical theory / Ulrich Beck // Development and society. 2008.
21. Derrida 1993 — Derrida J. Aporias. Paris, 1993.
22. Derrida 1999 — Derrida J. Donne la mort. Paris: Gallilee, 1999.
23. Derrida 1967 — Derrida J. La Voixet le phenomene. PUF, 1967.
24. Hutcheon 1989 — Hutcheon L. Politics of Postmodernism. London, NewYork: Routledge, 1989.
25. Nilsson 1995 — Nilsson M. P. Geschichte der grichischen Religion. Vol. I. Munich, 1955.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ им. М.В. Ломоносова

РОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА ИЗ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

THE RISE OF POSTMODERN PHILOSOPHY OUT OF A CRISIS

V. Savrey

Summary. The article is devoted to the comprehension of postmodern philosophy and its ideological, ethical, cultural and historical significance. The author notes the destructive and nihilistic features of the postmodern philosophy and its lack of a common fundamental conceptual basis. At the same time, the author hopes that thanks to the debate provoked by postmodern philosophy absolute and significant ideological and ethical postulates will return to the philosophy in our era since they are the origins of European philosophy and culture.

Keywords: postmodern, modern, culture, crisis, philosophy, era.

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению философии эпохи постмодерна с точки зрения её мировоззренческой, этической, и культурно-исторической значимости. Автор отмечает деструктивные и нигилистические черты в характере философии эпохи постмодерна и отсутствие в ней общей фундаментальной концептуальной основы. Вместе с тем автор выражает надежду, что вызванная постмодерном дискуссия окажется способной содействовать возвращению в философский менталитет нашей эпохи абсолютных и значимых мировоззренческих и этических постулатов, лежащих у истоков европейской философии и культуры.

Ключевые слова: постмодернизм, модерн, постмодерн, культура, кризис, философия, эпоха.

Философия и культура постмодерна стали знаком нашего времени. Постмодернизм вышел на большую дорогу истории и стал универсальным и глобальным явлением, решительно сменяя эпоху модерна. Время постмодернизма совпало с постиндустриальной эпохой, когда человек, находясь на вершине могущества в плане овладения миром, «отброшен к своему подлинному бытию в этом мире» [Ясперс 2012, 108]. На новом горизонте эпохи постмодерна провозглашается появление новой личности с постмодернистским сознанием и духовностью, с её новым отношением к миру, в котором существование человека доверено ему «как место и как плоть» осуществления его истока [Ясперс 2014, 171] и в котором он «находит путь к истоку человечности» [Ясперс 2014, 311]. Постмодернизм начал свой путь с философской ревизии мировоззренческих основ европейской культуры и бросает новый взгляд на многообразие эстетических, этических, религиозных и научных достижений классической эпохи модерна.

Начало 70 гг. прошлого века стало тем моментом, о котором историк архитектуры Чарльз Дженкс сказал, что этот рубеж ознаменовал собой символический конец модернизма и переход в эру постмодерна, когда постмодернизм врывается почти во все сферы жизни, не оставляя места для прежних теоретических и доктринальных идеалов. В архитектуре и искусстве, в литературе и в философии на сцену вышли новая эстетика и новая этика [Уотсон 2017, 649].

Парадигма эпохи постмодерна парадоксальна и одновременно закономерна в своём генезисе и истори-

ко-культурном феномене. Постмодерн рождён эпохой модерна, является её продолжением, и в то же время он отрицает модерн. Отношения между модерном и постмодерном А. Тойнби охарактеризовал как отношения между архаизмом и футуризмом.

В оценке А. Тойнби, «очевидное различие в ориентации, которое разводит эти два образа жизни, не столь значительно, как те глубинные черты, которые создают между ними общее» [Тойнби 1996, 350]. В этом отношении постмодернизм как новое явление на интеллектуальном и культурном горизонте нашей эпохи в его отношении к истории классического модерна может быть представлен через аналогию периода юности, переживаемой молодыми людьми, которые всячески стремятся дистанцироваться от мира взрослых людей и прежде всего от своих родителей. С этой целью они заводят новую моду в одежде, новые причёски, новую музыку. В период юности мир всегда воспринимается как «новый мир», таящий в себе нечто радикально новое. В концепции эпигенетического развития, разработанной Эриком Эриксоном, «ум подростка в поисках вдохновляющего единства идеалов становится умом идеологическим» [Erikson 1968 IX, 290]. Характерная для молодых людей диффузия идеалов является результатом неприятия молодыми людьми идеологии и тех ценностей, носителями которых выступают Церковь, родители и другие авторитетные инстанции [Хьюэлл, Зиглер 2001, 228]. По аналогии с периодом юности «футуризм» постмодерна характеризуется неприятием универсальных теорий, претендующих на обладание истиной. «Как футуризм, так и архаизм — это попытки разорвать пути настоя-

щего чрез обращение к другим временным периодам, не покидая, однако, земной план человеческого бытия» [Тойнби 1996, 350]. В стратегии концептуального постижения истории А. Тойнби гениален и проницателен. В параметрах истории человечества от Адама до конца веков ничего онтологически нового кроме события Боговоплощения и возникновения в мире христианства произойти уже не может. Немецкий теолог XX в. П. Козловский, утверждает тезис о том, что христианство как «модерн» по отношению к миру античности есть «последняя новость» в истории мира, поскольку никакой другой универсальной новости в истории человечества уже не будет, но будет Второе пришествие Христа и конец человеческой истории, на смену которой придёт Царство будущего века. В оценке А. Тойнби, модерн и постмодерн намечают разные пути исторического развития и создают опять же разные глобальные проекты будущего человечества, но они «альтернативны только по оси временного изменения» [Тойнби 1996, 350]. При этом их «объединяет то, что оба они оказываются бесперспективными» [Тойнби 1996], если, конечно, иметь в виду эсхатологическую аксиому, отражающую финализм исторического процесса: *paragietoschymatukosmututu* (1 Кор. 7:31).

В строго определённом теоретическом смысле постмодернизм не решает, а усложняет постановку проблем, рождённых эпохой модерна, для которой, начиная с эпохи Возрождения, казался актуальным и привлекательным проект создания Нового человека. В области научного знания постмодернизм выражает недоверие в отношении метарассказов эпохи модерна, способных претендовать на универсальную значимость. Ж.Ф. Лиготар, определивший постмодерн как кризис метанарративов, в контексте проблемы легитимации знания «описывает постмодернизм как недоверие к метаповествованиям, он отмечает сомнение и критику самой идеи автономного знания» [Смит 2012, 92]. В области искусства постмодернизм сформировал новую сенсационную парадигму, которая «лишена покоя и созерцательности» [Гартман 2002, 99]. В сфере образования постмодернизм отразил черты перехода от индустриального к информационному обществу с ускоренной модернизацией обучения в направлении технологичной и системной унификации учебного процесса в соответствии с запросами нового информационного общества. Постмодернизм отстаивает приоритет развития творческих способностей личности в интересах новой информационной цивилизации.

Как новый культурно-исторический феномен постмодернизм пришёл в мир на волне общего кризиса эпохи модерна, в которую век за веком с неотразимой мощью сокрушительной рационалистической мысли в её неразрывном союзе с материализмом и либерализ-

мом ниспровергались священные авторитеты и вечные ценности, разрушались барьеры нравственного благочестия и религиозных традиций. Рационализм и скептицизм ввергли человечество в состояние мировоззренческого, нравственного и культурного кризиса, в котором доминантное положение принадлежит рынку, потребительству и индивидуализму. С другой стороны, научные открытия Нового времени, особенно в области физики, астрономии и биологии, угасили вызванный ренессансным порывом пафос преклонения перед величием человеческого достоинства и по-новому поставили вопрос о смысле существования человека. «Мировая война поколебала нашу веру в себя и в «наше достоинство». А это значит, что мы утратили веру в рациональную организацию этого мира» [Уотсон 2017, 377].

«Ныне мы живём в эру разрушающихся и исчезающих традиций... Универсальные ценности приходят в упадок» [Франкл 1990, 295]. Перед лицом всеобщего релятивизма и нигилизма, ниспровергающих традиционные ценности, человек теряет фундаментальную опору в жизни, и он как новый субъект истории, в состоянии своей мировоззренческой растерянности, становится заложником ситуации, которую можно определить как кризис современной культуры. В условиях новой ситуации, под натиском глобализации, в мире формируется «идея примирения непримиримого как условие выживания человеческого рода» [Скоропанова 2001, 10]. С примирением связываются надежды на преодоление кризиса, в который погружён наш современный мир.

Понятие «постмодерн», обозначающее исторический отрезок времени, начавшегося после первой мировой войны, приобрело с 60–70 гг. прошлого века значение новой эпохи с её новым мироощущением, сознанием и культурой, которые стали альтернативой классической эпохи модерна.

С начала 80-х гг. XX в. термин «постмодернизм» присутствует в дискуссиях о визуальных искусствах, архитектуре, музыке и литературе. Со стороны постмодернизма прозвучала критика в адрес разума, восхитившего власть над обществом и историей. В литературе постмодернизм оформился как специфический «стиль письма» под воздействием «эпистемологического разрыва» с мировоззренческими концепциями традиционного модерна, провозгласив «потерю субъективности», воспринимаемую противниками постмодернизма как «постмодернистскую реакцию» против модернизма или как «критический миф» [Ильин 1996, 201]. В аналитической оценке Ж. Деррида, «литературный критицизм всегда, в любое историческое время по своей сущности и предназначению является структуралистским подходом» [Derrida, Alan 1963, 12]. Провозглашая освобождение от предрассудков эпохи модерна, философия пост-

модернизма пока не смогла противопоставить традиции модерна достойную конструктивную альтернативу, отмеченную знаком величия.

Перри Андерсон, ссылаясь на авторитетное мнение Арнольда Тойнби, обозначившего первоначальные границы эпохи постмодерна, в первой главе своей книги «Истоки постмодерна» декларативно отмечает:

«В восьмом томе «Постижения истории», опубликованном в 1954 г., Тойнби определил эпоху, начатую Франко — прусской войной, как «эпоху постмодерна», причём её характеристика сохраняла преимущественно негативный характер» [Андерсон 2011, 13]. Постмодернизм может быть представлен как масштабная и существенная ревизия интеллектуального и культурного наследия эпохи модерна. В науке, философии, истории, литературе, изобразительном искусстве, архитектуре и музыке постмодернизм выдвинул целый ряд авторов, создавших широкий диапазон его ключевых доктринальных положений. Феномен постмодерна таит в себе неразгаданную тайну, некую анигму, связанную с кризисом мировоззрения и культуры эпохи модерна. Постмодернизм многолик, неоднороден, аморфен и туманен. В области философии он не оформлен в какую-либо единую универсальную концепцию, но в то же время он радикален и решителен в своей новизне.

В оценке отдельных отечественных и зарубежных авторов содержится критика в адрес философии постмодерна: «постмодернизм несерьёзен и неуловим» [Арсланов 2015, 514]. Постмодернистская философия не менее агностична, чем модернистская традиция, с деконструкции которой она начала свой путь [Хаутепен 2008, 23]. С самого начала этот путь характеризовался профанацией всего возвышенного, священного и сакрального. «Ярость постмодернистской деконструкции уничтожила не только образ Бога — образ человека разлетелся на мелкие осколки» [Там же, 172]. Современный мир, забывший о том, что ни одна культура не рождалась и не развивалась иначе, как в парадигме определённой религии, не сознаёт и недооценивает важность веры для своего существования. Сущность проблемы в этом вопросе, согласно А. Тойнби, состоит в концептуальном видении смысла веры, в том, чтобы душа, «стремящаяся к Богу» [Тойнби 1996, 432] смогла отделить сущность религии от её «конкретно-исторических проявлений» [Там же]. В новой системе координат уже ничто не может быть святым. В оценке Ю. Хабермаса «аура трепета и страха, которая исходила от сакрального, и которая удерживала нас во власти священного, превратилась в связывающую силу подверженных критике разговорах о ценностях» [Habermas 1981, 119]. Присутствие в человеческой жизни трансцендентного абсолютного начала как гаранта бессмертия души заменилось провозгла-

шением ценностей, способных формировать в условиях реальной действительности качество личной жизни и вместе с ней качество общественной структуры в целом. Но только религия, отмечает Т.С. Элиот, пока она жива и действенна, является ноуменальным основанием культуры, оберегающим массы людей от скуки и отчаяния и придающим им необходимый в их жизни истинный смысл [Eliot 1948, 19].

Выступая против веры, традиций и религиозных авторитетов как символов ограничивающих и сковывающих свободу человека, являющейся одной из доминантных ценностей постмодернизма, Ю. Хабермас идёт путём Фейербаха, Ницше, Вебера и Фрейда [Хаутепен 2008, 173]. Однако провозглашаемая Хабермасом коммуникация, основанная на рациональных убеждениях, оказывается неспособной утолить духовную жажду души, взывающей в своей потаённой мечте небесного мира Божьего. Тем не менее, «постмодернистское свидетельство о смерти гуманизма и субъекта» [Там же, 371] уже не оставляет места для традиционной веры и нравственности. Новаторством в этике стал применяемый Ж. Деррида метод деконструкции, который был направлен к тому, чтобы «заново исследовать ответственность, ставя под сомнение коды, унаследованные у этики и политики» [Стретерн 2015, 371]. Как отмечает В.Г. Арсланов, «постмодерн в лице его наиболее глубоких и образованных представителей, таких как Жак Деррида — отражение и выражение чрезмерного, тотального отрицания, ставшего главной опорой самого тёмного и непросвещённого консерватизма» [Арсланов 2015, 525]. По лаконичному и предельно обобщённому заключению Вольфганга Вельша, «постмодерн начинается там, где кончается целое» [Welsch 1988, 29].

Какие же в таком случае идеалы провозглашает постмодерн, к чему призывает? Ставит ли постмодернизм перед собой какие-либо высокие цели? Желает ли он преобразовать человека, общество, мир? Нет, говорит А. Тойнби, он оставляет всё как есть, и даже подчёркивает бессилие разума в условиях новой ситуации. Но в то же время, как замечает А. Тойнби, «мотивом эвкации призрака является желание изменить мировоззрение и поведение современников» [Тойнби 1996, 497].

Эпоха постмодерна определяется характером постиндустриального общества, в котором человек открыт для своей внутренней свободы, свободы выбора, созерцания и творчества. «Постмодерн — эпоха массового творчества» [Гишинский 2017, 161]. Однако жизнь современного человека не способствует его углублению в таинства бытия. «Свобода теперь означает, прежде всего, свободу выбора» [Бауман 2004, 170]. Как пессимистично отмечает Ж. Бодрийяр, в современном постмодернистском мире после всеобщего «освобо-

ждения», освобождения политического, религиозного и нравственного, после «освобождения бессознательных импульсов, освобождения искусства» [Бодрийяр 2014, 7], после того, как «игра окончена — всё освобождено», мы «задаём себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?» [Там же]. С точки зрения традиционной нравственной философии истинная свобода, как она трактовалась в античном и христианском умозрении, не должна означать отказа от этических и мировоззренческих установок с присущими им понятиями абсолютного, истинного и вечного. В осознании своего места в общем универсуме бытия, в осознании самого себя «в парадигме онтологической реальности и этического действия» [Рикёр 2017, 153], человек должен исходить, как утверждает К. Ясперс, исключительно из веры в Откровение, поскольку «вне Откровения только релятивизм» [Ясперс 1991, 420]. Универсальная в своей концептуальной основе мысль П. Рикёра, устанавливающая экзистенциальную соотносительность между природой онтологической действительности и природой этического действия, не заключает в постановке самого П. Рикёра какой-либо аллюзии на интерпретацию этого тезиса в метафизической плоскости. Объективный смысл этой формулы в действительности отражает глубинную тайну икономии божественной благодати: онтологическая действительность создаётся Богом, а этическое действие сознательно совершается человеком, призванного этически и творчески актуализовать себя в парадигме нравственного уподобления первообразу в реальном соответствии с заповеданным в Евангелии идеалом нравственного совершенства (Мф. 5,48). В свете Евангелия человек «проживает свою персональную жизнь, имея перед глазами конкретный идеал человека» [Гартман 2002, 184]. Признавая в человеческой жизни приоритет разумного этического начала и рассуждая о том, что «экзистенция — это одно из слов для обозначения действительности» [Ясперс 2014, 171], Ясперс отнюдь не случайно цитирует высказывание Сёрена Кьеркегора, утверждающего в человеческом существовании уникальность и исключительность этического начала: «Единственной действительностью, которая действительна для того, кто существует,— его собственная этическая действительность» [Там же].

Кризис культуры эпохи модерна отдалённо напоминает кризис античной культуры в период поздней античности. От эпохи античности постмодернизм, вслед за эпохой модерна, унаследовал такие концепты античного восприятия бытия, как рационализм, критицизм, скептицизм, гносеологический и этический релятивизм: истины нет, справедливости нет, а существуют только мнения и убеждения. Кризис античного сознания, выразившийся в религиозном скептицизме и этическом релятивизме киников и агностиков, явился

прообразом предпринятой Ф. Ницше переоценки ценностей — аналога критики модерна со стороны представителей философии постмодернизма. В отношении диктатуры человека над природной средой и в отношении проекта однополярного мира эту критику следует признать справедливой. Чтобы ответить на вызовы антропоцентризма в отношении флоры и фауны Земли, вызовы европоцентризма в области культуры и в сфере геополитики, постмодернизм выступил с заявлениями кардинальной переоценки реальности, сложившейся в мире в XX веке, в котором кризис культуры был ознаменован двумя мировыми войнами и идеологическим террором. Отвергая любую форму доминирования части над целым, Ф. Лиотар в 1985 году призвал к признанию ценностей плюрализма: «дадим простор различиям и спасём честь имени» [Lyotard 1985, 82]. Идеология власти, насилия, доминирования как абсолютизация диктата авторитета теперь, с точки зрения авторов философии постмодерна, полностью исключается. В новом плюралистическом мире, как провозгласил Джон Капуто, необходимо позволить цвести всем цветам [Капуто 2011, 186].

В то же время в теоретическом плане постмодернизм выступает против абсолютной истины. На смену жёстким метафизическим структурам должны придти «слабые структуры», выражающие плюрализм мнений. Но если человек — это тот, кому дано уметь делать различие между истиной и заблуждением, то из этого следует, что истина должна соотноситься с целью человеческого предназначения, поскольку ошибка в плане умозрения с неотвратимой закономерностью ведёт к ошибке в практической деятельности. С другой стороны, представляется несправедливым приписывать постмодернизму тотальное отрицание всего, что можно отрицать.

Поэтому следует акцентировать критику не в отношении того, что Ж. Деррида утверждает относительность любого человеческого знания: «Наука — это истина, которая работает, а не истина, которая установлена раз и навсегда» [Стретерн 2015, 39], а в отношении того, как эта высказанная Ж. Деррида истина «работает» в сфере мировоззрения и этики. Когда К. Дж. Ванхузер поднимает вопрос о том, «есть ли какие-либо основания у знания, смысла и нравственности» [Ванхузер 2007, 306], он признаёт правоту Ж. Деррида в том, что «Деррида не ошибся, увидев, что наши ощущения, логика, сознание не могут служить таким основанием, потому что они уже «замутнены» языком» [Там же]. Несомненно, говорит Деррида, «вербальное препятствие» в процессе научного познания часто обладает формой метафоры [Деррида 2012, 297]. «Несомненно, царство метафоры простирается за пределы языка, понимаемого в узком смысле вербального «выражения»: «метафоры соблазняют разум» [Там же, 298]. Однако ошибка Деррида кроется в его

выводе о том, что «чётких оснований для определения авторского замысла знания или смысла не существует» [Ванхузер 2007, 306].

В действительности, например, постмодернизм не отрицает значения науки как одной из самых авторитетных и общепризнанных областей символической деятельности человека, а отрицает сциентизм, присвоивший себе исключительное право формировать мировоззрение общества [Griffin 1988]. Как явление истории и культуры «постмодернизм возникает на фоне кризиса модерна» [Рзаева 2011, 260]. подвергая критике традиционные ценности эпохи модерна и выступая за торжество идеалов единства, свободы, справедливости и уникальной значимости региональных и скромных, но всё-таки ценных периферийных реальностей бытия, постмодернизм не столько разрешает, сколько скорее углубляет все те проблемы существования, которые рождены мировоззренческими и этическими противоречиями эпохи модерна.

«Бог развёртывает мир как ковёр» [Ясперс 1991, 503]. В XX веке мир пережил «отпадение от Логоса, от идеи мирового порядка» [Там же, 501]. XXI век таит немало противоречий. «80% населения мира не подходит под стандарты постмодерна. Обе теории — и глобализации, и постмодерна — противостоят друг другу, несовместимы» [Мнацаканян 2018, 128]. Современный «свободный» мир бьётся в сетях опутавших его противоречий на общем фоне тенденции к дальнейшей секуляризации. «Одни ликуют в сознании освобождения жизни, другие обвиняют дух в этой величайшей измене, в этом несчастье, которое неизбежно приведёт к гибели человечество» [Ясперс 1991, 501]. В концепции А. Дж. Тойнби «цивилизации третьего поколения представляют собой регрессивное явление относительно высших религий» [Тойнби 1996, 432], в то время как «цивилизации второго поколения со всеми их надломами и последующими распадами, создавшие предпосылки для возникнове-

ния живых высших религий,— это не поражения, а победы — в той мере, в какой они помогли родиться вселенским церквам» [Там же]. В конце предисловия своей книги «Истоки постмодерна» Перри Андерсон приводит мысль А. Дж. Тойнби о том, что в длительной перспективе будущее планеты способна спасти всеобщая универсальная религия [Андерсон 2011, 14].

Оценивая феномен постмодерна с точки зрения его мировоззренческой и нравственно-этической значимости, следует констатировать ярко бросающееся в глаза отсутствие фундаментальных конструктивных начал в содержании его основных теоретических положений. Начав с деконструкции философии эпохи модерна, постмодернизм не смог преодолеть интенции иррациональных деструктивных тенденций, и это обстоятельство не может не вызывать тревогу со стороны его оппонентов. Деструктивная нигилистическая идеология может оказаться смертельно опасной не только для судеб народов и мировых держав, как это бывало в древней и новейшей истории, но и для существования мира в его глобальном масштабе. В то же время следует объективно признать, что критика эпохи модерна со стороны представителей постмодернистской философии во многих отношениях является справедливой. И, наконец, следует согласиться с тем, что в своей творческой новизне постмодернизм таит в себе пока ещё не раскрытый потенциал научных, этических, эстетических и религиозных интуиций. В этом плане с постмодернизмом как новым явлением на культурном горизонте нашей эпохи можно связывать надежды на оптимизацию его будущих перспектив.

Возврата в прошлое быть не может, и смысл будущего нужно видеть не в возвращении к формам исторического прошлого, а в конструктивном и творческом преобразении настоящего в соответствии с идеалами актуального исполнения Евангелия в мировой жизни человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон 2011 — Андерсон П. Истоки постмодернизма. М., 2011.
2. Арсланов 2015 — Арсланов В. Г. Сущее и ничто. СПб., 2015.
3. Бауман 2004 — Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
4. Бодрийяр 2014 — Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2014.
5. Гартман 2002 — Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
6. Гилинский 2017 — Гилинский Я. И. Девиантность в обществе модерна. СПб., 2017.
7. Ванхузер 2007 — Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста. Черкассы. 2007.
8. Деррида 2012 — Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
9. Ильин 1996 — Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
10. Капуто 2011 — Капуто Дж. Как секулярный мир стал постмодерным // Логос. 2011. № 3. С. 186–205.
11. Мнацаканян 2018 — Мнацаканян М. О. Постмодернизм. Происхождение. Природа. Место в современной социологии. М., 2018.
12. Рзаева 2011 — Рзаева Р. О. Дискуссии о современности и/или к вопросу о ситуации постмодерна // Гуманизм и философские ценности. М., 2011.

13. Рикёр 2017 — Рикёр П. Философская антропология. М., 2017.
14. Скоропанова 2001 — Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб., 2001.
15. Стретерн 2015 — Стретерн П. Деррида. М., 2015.
16. Тойнби 1996 — Тойнби А. Постижение истории. М., 1996.
17. Уотсон 2017 — Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
18. Франкл 1990 — Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
19. Хаутепен 2008 — Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008.
20. Хьелл, Зиглер 2001 — Хьелл Л. Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2001.
21. Ясперс 2014 — Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014.
22. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
23. Ясперс 2012 — Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М., 2012.
24. Derrida, Alan 1963 — J. Derrida, B. Alan Force et signification // Writing and Difference. 1963. С. 3–30.
25. Griffin 1988 — Griffin D. R. The Reenchantment of Science N. Y. 1988.
26. Eliot 1948 — Eliot T. S. Notes Towards the Definition of Culture. London, 1948.
27. Erikson 1968 — Erikson E. H. Life cycle. In International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 9, 1968.
28. Habermas 1981 — Habermas J. Theory des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Suhrkamp, Frankfurt. 1981.
29. Lyotard 1985 — Lyotard J. The Postmodern Condition. A Report on Knowledge. Minneapolis, 1985.
30. Welsch 1988 — Welsch W. «Postmoderne». Genealogie und Bedeutung eines umstrillenen Begriffs // « Postmoderne» oder der Kampf um die Zukunft / Hrsg. von Peter Kemper. Frankfurt. M. 1988. S. 29–30.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОНЯТИЕ «СУБЪЕКТИВНОСТЬ» В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

THE CONCEPT OF "SUBJECTIVITY" IN KANT'S PHILOSOPHY

N. Tetenkov

Summary. The article is devoted to the problem of interpreting the concept of "subjectivity" in Kant's philosophy. The author aims to examine the main provisions of Kant's philosophy regarding the problem of subjectivity. Objectives of the article: to identify the main trends towards the interpretation of the concept of "subjectivity" of Kant in modern domestic and foreign historiography; consider the main tenets of Kant in relation to the concept of "subjectivity"; to identify the philosophical problems that have arisen as a consequence of the interpretation of the concept of "subjectivity" proposed by Kant.

Keywords: German classical philosophy; Immanuel Kant, transcendental subjectivity.

Тетенков Николай Борисович

К.ф.н., доцент, Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск,

Россия

tenibo@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации понятия «субъективность» в философии Иммануила Канта. Автор статьи ставит целью рассмотреть основные положения философии И. Канта в отношении проблемы субъективности. Задачи статьи: выявить основные тенденции к интерпретации концепции «субъективности» Канта в современной отечественной и зарубежной историографии; рассмотреть основные постулаты Канта в отношении понятия «субъективность»; выявить философские проблемы, которые возникли как следствие предложенной Кантом интерпретации понятия «субъективность».

Ключевые слова: немецкая классическая философия; Иммануил Кант, трансцендентальная субъективность.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что понятие «субъективность», сформулированное в философии И. Канта, вызывает и по сей день множество интерпретаций и дискуссий в философии. Началом возникновения феноменологического подхода к анализу понятия «субъективность» принято считать классическую гносеологию XVII — XVIII веков. С позиций нашего исследования важно понимать, что в классической гносеологии понятие субъективности рассматривалось как проблема единства сознания, превращаясь таким образом в проблему единства явления сознания и его понятия [12, с. 26].

Следует отметить, что подобная трактовка понятия «субъективность» отражает общую тенденцию в философских течениях рационализма и эмпиризма, а также характерна для теорий самосознания немецкой классической философии. Философской проблеме «субъективности» посвящены работы Декарта и Спинозы, Гоббса и Локка, Лейбница и Юма, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха, однако наиболее концептуальный подход к разработке данного понятия представлен в трудах Иммануила Канта, причем именно его трактовка данного понятия вызывает до сих пор множество различных интерпретаций.

В отечественной историографии вопроса следует выделить работы таких авторов, как Е. Н. Коновалова, А. М. Положенцев, С. Н. Ставцев, которые приводят различные интерпретации понятия субъективность с позиций традиции русской философии: от рефлексивной субъективности Декарта до трансцендентальной

субъективности Канта, в современной отечественной историографии преобладает гносеологический подход к трактовке субъективности: понятие «субъект» рассматривается в оппозиции к «объекту» как к объективной действительности.

В зарубежной историографии, с точки зрения фундаментальности исследования проблемы, представляет собой особый интерес работа Эндрю Боуи «Эстетика и субъективность: от Канта до Ницше», в которой подробно рассматривается позиция и аргументация Канта по поводу возникновения и трансформации «субъективного» как феномена сознания [14].

Собственно, онтология «субъективности» практически не получила освещения в зарубежной истории философии, вероятно, в силу того, что само явление в итоге претерпело редукцию до понятия «сознание» благодаря интерпретациям философских постулатов Фихте и Гегеля. Возможно, именно поэтому само метафизическое основание классической субъективности, которое представлено тождеством мышления и бытия (Декарт) и тождеством мышления и воли (Гегель), стало интерпретироваться как общефилософский принцип. Фактически только Кант в своих философских построениях впервые разграничил понятие «Я» и внутреннее чувство, понятие и явление, поставив тем самым под сомнение тождество «мышления и бытие», а следовательно, и рефлексивную интерпретацию понятия «субъективность».

В силу изложенной актуальности темы нам представляется важным снова обратиться к интерпретации кон-

цепции трансцендентальной субъективности Канта, что позволит раскрыть основные характеристики понятия «субъективность», которые были сформулированы философом в качестве аргументов его полемики с Декартом и его философской системой.

Трансцендентальная субъективность появляется в трудах Канта в связи с его утверждением о том, что «я думаю» сопровождает все представления личности о внутреннем и о внешнем мире [5, с. 75]. Кант называет это «единством восприятия» [9, с. 837], «субъектом» [4, с. 279] и «трансцендентным единством самосознания» [3, с. 387].

На первый взгляд, все перечисленные термины относятся к субъективности, поскольку это условие возможности мышления и суждения, однако ключевой проблемой при понимании исследуемой категории трансцендентальной субъективности является то, что условия мышления не могут быть известны в соответствии с собственной теорией Канта, который утверждает о беспочвенности метафизических утверждений о мире за пределами знания [6].

Утверждения такого рода, которые сам Кант категорически отвергает, относятся к сфере рациональной психологии. В это ключе некоторые исследователи полемизируют с философом, указывая на то, что «Кант вводит воображаемый предмет трансцендентного в психологию с помощью необоснованных метафизических спекуляций» [13, с.597]. Более того, В. Ф. Бристоу сравнивает трансцендентный субъект Канта с декартовой субстанцией, которая представляет собой нечто отличное от мышления, но при этом имеет способность мыслить [15, с. 556]. Такая сущность, по мнению В. Ф. Бристоу, «не может быть известна Канту, так как этот феномен существует за пределами мысли — и все же, Кант делает предположения об этом феномене» [15, с. 558].

Другая попытка интерпретации суждений Канта о «субъективности» принадлежит М. Р. Стивенсону, который интерпретирует «я думающее» как «субъект мышления, который не является отдельным индивидом и не является ноуменом за пределами мысли или феноменом, удерживаемым в мысли» [18, с. 65]. Скорее, именно функция или деятельность мышления как такового, как утверждает М. Р. Стивенсон, «систематически неуловима» и потому не может быть известна [18, с. 67]. Согласно исследователю, «человек может знать лишь то, как люди должны воспринимать себя как познающих и действующих лиц, как они должны понимать себя и свою собственную деятельность» [18, с.68].

Таким образом, М. Р. Стивенсон противоречит утверждениям В. Ф. Бристоу о том, что Кант пытается что-то

сказать об объекте, который существует вне мышления и поэтому не может быть известен. Интересно, однако, что целый ряд исследователей единодушны во мнении о том, что такой ноумен как условие мышления должен быть логическим или фактическим субъектом мышления, деятельности или сущности, которая осуществляет мышление [14, с.358].

Исследователи также согласны с тем, что такой ноумен не может быть известен в соответствии с теорией Канта. Поскольку всему, что сделано, как объекту мышления дается форма категорий, невозможно узнать или описать предмет таким, какой он есть, вне категориального мышления (и если Кант делает это с точки зрения умственных способностей или иным образом, он противоречит сам себе) [16].

Хотя эти наблюдения не лишены оснований, необходимо отметить, что в тексте философских трудов Канта можно найти и другой способ прочтения проблемы субъективности, который не использовался в дискуссии большинства современных зарубежных исследователей. Дело в том, что субъективность была основным принципом теории Канта, «утвердившим первенство эпистемологии как теории идеального субъекта, который предшествует всем понятиям эмпирической или позитивной науки о бытии» [14, с. 116]. Далее в неокантианстве происходит попытка найти окончательную основу действительных суждений. То, что обеспечивает эту основу, является универсальной и единой структурой мышления, которую можно назвать «трансцендентальной субъективностью». Проблема в том, что трансцендентальный субъект Канта не должен пониматься ни психологически, ни метафизически, а только как единство категорий, поскольку «не сознание, а законы, которые регулируют его единство и делают понятие трансцендентальной субъективности первичным» [17, с.45–46].

В этом смысле понятие «субъективность» повторяется в разных формах в трудах многих философов неокантианского направления. Именно поэтому, на наш взгляд, понимание философской интерпретации понятия «субъективность» Канта зависит от научной «легитимности» определенных различий в массе иных, близких по смыслу понятий. Однако эти различия крайне трудно уловить. Например, «трансцендентальная эстетика» как описание условий восприятия, опирается, например, на разницу между «эмпирической интуицией» и концепциями, которые ее оценивают [14, с. 219].

Отметим, что именно англоязычная философия стала использовать технический термин «интуиция» для перевода немецкого слова «Anschauung», которое играет решающую роль в философии Канта. Слово имеет несколько смыслов, которые не всегда тождественны. В по-

вседневном использовании «Anschauung» просто означает «смотреть на что-либо», но в философии термин часто используется для обозначения различных видов контакта между субъектом и «другим». Кант рассматривает интуицию как наиболее непосредственную форму отношения познания субъекта к объекту, которая «имеет место только в той степени, в которой этот объект нам дан» [6], приравнивая такой объект с чем-то «реальным». По мнению Канта, «существование ... связано ... только с вопросом: дается ли нам такая вещь таким образом, чтобы восприятие вещи всегда могло предшествовать концепции. Ибо понятие, предшествующее восприятию, означает лишь его простую возможность; но восприятие, которое дает материал для концепции, является единственным характером реальности» [6, с.273].

Таким образом Кант закладывает основу для различия между явлениями, объектами, данными нам, и вещами в себе, которые не даны нам в качестве явлений. Вопрос в том, как «внутри» и «снаружи» связаны друг с другом, и здесь Кант все превращает в статус «интуиции».

Основным примером интуиции является ощущение твердости куска камня, однако Кант отделяет подобные эмпирические интуиции от того, что он называет «чистой интуицией», которая связана с «расширением и формой» объекта и является основой геометрии. «Чистая интуиция» относится к структуре, в которой мы обязательно постигаем вещи. Есть две формы чистой интуиции: пространство и время. Мы не можем представить объект чувств, который существовал бы в непространственной и невременной форме: мы никогда не можем постичь весь объект сразу, хотя мы предполагаем, что все аспекты объекта существуют в определенное время [5].

Согласно Канту, мы можем, однако, представить себе функции мышления, которые не являются пространственными и невременными, а именно те аспекты мышления, которые являются полностью неэмпирическими, включая категории [4].

Кант полагает, что категории являются формами суждения, синтеза, которые универсально применимы ко всему, что может считаться объектом (который должен быть одним или несколькими, определенного размера, находящимся в определенном отношении к другим объектам и т.д.). Например, чтобы воспринимать последовательность событий как причинную, требуется особая форма синтеза, обозначенная категорией причинности [4]. Например, согласно Канту, можно видеть, что «субъект следует за временем (на основе непрерывности «Я» между двумя событиями), но нельзя увидеть необходимость этого события, которое делает его при-

чинным, а не случайной связью между случайными событиями [5].

Таким образом, категории делают возможным синтез интуиции, который превращает интуицию в надежный инструмент познания. При этом, согласно «Критике чистого разума», познание имеет два различных источника: «восприимчивая» чувственность, которая обеспечивает интуицию, и «спонтанное» понимание, которое может мыслить объекты как объекты знания, применяя итерированные категории, такие как причинность, и концепции к различным интуициям [6].

Первым этапом создания последовательности из множества чувственных интуиций является эффект *Einbildungskraft* («воображение»). Воображение — это способность организовывать интуитивные образы в то, что Кант называет «схемами», которые затем можно отнести к категориям и понятиям. По мнению Канта, далее «воображение» создает ассоциации, которые сливаются во что-то познаваемое, и способно воспроизводить интуицию без присутствия объекта интуиции. Воображение в этой версии кажется продуктивным и восприимчивым, что уже позволяет говорить о двусмысленности в отношении фундаментального различия между интуицией и концепциями. Производительность — это функция понимания, которая необходима для любого синтеза интуиции; восприимчивость является характеристикой чувственного восприятия [6].

Интересно, что в своей «Метафизике нравов» Кант меняет роль воображения, чтобы поддерживать границу между тем, что мы вносим в понимание мира, и тем, что делает мир, подчиняя репродуктивное воображение функционированию категории понимания [7]. Можно предположить, что в последующем Кант планировал (но не успел сделать этого) убрать известное описание воображения как «слепой, но незаменимой функции души, без которой у нас не было бы знания» [6, с. 78] и заменить его утверждением о том, что весь синтез основан на понимании [7].

На наш взгляд, понятие субъективности в философии Канта тесно связано с проблемами, кроющимися в идее о границе между спонтанностью и восприимчивостью, поскольку именно они становятся наиболее очевидными в решающей части изложения Кантом структуры субъективности — в попытке «Я» описать самое себя. Именно эта проблема — «трансцендентальный вывод категорий» [7], будет иметь большое влияние на немецкий идеализм и ранний романтизм и, следовательно, на историю всей философии.

Еще одна проблема состоит, на наш взгляд, в том, что высший принцип философии, «Я», не может быть досту-

пен как «интуиция» в том смысле, в каком его использовал Кант. Чтобы преодолеть ключевую проблему Кант вводит идею, что «Я-мыслящий», должен быть в состоянии сопровождать все мои представления» [6, с.132]. Данную идею Кант называет «синтетическим единством самосознания», потому что различные моменты сознания объединены основным принципом. Он противопоставляет это синтетическое единство cogito Декарта, «аналитическому единству самосознания», в котором мышление и бытие субъекта сразу же становятся идентичными, хотя только в тот момент, когда «Я» сомневается в своем существовании [14]. Таким образом, мы можем сказать, что непосредственное «картезианское» осознание себя, которое может сопровождать каждую мысль и которое делает ее моей мыслью, не связывает это частное «я думаю» с любым другим случаем «я думаю». Только посредством синтеза различных моментов такого сознания «я» может осознать идентичность своего собственного самосознания во времени и соблюдать принцип единства для своих представлений. По мнению Канта такой синтез зависит от акта «спонтанности»: синтез «самопричинен», а не вызван чем-то другим [6, с.133].

Иными словами, если бы это было результатом чего-то другого, то задача заключалась бы в том, чтобы обосновать это «что-то» еще в чем-то другом как его причину, и так далее; либо до тех пор, пока не будет найдена первая причина, либо до бесконечности, и в этом случае синтез никогда не произойдет, и самосознание — и знание — станет невозможным.

Следовательно, рассматриваемая спонтанность сама по себе не может быть частью чувственности, потому что все чувственное является частью причинно-детерминированного мира, данного интуицией. То, что дается в чувственной интуиции, синтезируется пониманием в соответствии с правилами суждения — категориями, что Кант и пытается узаконить в трансцендентальной дедукции [6, с. 275].

Это означает, однако, что идентичность сознания на самом деле, кажется, зависит от множества интуиций, которые оно синтезирует в соответствии с предшествующими правилами понимания. В добавленном позже отрывке «опровержения идеализма» Кант утверждает, что «даже наш внутренний опыт, который был несомненен для Декарта, возможен только при условии внешнего опыта» [6, с. 275].

Тем не менее, Кант также утверждает, что сам процесс синтеза — это то, что позволяет «Я» идентифицировать себя: «Только благодаря тому, что я могу постичь множество [представлений] в одном сознании, я называю их всеми своими представлениями», потому что в противном случае у меня была бы личность, которая была бы

столь же разноцветной, как и мои идеи, которые я осознаю» [6, с. 134]. Проблема, конечно, в том, что здесь нет объяснения того, что делает эти представления «моими» — то есть субъективными. Однако идентичность «Я», безусловно, должна быть установлена независимо от бесконечной разницы в том, что ему дано в качестве объектов. Таким образом, «Я» как трансцендентальная субъективность, с точки зрения Канта, представляет собой набор связанных когнитивных правил, которые превращают интуицию в единство опыта и имеют «синтетическое единство». Возникает вопрос, если следовать логике рассуждений Канта, «что «я» знает об этом «я»?

Кажется, что ответ Канта сводится к тому факту, что доступ к нашему самосознанию может быть только того же порядка, что и наша интуиция объектов: «Не сознание определяющего, а скорее только самосознание, которое может быть определенным, т.е. моей внутренней интуицией (в той степени, в которой ее многообразие может быть связано в соответствии с общим условием единства восприятия в мышлении), является объектом» [6, с. 407].

В итоге, однако, возникает новая проблема: синтетическое единство «Я» не гарантируется нашим эмпирическим восприятием, потому что оно вызвано самим собой, хотя Кант утверждает, что эмпирическое восприятие является необходимым условием познания. Кант говорит о «чистом синтезе понимания, которое является априорной основой эмпирического синтеза» [6, с. 140].

В других работах Кант затем прилагает значительные усилия, чтобы опровергнуть аргумент о том, что «Я» следует рассматривать как какое-либо постоянное «вещество», к которому прикреплены атрибуты, но не продвигается дальше в решении основной проблемы. Если я хочу познать себя, мне нужно использовать условие познания самого себя, которое вызвано самим собой, но я могу использовать его только по отношению к своему появившемуся «я», к моим представлениям о себе и мире, которые Кант настаивает, что я не создаю. Самосознание в конечном счете не является познанием самого себя, потому что познание возможно только в отношении того, что дано как видимость. Таким образом, даже для Канта «отражение» себя как объекта, разделение себя на субъект и объект не может дать полного представления о природе самосознания. Полное «познание» самого себя должно быть интуицией чего-то, что целиком находится в сфере «вразумительного», «царства спонтанности». Это повлечет за собой самопровозглашенную интуицию самопричиненного синтеза интуиции, которая требует «интеллектуальной интуиции». Отметим, что Кант отвергает это понятие применительно к самости, потому что оно противоречит его аргументу о том, что интуиция без концепций слепа, а концепции без интуиции пусты. Это означает, что идентичность «Я»

зависит от наличия интуиции, данной ему для синтеза. Кант рассматривает интеллектуальную интуицию как способ осознания божества, которое создает объекты его мысли, а не полагается на вход извне в качестве материала своей мысли. Фрэнк резюмирует возражение Канта об интеллектуальной интуиции следующим образом: «Весь вывод о возможности объективного познания стал бы излишним, если бы Кант принял разум, который создает свой объект из своих собственных сил» [14].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что разум, который, по мнению Канта, он может описать, представляет собой объективную истину, а не существование объекта, посредством использования его синтетических сил по отношению к возникающему пространственно-временному миру. Тем не менее, правдивость предмета недостаточно четко сформулирована

в таком изложении. Высшая когнитивная точка философии не может знать себя, даже если она должна принять необходимость своего собственного существования. В «Паралогизмах» Кант утверждает, что «суждение, я думаю, или я существую как мышление, является эмпирическим суждением» [14, с.217]. Эмпирические суждения требуют интуиции, если то, что они выражают, должно быть реальным, но какая интуиция у меня сама по себе? Далее Кант утверждает, что «представление апперцепции, «Я» на самом деле «есть не что иное, как ощущение существования без малейшего понятия и только представление того, к чему относится все мышление» [6, с. 106]. Таким образом, в своей трактовке понятия «субъективность» Кант сталкивается с серьезной проблемой использования самосознания как высшего принципа эпистемологии, и та же проблема повторяется в его моральной философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова М. Ф. Мистерия логики и тайна субъективности: О замысле феноменологии и логики у Гегеля. — М.: Наука, 1996. — 238 с.
2. Кант И. Всеобщая естественная теория и история неба // Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 1. С. 113–260.
3. Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Там же. С. 383–498.
4. Кант И. Критика практического разума // Соч. в 4 т. на немецком и русском языках / отв. ред. Н. Мотрошилова и Б. Тушлинг. М., 1997. Т. 3. С. 277–733.
5. Кант И. Критика способности суждения // Там же. 2001. Т. 4. С. 69–833.
6. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на русский и европейские языки. М., 1998.
7. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Наука, 1998. — 655 с.
8. Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М., 1965. Т. 4, ч. 2. С. 107–438.
9. Кант И. Первое введение в «Критику способности суждения» // Соч. в 4 т. на немецком и русском языках / отв. ред. Н. Мотрошилова и Б. Тушлинг. М., 2001. Т. 4. С. 835–957.
10. Коновалова Е. Н. Иммануил Кант и развитие идеи субъективности в русской духовно-академической философии. // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2010. -С.58–63.
11. Положенцев А. М. Основная идея Канта. // Кантовский сборник. 2010.
12. Ставцев С. Н. Проблема субъективности в трансцендентально-феноменологической традиции // Формы субъективности в философской культуре XX века. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.26–51. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/stavcev-sn/problema-subektivnosti-v-transcendentalno-fenomenologicheskoy-tradicii>
13. Baumann Ch. Kant, Neo-Kantians, and Transcendental Subjectivity. *European Journal of Philosophy*. Volume25, Issue3. September 2017. P. 595–616.
14. Bowie A. *Aesthetics and subjectivity: from Kant to Nietzsche*. Second edition. Manchester University Press Manchester and New York Distributed exclusively in the USA by Palgrave. 354 p.
15. Bristow W. F. Are Kant's Categories Subjective? *Review of Metaphysics* 55 (3)2002. P. 551–580.
16. Li Zehou. *The Philosophy of Kant and a Theory of Subjectivity*. The Yearbook of Phenomenological Research book series (ANHU, volume 21) URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-009-4596-8_7
17. Mehmet Atalay. *Kant's Aesthetic Theory: Subjectivity vs. Universal Validity*. *Percipi* 1 (2007). P. 44–52 URL: http://www.personal.ceu.hu/percipi/archive/200701/05_atalay.pdf
18. Stevenson M. R. *Subjectivity and Selfhood in Kant, Fichte and Heidegger*. COLUMBIA UNIVERSITY. 2012. 285 p.

© Тетенков Николай Борисович (tenibo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИКО-ПОНЯТИЙНЫЕ УСЛОВИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ»

THEORETICAL AND CONCEPTUAL CONDITIONS OF THE CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT OF «JUDICIAL AUTHORITY»

*D. Tsyrendorzhieva
E. Batobolotova*

Summary. The article is devoted to the theoretical and conceptual conditions for the conceptualization of the concept of «judicial authority». The problem of establishing the concept of «judicial authority» is associated with the need to establish the theoretical and conceptual conditions for the conceptualization of this concept. The author comes to the conclusion that the theoretical and conceptual conditions of conceptualization are intended to determine the semantic relationship between the concept of «judicial authority» and its theoretical and legal concepts that have arisen independently of the differentiation of judicial functions as the main type of state activity. These concepts, in essence, include the concepts of law, the state and the concepts derived from them.

Keywords: judicial authority, law, state, society, court, justice, power.

Цырендоржиева Дари Шойбоновна

*Д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Бурятский
государственный университет имени Доржи
Банзарова»
dari145@mail.ru*

Батоболотова Екатерина Борисовна

*ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова»
katyagneusheva88@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена теоретико-понятийным условиям концептуализации понятия «судебная власть». Проблема становления понятия «судебная власть» сопряжена с потребностью установления теоретико-понятийных условий концептуализации данного понятия. Автор приходит к выводу о том, что теоретико-понятийные условия концептуализации предназначены для того, чтобы определить смысловую связь между понятием «судебная власть» и предопределяющими его теоретическими и правовыми понятиями, возникшими независимо вследствие дифференциации судебных функций, как основного вида государственной деятельности. К этим понятиям, по существу, относятся понятия права, государства и обрванные от них понятия.

Ключевые слова: судебная власть, право, государство, общество, суд, справедливость, власть.

Становление судебной власти, в ее современном общеправовом понимании, является выражением существования таких социально-правовых феноменов, как право, государство и общество. Течение общественных процессов, в том числе институционализация самой власти в праве, характеризует должное и справедливое в культуре данной общественности, объясняет онтологию государства. Структура любого государственного-организованного общества, состоящего из системы органов, детерминирующих направление развитие общества и осуществляющих власть государства, обусловлена объективностью социальных процессов. Данные органы порождают систему отношений между государством и обществом.

По мнению В.С. Нерсисянца, вопросы оформления отношений в сфере политики и правового опосредования появляются уже в эпоху античности в Древней Греции и Древнем Риме. Данная проблематика включала в себя следующие аспекты: справедливость устройства античного города-государства, справедливость его законов и власти, целесообразное распределение функций между государственными органами, разделение форм правления на правильные и неправильные, глав-

ная роль закона в жизни полиса при определении отношений между государством и гражданином, значимость законности при описании разных форм правления и т.д. [7, с. 88]. Основной идеей, формирующей процесс опосредования отношений правом, является идея о порождении права не силой, а справедливостью.

Общие принципы осуществления власти и «справедливая» форма правления предусматривают создание системы компетентных органов и в вопросах разрешения споров с помощью закона, как всеобщего объективного критерия определения должных, законных действий. Соответственно — предусматривают дифференциацию властных компетенций судей и судов. Данное положение представляет собой теоретико-понятийное условие концептуализации понятия «судебная власть».

Общеизвестно, что функции судебных органов стали выделяться как самостоятельный вид деятельности человека предположительно во время перехода государственности из фазы простого протогосударства в фазу современного государства. В различных памятниках политической и правовой мысли, в отечественных и зарубежных исследованиях содержатся понятия судебной

власти. Так, например, в сочинении Геродота «История» содержится описание состязательного процесса и розыска суда у древних народов — скифов.

Также мы можем наблюдать процесс обособления судебной власти в качестве независимого подвида публичной власти посредством передачи полномочий специальным органам и лицам, наделенными специальными полномочиями в римском и греческом обществах, в системе королевской власти Европы и Англии. Сущность судебной деятельности была рассмотрена Платоном в диалоге «Политик», который определяет ее следующим образом: «Чужеземец: Давай изучим искусство судей, справедливо осуществляющих суд... Так, имеет ли оно способность на что-либо большее, чем судить, взяв к сведению все обоюдные обязательства, установленные царем-законодателем в качестве справедливых, трактуя, какие из них совершаются справедливо, а какие нет? Непосредственная его добродетель заключается в том, что ни с целью получения даров, ни из сострадания или страха, а также неприязни или дружбы оно не склонно к отступлению от распоряжений законодателя при рассмотрении встречных обвинений, участвующих в тяжбе, сторон. Сократ младший: Да, несомненно: деятельность данной способности находится в рамках обозначенной тобою границы. Чужеземец: Стало быть, мы обнаружили, что сила судей не является царственной, а представляет собой смотрительницу законов и служанку силы царя» [9, с. 772].

Другой известный немецкий философ Ф.Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», изучая государство и род Древнего Рима, указывает на то, что итоговое апелляционное решение о смертном приговоре гражданину Рима принимало во всех случаях в качестве высшей судебной инстанции собрание куриий. Обладание полномочиями в сфере гражданского управления и властью над собственностью, свободой и жизнью граждан происходило только в том случае, если они являлись следствием власти главы судебного органа относительно исполнения приговора [5, с. 84].

Также раскрывает суть судебной власти Т. Гоббс в «Левиафане»: «К служителям относятся и те лица, кому доверено судопроизводство, так как в своем кресле судьи они являются представителями суверена и приговор, вынесенный ими есть и его приговор. В действительности, как указывалось раньше, все функции судов представляют собой суть основной части верховной власти, и вследствие этого все судьи являются служителями лиц, обладающих верховной властью» [2, с. 189].

В своем труде «Рассуждение о третьей декаде Тита Ливия» Н. Макиавелли пишет: «...благополучие респу-

блики находится в зависимости от величия одного человека или от воздействия правильных законов. В частности, Римская республика вернулась к своим началам в результате учреждения народных Трибунов, Цензоров и других законов, сдерживающих власть и надменность людей. Однако такого рода перемены нуждаются в помощи какого-либо нравственного гражданина, который смог бы их провести вопреки сопротивлению сторонников существующих злоупотреблений... Данные наказания, отличающиеся строгостью и значимостью лиц, на которых они распространялись, всякий раз напоминали гражданам о первоначальных учреждениях во всей их непорочности. Когда наказания стали довольно редки, развращение стало быстро расходиться и наказание опасных преступников сделалось затруднительным и опасным. В связи с этим следует каждые десять лет демонстрировать образец подобной строгости; в противном случае люди их забудут и заново привыкнут беспрепятственно нарушать закон. В том случае, если примеры строгости не будут вселять страх перед законом, число нарушителей станет расти и преследование их делается опасным» [4, с. 396].

На территории России первыми обществами, отношения в которых можно восстановить по историческим и правовым источникам, были ираноязычные племена — сарматы и скифы, которые объединились в протогосударства примерно в VIII–XX веках до н.э. [8, с. 38–39]. Известный советский и российский правовед, специалист по истории государства и права О.И. Чистяков подчеркивал, что даже скифский царь по делам, касающимся его личного статуса не участвовал в судебной деятельности, поскольку полагался на объективность судей или участвовал в ней опосредованно [6, с. 20].

Преобразование и совершенствование формы государства, переход от монархии к республике, усложнение и развитие общественных связей, развитие теории права, образование общественных институтов и властных систем приводит к усложнению и модернизации системы делегирования судьям и судам. В теоретической и правовой мысли, в практической законотворческой деятельности источник верховной власти смещается. Теперь в качестве носителя власти выступает народ. Формируется концепция разделения властей. В результате этого, понятие «судебная власть» обретает новые смыслы и формы, но сохраняет первоначало — делегирование в незначительной степени.

С.С. Алексеев отмечает связь организованной силы государства с правом, посредством чего право может обеспечить бесспорное утверждение государственной воли. В связи с этим, он подчеркивает, что «требуется обозначить то исключительное место, которое занимают органы правосудия — суды среди иных субъектов

применения права. Исходя из направлений своей деятельности, ее формы и организации они могут судить «о праве», т.е. о правомерности или неправомерности поведения лиц, участвующих в общественных отношениях с применением всех проистекающих отсюда правовых последствий» [1, с. 325]. Также Вл. Соловьев пишет: «потребность в личной свободе, чтобы она могла реализоваться, уже предусматривает ограничение этой свободы в той степени, в какой она противоположна на данном этапе развития человечества интересам общества или общему благу. Данные противоположные интересы, на самом деле соприкасаются друг с другом и порождают право [10, с. 458].

Такие философы эпохи Возрождения и Нового времени, как Н. Макиавелли, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ш. Монтескье и другие считали, что идея построения государства связана с распределением власти между различными движущими силами государства. Но в то же время большинство философов придерживалось теории разделения власти на три составные части: законодательную, исполнительную и судебную.

Среди русских государственных деятелей XIX в. особый интерес к вопросу разделения властей проявляли Н. М. Коркунов, В. С. Соловьев, М. М. Сперанский, Б. Н. Чичерин и другие [11, 13]. Так, например, М. М. Сперанский указывал на необходимость учреждения в России конституционной монархии с учетом сохранения трех властей [12]. В свою очередь, Н. М. Коркунов не разделял позицию Ш. Монтескье о разделении власти на три части при республиканской форме правления, ссылаясь на то, что государство и государственная власть являются

не постоянными, а развиваемыми моделями. Он считал процесс развития государств постоянно модернизируемым и рекомендовал регулировать и перераспределять баланс властей с учетом определенной ситуации [3, с. 152–155].

Таким образом, в настоящее время мы приходим к выводу о том, что становление понятия «судебная власть» было вызвано потребностью в «справедливом» управлении государством, отрицании понятия «право представляет собой право сильного». Потребность в соблюдении справедливости предписывает повышение специализации органов в сфере регулирования общественных отношений. Это приводит к дифференциации полномочий, их делегированию органам и должностным лицам, к технологическому разъединению процедур. Образуются группы социальных феноменов, обладающих властной природой, которые связаны с насилием, принуждением, преобразованием соотношений прав и обязанностей как результат деятельности органов судебной власти.

Исторически сформировавшаяся независимость судебной деятельности и ее прочная связь с правом и государством свидетельствует о том, что конструкт судебной власти не представляется возможным описать за пределами теоретико-правовой расшифровки этих государственно-правовых понятий, как общей теоретико-правовой среды. Существование конструкта судебной власти возможно лишь при условии, что мы имеем ввиду определенный класс правовых и общественных явлений, осуществляющих те же функции власти, что право и государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. / С. С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1981. — Т. 1. — 360 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. — М., 1991. — 503 с.
3. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. — СПб., 1892–1893. — 404 с.
4. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли. — Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. — 576 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3-х т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1986. — Т. 3. — 639 с.
6. Мулукаев Р. История государства и права СССР / Под ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. — Ч. 1. — 280 с.
7. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. — М.: Норма, Инфра-М, 1999. — 552 с.
8. Патракова В. Ф., Черноус В. В. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / В. Ф. Патракова, В. В. Черноус. — Ростов н/Д., 1990. — С. 38–39.
9. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон. — М.: Мысль, 1998. — 798 с.
10. Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. / В. С. Соловьев. — М.: Мысль, 1988. — Т. 1. — 892 с.
11. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 10 т. / В. С. Соловьев. — 2-е изд. — СПб., 1911–1914. — 421 с.
12. Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов / М. М. Сперанский. — СПб., 1809. — 192 с.
13. Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права / Б. Н. Чичерин. — СПб., 1858. — 402 с.

НАШИ АВТОРЫ

Batobolotova E. — Buryat State University named after D. Banzarov
katyagneusheva88@mail.ru

Fedekin I. — PhD in psychology, assistant professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
ifedekin@mail.ru

Galmagova G. — Graduate student of the Tomsk State University of Architecture and Building
g.m.gm@mail.ru

Gezenko D. — Teacher of the Saint Petersburg University of the Humanities and Social
billy_92@mail.ru

Ginzburg D. — Lecturer, Private Educational Institution of Higher Education «Academy of Management and Production», Moscow
89160116111@mail.ru

Ivinskikh G. — Candidate of Sciences in Culturology, Assistant Professor, Perm State Institute of Culture
iwinskikh@mail.ru

Kalendarishvili Z. — Candidate of law, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Saint Petersburg University of the Humanities and Social
zurab.kalendarishvili@yandex.ru

Kamshukov A. — Post-Graduate Student, Penza State University
nopaper@yandex.ru

Klimovich A. — Financial University under the Government of the Russian Federation
allexgut@gmail.com

Konstantinov V. — Doctor of Psychology, Associate Professor, Penza State University
konstantinov_vse@mail.ru

Latynov V. — PhD in Psychology, senior scientific researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)
vladlat5@lenta.ru

Leevik M. — Degree applicant, Russian state pedagogical University them. A. I. Herzen; St. Petersburg state University budgetary health institution «Clinical infectious diseases hospital. S. P. Botkin»
maryalee@bk.ru

Malkarova R. — Candidate of psychological science, senior lecturer, Federal state budgetary educational institution of higher education «Kabardino-Balkar state University. H. M. Berbekova», Nalchik
mtd61@mail.ru

OUR AUTHORS

Mikhailova A. — Postgraduate, Tomsk state university of control systems and radioelectronics, Tomsk
mav_sci@list.ru

Nogeroва M. — Candidate of psychological science, associate Professor, Federal state budgetary educational institution of higher education «Kabardino-Balkar state University. H. M. Berbekova», Nalchik
noger.mar@mail.ru

Parfentiev V. — Postgraduate Student, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism, Moscow
viper7784@yandex.ru

Pokhomova O. — Federal state budgetary educational institution of higher education «Kabardino-Balkar state University. H. M. Berbekova», Nalchik
ms.ksuy@bk.ru

Redina A. — Psychologist, School № 387 (St. Petersburg)
redinaanna@bk.ru

Ryazhkin A. — Postgraduate Student, Chelyabinsk State University
aoryazhkin@gmail.com

Savrey V. — PhD in philosophy, Lomonosov Moscow State University
vsvry@icloud.com

Senchenko V. — Crimean Engineering and Pedagogical University
senchenko_n.a@mail.ru

Shemet I. — Doctor of Psychology, Autonomous nonprofit organization of higher education “Catherine the Great National Institute”, Moscow
irashemet@yandex.ru

Shemet S. — Postgraduate student, Moscow State Pedagogical University, Moscow
shemet-sofya@yandex.ru

Sozaev A. — Candidate of philological sciences, associate Professor, Federal state budgetary educational institution of higher education «Kabardino-Balkar state University. H. M. Berbekova», Nalchik
azamat-s@list.ru

Tetenkov N. — Candidate of philosophy, assistant professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
tenibo@yandex.ru

Tsyrendorzhiyeva D. — Doctor of Philosophy, Professor, Buryat State University named after D. Banzarov
dari145@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).